

ОМЕТЬ

№ 10 (1416) май 1986

ISSN 0131-6556

**Александр СОРОКИН —
главный конструктор
автозавода**

**В ЭТОМ
НОМЕРЕ МЫ
РАССКАЗЫВАЕМ:
о выдающемся
композиторе
Георгии Свиридове,
студенте в 13 лет,
инженере,
ставшем в 33 года
руководителем производства.**

В нашем обществе управление государством, управление производством никогда не являлось привилегией узкого круга должностных лиц. Следуя ленинским заветам, партия всегда стремилась привлекать всех трудящихся к участию в делах общества и государства. Максимальное уважение к решениям, принятым в трудовых коллективах, к мнениям рабочих собраний должно быть, как отметил съезд партии, правилом, соблюдаемым неукоснительно. Как никогда раньше, возросла цена принципиальных, ответственных решений, принимаемых ради интересов общего дела. Как никогда раньше, нужны творческие, разумные, смелые действия каждого из нас на своем рабочем месте. Вот почему недопустимы сегодня факты формального, бездушного отношения к интересам людей, высокомерное игнорирование рабочей инициативы, предложений, с которыми выходят к руководству бригады и участки. Каждый такой случай — повод для тревоги, сигнал к действию.

ВЫСТУП

Вы что же думали? — сказал начальник цеха Погорелов. — Написали в Москву, вынесли сор из избы, и все, победили? Вы думали, что-нибудь изменится? Ну, приехали из Москвы, и что? — Тут начальник выразительно обернулся в мою сторону. — А ничего. Нет, хватит! — остановил он чью-то поднятую руку. — Хватит. Вы за сегодняшний день уже достаточно наговорились. Теперь говорить буду я.

Кто-то опять поднял руку, даже попытался встать с места.

— Хватит! — снова сказал начальник. — Помолчите. Вы уже дописались до Москвы, теперь помолчите. Вы, бригада, поступили неискренне. Если имеете какие-то претензии, не надо писать! Пришли бы, мы подумали вместе, вместе разобрались, создали бы здоровый климат в коллективе.

— Сколько можно! — раздался хор голосов. — Два года тянется эта волянка. Сколько собраний было, сколько обещаний...

— Теперь мы возьмем это дело под контроль! Все согласны?

— Нет, не согласны!

— Что это такое — «не согласны»? — удивился Погорелов. — Ну, не согласны, а дальше что? От вас в конце концов ничего не зависит. Вы не можете ни назначать, ни снимать бригадира. Не имеете права!

— Как так не имеем права? Мы — бригада...

— Здесь вам не коллективное руководство, а единоначалие. Командовать инженерами, выбирать себе начальство вам никто не позволит. Понятно? Кстати, почему мы должны Калашникову куда-то переводить? В другом месте работают такие же советские люди. Мы должны постараться перевоспитать ее здесь, на месте. Пьяниц, и тех перевоспитывают. Кроме того, нет никаких конкретных фактов ее грубости.

— Что, двухлетний конфликт вам не факт?

— Чем, чем конкретно она вас оскорбила?

— Опять все сначала! Два часа об этом говорим! Пошли, ребята! — поднялся машинист Реневич. — Тут правды не добьешься.

...Еще до встречи с бригадой я разговаривала с начальником железнодорожного цеха Донецкого металлургического завода Погореловым. Быть может, он не в курсе дела, не очень ясно представляет себе ситуацию?

— Нет, ну что вы, — мягко и спокойно разуверил меня руководитель. — Мы все знаем. Калашникова — человек нелегкий, со срывами. Конфликт зашел очень далеко, и, вероятно, придется расформировывать бригаду. Видите ли, существуют — вы это, наверное, сами понимаете — неписаные законы. Что будет, если рабочие станут по своему усмотрению менять бригадиров? Специфика железнодорожного цеха такова, что бригадиром комплексной бригады непременно является маневровый диспетчер. А диспетчера назначает руководство, и не

рабочим его менять. У администрации претензий к Калашниковой нет. Вероятно, тут имеют место наши упущения по линии воспитательной работы. Недостаточно активно вели ее, недоразъяснили Евдокии Кузьминичне ее недоработки, недовоспитали. Будем работать. Будем воспитывать человека.

Напротив меня молча сидел секретарь партбюро цеха Виктор Милотин.

— А какова ваша точка зрения на эту ситуацию? — спросила я парторга.

— У Калашниковой много недостатков, и нужно, чтобы она их исправила, — ответил он. — Вообще я считал, что этот конфликт улажен. От бригады после последнего собрания не поступало никаких заявлений.

Между тем именно на последнем собрании администрация предъявила бригаде ультиматум: если не помириться с Калашниковой — расформируем. Именно эта угроза вывела людей из себя, и тогда Павлов написал письмо в редакцию. От имени всей бригады.

А теперь вернемся к началу этой невеселой истории.

Бригадный подряд ввели в цехе в мае 1981 года. Он существенно повысил эффективность производства, повлиял и на нравственную атмосферу в цехе. Сами рабочие, заинтересованные в конечных результатах труда, стали, как они говорят, «подчищать хвосты», не дожидаясь, пока составители и диспетчеры всех уровней, так называемые «движенцы», им это поручат. Резко сократились вагонооперации, ту же работу стали выполнять меньшим числом тепловозов. Более того, по инициативе самих же машинистов, «локомотивщиков», была сокращена ставка помощника машиниста, которых прежде на тепловозе было двое. Зато оставшийся помощник, пройдя необходимую стажировку, начал совмещать профессии локомотивщика и движенца, научившись разбираться в стратегии и тактике работы. Из простых исполнителей водители тепловозов превратились в помощников диспетчеров.

Вместе с бригадным подрядом возникли посменные совещания. Приходя за полчаса до начала смены, бригада вместе с диспетчером оценивала ситуацию на участке и планировала предстоящую работу. Это избавляло и бригаду, и производство от лишней, неорганизованной, «дурной», как здесь говорят, работы.

С введением подряда изменилась и ведомость, по которой выдавалась заработная плата. В ней появилась новая графа — КТУ, а также место для подписей членов совета бригады, который КТУ определяет. Определяет после каждой смены. Происходит это в двадцати семи бригадах цеха — во всех, кроме бригады Калашниковой. Кстати, рабочие не выбирали ее своим бригадиром. Действительно, специфика железнодорожного цеха такова, что только диспетчер, сидящий за пультом, видящий сразу всю ситуацию на участке, может быть руководителем, бригадиром. В его руках во время смены сосредоточена большая власть.

Он открывает и закрывает семафоры, переводит стрелки, командует движением тепловозов. Противоречить диспетчеру машинист не имеет права, это тоже специфика железной дороги. Не имеет права просто во избежание аварийной ситуации.

Станция Новозаводская, на которой работает бригада, — «ворота» завода. Все сырье, которое перерабатывает предприятие, поступает через нее. График работы на станции обычно так напряжен, что определенного времени для обеда не отщипнешь, и локомотивщики берут с собой так называемый «тормозок». Увы, Калашникова, единственная из всех диспетчеров цеха, организует работу бригады так, что люди не могут остановиться, затормо-

зить хотя бы на полчаса. Они едят свои бутерброды буквально на ходу. На ходу тепловоза.

Калашникова — молодая, энергичная, полная сил женщина. Много лет работает на Новозаводской, известна как хороший диспетчер и... человек с очень тяжелым характером. Так отзывались о ней, не стовариваясь, все, с кем приходилось говорить: машинисты, движенцы, диспетчеры и руководители.

— Дуся? Тяжелый Дуся человек, очень тяжелый, — так сказал о Калашниковой бывший машинист ее бригады, ныне машинист-инструктор смены Анатолий Замаруев. — Я-то, положим, с ней ладил, меня с крокодилом заставить работать, я и с ним полажу. А другим с ней трудней приходится.

— Чем же трудней?

— Орет. Кричит. Шпыняет. Оскорбить человека, унизить ей будто в удовольствие, а извиниться не заставишь. На моей памяти она только раз

И

Галина
ПОТАПОВСКАЯ

ЛЕННИЕ

извинилась, и то потому, что начальство вынудило. Она, Дуся, не просто груба, она мстительна. Достаточно ей в чем-то просто возразить — она ж загоняет. Столько «дурной» работы даст, что еле дойдешь домой после смены. Что значит «дурной» работы? Например, можно на каком-то пункте постоять и сразу десять вагонов загрузить. А можно с каждым вагоном по очереди туда-обратно катать. Тепловоз не автобус — кругом не обезджигает. Нужно заехать, выехать — целая механика, трудно. А послушаться нельзя — диспетчер. И выходит, что результат тот же, а работал раз в пять больше, чем следовало. Ведь как лучше сделать, машинист и без диспетчера отлично видит. Для того и подряд

кословным исполнителем. Возможно, дело свое она знает неплохо. Но путь, который проходят в ее смену тепловозы, как правило, вдвое длиннее, чем в смены других диспетчеров. Вдвое больше и усталость людей, которые работают у нее в бригаде.

— А скажите, кто-нибудь измеряет эти лишние километры, затраты топлива?

— Нет, никто не измеряет, — ответил Замаруев.

— Как вы считаете, кто прав, кто виноват в конфликте? Следовало бы удовлетворить требования бригады?

— В споре всегда виноваты обе стороны. Но требования бригады можно было удовлетворить, — достаточно объективно ответил Замаруев.

УХОДЯТ ЛЮДИ...

Уважаемая редакция! Работаю я машинистом тепловоза в железнодорожном цехе Донецкого металлургического завода имени Ленина. Уже несколько лет у нас существует бригадный подряд. Но наша бригада не ощущает преимуществ этого метода, и работа для нас далеко не в радость. Причина в нашем бригадире — маневровом диспетчере Калашниковой. Отношения с рабочими она построила на основе недоверия, пренебрежения, надменности и грубости. Конфликт следует за конфликтом...

Коллектив бригады — нас 18 человек — в основном молодежный. Многие не выдерживают такого отношения и уходят. За последний год, например, бригада обновилась наполовину. Те, кому удалось уйти, теперь облегченно вздыхают, а новички уже подумывают, как бы и им поскорее сбежать. Ребята уже не верят, что нам кто-то сможет помочь. Мы обращались к администрации, просили назначить другого бригадира, но понимания и поддержки не нашли. Поэтому и пишу в «Смену»...

Владимир ПАВЛОВ

вводили, чтобы работу целесообразно, с минимальными потерями делать. Но без «добро» диспетчера машинист далеко не уедет. Открыть путь, закрыть, перевести стрелку, включить семафор — все в ее руках. Это наша специфика. Так вот Дуся эту специфику умеет всегда таким ребром поставить, что у людей нервы рвутся.

Замначальника службы подвижного состава Василий Андреевич Долженко позже разъяснил мне эту странную «специфику» работы Калашниковой. Желая выглядеть работником предельно инициативным и исполнительным, Евдокия Кузьминична часто понапрасну гоняет тепловозы. Надо или не очень, но стоит начальнику участка заикнуться, Калашникова уже отправляет тепловоз, не слушая никаких возражений машинистов. Предупреждая каждый вздох начальства, Калашникова отнюдь не повышает эффективность и качество работы, просто выглядит активным и беспре-

Загружая «дурной» работой людей, Калашникова никак не могла взять в толк, что с некоторых пор имеет дело уже не с изолированными друг от друга исполнителями, а с бригадой, с коллективом, по-новому заинтересованным в результатах своего труда. Лишние ездки, ненужная суета, которыми Евдокия Кузьминична создавала у начальства иллюзорное впечатление кипящей и оперативной работы, все чаще натянулись на резонные возражения машинистов. Результат возражений был один. Осмелившегося молвить слово поперек Калашниковой «заматывала», не позволяя ни на минуту остановиться, что у нее, диспетчера с большим стажем, отлично получалось. Но дело в том, что команды, которые отдает диспетчер, слышат по рации все машинисты, вся бригада. Слышат тон, интонацию — и понимают, что над их товарищем откровенно издеваются. Понимает это коллектив, где один за всех, все за одного, а все

вместе за общее дело — для того и подряд вводился. Издеваясь над одним работником, Калашникова упускала из виду, что оскорбляет достоинство всей бригады.

Не желала Евдокия Кузьминична и предоставить совету бригады его законнейшее право — проставлять коэффициент трудового участия, КТУ. Когда после смены совет бригады являлся в диспетчерскую, коэффициент был уже проставлен по усмотрению Евдокии Кузьминичны. Даже прикоснуться к ведомости Калашниковой не позволяла.

— Вы поймите, — говорил мне Олег Корниенко, — дело не в деньгах, дело в принципе. Мы забыли, что такое инициатива. На другие станции зайдешь вечером — там жаркие дебаты. Люди думают, как лучше работать, встречно-сменный график сами составляют. А у нас? Мы в диспетчерскую избегаем заходить вообще, даже чтоб батарейки сменить в рации.

— А эта история с Ренсевичем! — напомнил Юра Акимов. — Человек он мягкий, от Ивана Иваныча сроду никто грубого слова не слышал. Просто возразил по делу. Она его так загнояла, что он сорок минут лишних переработал после двенадцатичасовой смены. А ему пятьдесят три года. И мы стояли, смотрели и помочь не могли, Калашникова не давала. Иван Иваныч, когда с тепловоза сходил, белый был, у него от возмущения руки тряслись.

— А после смены оказалось, что у Ренсевича снят КТУ, хотя он отработал больше всех, — добавил Владимир Хребтов. — Кстати, не понимаю, как эти ведомости по отделу труда и зарплаты проходят без подписей совета бригады? По идее, ведь они незаконны!

— Там стоят подписи, — угрюмо отвечал Валерий Дракус. — Только они все одной рукой проставлены. Бригады будто на свете нету.

— Давайте завтра устроим собрание, — предложил Виктор Радюк. — Пусть придет Калашникова, пусть будет вся администрация и бригада. И в присутствии корреспондента разберемся во всем.

...Провожая меня до троллейбуса, секретарь партбюро цеха Виктор Владимирович Милютин торопливо приговаривал:

— Ну, конечно, они во всем совершенно правы. Как же это я упустил из виду? Цех большой, бригад много, за всеми не уследишь. Вот завтра и выясним все. Я считал, что конфликт давно улажен. То есть жалоб от бригады больше не поступало, я и думал, что все в порядке. Лучше всех в этом конфликте их бывший партгрупорг разбирается, Щербань. А новый еще в суть дела не вошел. Вы вечером папку с протоколами собраний прочитайте, вам все яснее станет. А утречком на собрании все вместе разберемся...

Но утром на собрании не оказалось ни Милютина, ни Щербаня. А папка с протоколами собраний пригодилась для любопытных сравнений. Вот решения нескольких собраний: указать Калашниковой на недопустимую гру-

бость. В случае повторения подобного поведения передать дело в товарищеский суд. Подпись — начальник службы эксплуатации Боровский.

Назавтра Боровский будет говорить мне:

— В чем, скажите, в чем конкретно ее грубость выражается? Что, я сам подписал протокол? Да мало ли что я подписал! В спешке я мог и не прочесть этого, так подмахнуть! Мы не видим юридических оснований для снятия либо перевода Калашниковой.

Виктор Федорович Никитин — начальник второго маневрового района... Если верить протоколам профсоюзных собраний, в свое время он выступал весьма активно: Калашникова оскорбляет людей, унижает их, грубит, обзывает, допускает нецензурную брань. На собрании он встанет и, не глядя людям в глаза, будет произносить неловкие фразы о недоработках и запущенности воспитательной работы в коллективе.

Бредихина, его заместитель, присутствовала на всех собраниях по поводу конфликтов бригады с Калашниковой. Высказывалась за передачу дела в товарищеский суд. На теперешнем общем собрании она скажет, что Калашникова — прекрасная, добрая женщина, что допускает порой недоработки и срывы, но ее можно за это простить.

В. Моргун — заместитель начальника цеха. Протоколы полны его грозными проповедями в адрес Калашниковой. В присутствии же корреспондента журнала Моргун обвинит Владимира Павлова в «злой агитации против Калашниковой»...

На общее собрание пришли почти все, кто работал или работает в бригаде Калашниковой. Наконец-то, надеялись они, мы добьемся справедливости. Но, увы, им, можно сказать, не дали и рта раскрыть.

Сама Евдокия Кузьминична, видя дружную поддержку начальственного состава, сквозь зубы сказала, что обвинений в свой адрес не признает, что все это «агитация Павлова», что бригада отлынивает от работы, а она старается выполнять приказание начальства и как честный советский труженик претягивает нарушениям дисциплины.

Анатолий Замаруев своих вчерашних оценок Калашниковой отнюдь не вспоминал.

— В любом конфликте всегда виноваты обе стороны, — сказал он на собрании. — Мое мнение: просьбу бригады можно было удовлетворить, — вновь повторил он удачно выбранную обтекаемую формулировку.

— А можно было и не удовлетворить, — с горькой усмешкой добавил кто-то из бригады.

И единственным человеком из администрации, чье выступление неожиданно резко разошлось с дружным начальственным хором, оказался Василий Андреевич Долженко, замначальника службы подвижного состава, проработавший в цехе около сорока лет.

— План Калашниковой делает на нервах рабочих, — сказал он. — Не-

НАКАЗАНИЕ

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 10 (1416) МАЙ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
главный конструктор
Московского автозавода
имени
Ленинского комсомола
Александр СОРОКИН.

Фото
Евгения
СТЕЦКО

- 1 XVII СЪЕЗД КПСС ТРЕБУЕТ ОТ НАС...
Галина ПОТАПОВСКАЯ.
«ВЫСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ».
- 3 Сергей КОЗЫРЕВ. «ФЕДОСЕЕВСКИЕ ПРИЛАДЫ».
- 4 Леонид ПЛЕШАКОВ. «ЯБЛОКИ».
- 8 Рассказ Анатолия СОБОЛЕВА «И СНИТСЯ БОЙ».
- 10 Стихи Льва ОЗЕРОВА и Наби ХАЗРИ.
- 12 «ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА
и Евгения СТЕЦКО.
- 15 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
Валерий ГАВРИЛИН.
«ВЫСОКОЕ И ЧИСТОЕ ЗВУЧАНИЕ».
- 18 ЖИЗНЬ СЕМЬИ.
«УХОДЯ, ОГЛЯНИСЬ».
- 20 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
«СТИЛЬ НА ВСЕ ВРЕМЕНА».
- 22 ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
Георгий ДАНАИЛОВ. «НЕ УБИТЬ МОЦАРТА».
- 24 Валерий ХРАПОВ.
«СТУДЕНТ В ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ».
- 26 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
Борис ЗОТОВ. «ПРЕКРАСНЫХ НЕЗНАКОМОК ИМЕНА».
- 29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Роман Артура КОНАН ДОЙЛА «ДОЛИНА СТРАХА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

правда, что нельзя или некуда ее перевести. Двадцать восемь комплексных бригад в цехе, столько же диспетчеров, и Калашникова не самая лучшая, нет! Самая угодливая — да. Неужели нельзя удовлетворить законнейшее право комплексной бригады — избавиться от плохого бригадира? Если и на сей раз требование бригады не будет удовлетворено, считаю это откровенным оскорблением чести рабочего коллектива.

— Вы, товарищ Долженко, говорите неискренне, — встал начальник цеха Погорелов. — Нехорошо так себя вести. Я все же почему-то очень верю, что бригаде удастся перевоспитать своего товарища.

— Куда ж ее воспитывать? У нее дочери взрослые, — сказал кто-то.

— Вы уже наговорились сегодня, достаточно! — повелительным жестом остановил говорившего начальник. — Теперь говорю я. Вот вы дописались до Москвы. И что? А ничего. Запомните — ничего не изменится. Мы, товарищи, даже если бы и очень захотели, то не смогли бы перевести Калашникову на другую должность. За что? Юридически за что?

— За поддельные подписи в ведомостях! — вдруг сказал Виктор Радюк.

— Это голословное, пустое обвинение. А вы все, кстати, запомните, что никто вас здесь не уговаривает. Вам приказывают! И руководство Калашниковой довольно.

— А моральный ущерб вы в расчет не принимаете? — спросил Скибневский, бывший профорг бригады.

— Никакого морального ущерба нет. Ущерб в том, что вы вынесли сор из избы. И все. Конец разговору.

Бригада подавленно молчала.

...Неувязки в ведомостях мы обнаружили легко. Подписи членов совета бригады отсутствовали в половине этих бумаг. Многие из проставленных подписей члены совета — Акимов, Радюк, Корниенко — отказались признать своими.

Наблюдая за нашими поисками, которые происходили в кабинете начальника цеха, Погорелов цедил сквозь зубы:

— Цирк, балаган здесь устроили. Демократию развели. Пораспустили вас. Вы бы лучше, Радюк, свое рвение в работе употребляли. И вас, Акимов, это касается. В Москву они написали! А вы, товарищ корреспондент, извините, конечно, неправильную позицию заняли. Неверно понимаете реальную расстановку сил на сегодняшний день.

Сама Калашникова в беседе со мной от твердо занятой позиции не отступила ни на шаг.

— Все это агитация Павлова, его личная ко мне вражда. Не будь Павлова, все было бы нормально.

— Евдокия Кузьминична, вы считаете, что так много людей в один голос оговаривают вас?

— Да, агитация Павлова, — повторяла ровным голосом Евдокия Кузьминична. — Я хорошо работаю, я выполняю все указания начальства, им только позволь себе самим КТУ ставить, они покажут, где раки зимуют.

— Кто они?

— Да локомотивщики же! И нечего диспетчерам с ними, лодырями, возиться. У движенцев ничего общего с ними нет и быть не может.

...Долгим нашим разговорам Юрий Акимов подвел такой итог:

— Администрация с удовольствием пишет в свой актив все выгоды, которые принес бригадный подряд производству, и никак не желает примириться с новым уровнем отношений, которые он с собой несет. Где, вы спросите, при этом комсомол? Так ведь комсомольские собрания начальник службы эксплуатации Боровский про-

водит. Сам всех назначает, утверждает. Многие Сергея Гирича, нашего комсомольского секретаря, даже в лицо не знают. Да и что он в такой обстановке может? У нас в цехе, простите за резкость, просто холуйство процветает. Вот вы уедете, а нас начнут по другим станциям разгонять, расформировывать — негласно, конечно. Они гласности как огня боятся. По сути-то дела, здесь нужно открытое партсоборание всего цеха собирать, да разве они это допустят! Все за престиж свой дрожат, а о чести забыли...

Пожалуй, Юрий ближе всех подошел к пониманию первоисточника конфликта. Бригадный подряд — это не только новый метод работы. Это новый уровень производственных отношений между людьми — возрастает взаимная требовательность, взаимная ответственность. Вот чего никак не могут понять руководители цеха. Отнюдь не случайно, думаю, не существует в цехе и такого важного органа рабочего самоуправления, как совет бригадиров. Рабочие практически отстранены от участия в управлении делами цеха, и бригадный подряд, по существу, остался лишь на бумаге.

А теперь о юридической стороне дела. В Законе о трудовых коллективах говорится, что «бригада дает согласие администрации на назначение бригадира, вправе требовать от администрации освобождения его от обязанностей бригадира, если он не оправдал доверия коллектива». Так что основной аргумент руководителей цеха сразу отпадает: в законе нет оговорки относительно того, из какого трудового сословия бригадир происходит — «итэровского» или рабочего. Показательно, что внутрицеховое «Положение о комплексных бригадах» этого пункта не содержит вообще.

Спустя месяц после командировки я связалась с бригадой. Узнала такие новости. Без согласования с советами бригад введен новый сменно-встречный рапорт. Теперь рабочие обязаны являться за пятнадцать минут до начала смены — якобы для обсуждения текущих дел. Но такие обсуждения обычно проходят после смены, тогда проставляется коэффициент трудового участия. Кроме того, перед каждой ночной сменой бригада является на станцию на час раньше для детального обсуждения всех текущих вопросов. Третий рапорт введен, по общему мнению, как репрессивная мера. Человек, к работе еще не приступивший, — специально подчеркиваю это — за опоздание на пятнадцатиминутный сбор лишается КТУ. Лишается советом бригады? Нет, администрации. Но и этого показалось недостаточно для усмирения непокорных. В самом деле, что такое КТУ? Подумаешь, каких-то три-четыре рубля за смену! Издан новый приказ, в соответствии с которым опоздавшего на рапорт будут лишать премии за месяц, что составляет уже сорок-пятьдесят рублей.

Остается добавить, что из состава бригады уже выведены Олег Корниенко, Евгений Желеховский, сделана попытка перевести в другое место Виктора Радюка. Последнее не удалось, так как Радюк — профорг, а переизбирать его бригада отказалась. Зато не ввели Радюка в штат машинистов, хотя правами управления тепловозом он давно уже обладает и по всем показателям является первым среди помощников машинистов. На другую станцию собираются переводить Акимова.

Так что же, выходит, прав был начальник цеха: «Все останется, как было»? Может быть, Министерство черной металлургии УССР даст теперь ответ на этот вопрос?

Сергей КОЗЫРЕВ

Конечно! Кого обрадует перспектива точить всю жизнь круглое! — Федосеев горячится: он очень болезненно переживает падение престижа токарного ремесла. — Потому-то у нас в цехе и нет молодых людей. Ну, а что они, собственно; знают об этой профессии, о возможностях станка?! Вот показать бы им толково, что можно сотворить на токарном станке, если захотеть... Уверен: отношение их резко бы изменилось. Но кому показывать?..

Как представляю, что через год-другой весь мой опыт, все мои приспособления, придумки лягут мертвым грузом, — руки опускаются. Труд столько лет — и никому не нужен... — Федосеев тяжело вздыхает. О скором выходе на пенсию он думает с большой печалью. — Где-то я слышал притчу о художнике, который всю жизнь писал картину, а потом обнаружил, что некому показать свое произ-

ведение... Представляешь, какая это была драма!..

Токарь высшей квалификации Георгий Степанович Федосеев, работающий в Институте гидродинамики Сибирского отделения АН СССР, глубоко убежден, что работать на токарном станке не менее интересно, чем конструировать космические аппараты. И убеждает в этом других. Точнее — пытается убедить.

Три тысячи километров оказались не помехой. Еще бы, ведь «фокусы» Георгий Степановича может повторить даже школьник, владеющий азами работы на токарном станке, и тем более учащийся ПТУ. Станок превращается в инструмент, на котором можно экспериментировать, творить. Да и сами прилады заставляют поразмышлять: а не могу ли и я тоже что-нибудь придумать?

Недавно Георгий Степанович получил письмо от учащихся второго курса СГПТУ-180: «Налаживаем у себя изготовление приспособлений для всех училищ, где готовят металлистов. С помощью мастера мы освоили несколько приспособлений, и наша группа перевыполнила план на двести процентов! Но мы можем дать больше и лучше».

главка. И прямо в кабинете устройство, опущенное в ведро с теплой водой, стало тянуть привязанные к нему за веревки стулья. Отзыв был тут же подписан и дано указание проектировать типовой термогидропривод.

А идея была, как всегда, «проще простого». К трубе Федосеев выточил шток. Трубу заполнил капронными гранулами и залил маслом. Станет в теплице жарче, чем нужно, — капрон расширяется, вытесняет масло, давит на шток, и рама теплицы открывается. Кроме того, теплица может, как нянька, включать электроотопление, освещение на ночь, поливать грядки, и все это практически на даровой силе. В итоге — помидоры и огурцы у Федосеева в Новосибирске поспевают раньше всех.

Когда ему было четырнадцать и он на станке точил детали для «катюш», придумал то, до чего никто из опытных рабочих не додумался. Начал обтачивать кольца для стабилизаторов не по одному, а сразу по двадцать — тридцать штук и выполнил план сразу на восемьдесят процентов. За что и был премирован сапогами, шапкой и буханкой хлеба.

У Федосеева есть авторские свидетельства, которые выданы ему вместе с

Его гидробур сегодня в серийном производстве. А началось все с того, что однажды не было на даче воды. Грядки сохли. Федосеев и сконструировал такой насосик, который все растения поливает, да еще и воды расходует раз в пять меньше, чем обычно требуется. Шел он с ним как-то на дачу и встретил знакомого, который настоял на том, чтобы Федосеев подал заявку на изобретение. А патентная комиссия нашла в гидробуре не одно, а сразу два изобретения. Второе — измеритель расхода воды.

Сейчас Федосеев в отпуске. Можно спокойно заняться тем, что ни одним планом предприятия не предусмотрено. А хочет Георгий Степанович построить приспособление, которым будет передавать на расстояние энергию холода, значительно более мощную, как он утверждает, чем энергия тепла. Термогидропривод, который будет ухаживать за всеми грядками на огороде...

Вот такой токарь-изобретатель живет в Новосибирске.

Куда же девать его прилады? Кто внедрит их в производство? НИИ занимается своими проблемами, у институтского опытного завода тоже хватает

ФЕДОСЕЕВСКИЕ

ПОВЫШАЮТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И РАСШИРЯЮТ ВОЗМОЖНОСТИ ТОКАРЯ-УНИВЕРСАЛА, НО ПОКА ОНИ НИКОГО НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАЛИ, НЕКОМУ ВНЕДРЯТЬ ИХ В ПРОИЗВОДСТВО.

ПРИЛАДЫ

Сколько резервов для повышения производительности труда таит станок Федосеева!..

Получается: ученики, которые сами нашли своего учителя, живут от него за тридевять земель. Он бывает у них, когда изредка приезжает в Москву. Последний раз встретился с ребятами, когда его вызвали получать медаль журнала «Изобретатель и рационализатор» за победу в конкурсе «Техника — колесница прогресса». Кстати, вместе с ним такую же медаль получили известный физик, один из создателей лазера, В. Фабрикант и хирург Г. Илизаров.

А как-то у себя на даче изобрел Георгий Степанович «вечный» двигатель для открывания форточек в теплице. Вечный — потому что сделан из нержавеющей стали и работает на разнице температур в теплице и на дворе. Будет эта разница даже в один градус — окна теплицы, как лепестки цветка, раскрываются или закрываются. Прибывшие на экскурсию академики подтвердили: действительно вечный — ведь температура воздуха на дворе меняется постоянно.

Федосеев нашел еще множество применений своему термогидроприводу, который без устали двигал окна в теплице. Начиная с проветривания квартир и зернохранилищ и заканчивая легковым автомобилем, где автомат может сливать из радиатора перегревшуюся или, наоборот, замерзающую воду.

Когда от Федосеева попросили отзыв специалистов Главтеплицы о термогидроприводе, он сам пошел к начальнику

известным хирургом академиком АМН СССР Е. Мешалкиным, — за создание стереофонендоскопа, который уже в небольших количествах выпускает одно предприятие. Искусственные сердечные клапаны, которые использует Мешалкин, изготовлены только благодаря приладам Федосеева.

Но вот парадокс: на изобретательскую деятельность мастера обращают внимание все, кроме тех, кого она касается, так сказать, по роду занятий.

У себя в институте, когда нужно решать задачи, от которых уже все отказались, он незаменимый человек. Придумали, например, инженеры корпус для одного устройства. А вот оборудования, чтобы сделать его, не оказалось. Федосеев предложил вылить форму из пластмассы прямо на токарном станке. Но как только его разработка выходит за рамки заданий цеха — что тут начинается!.. Ведь она не предусмотрена тематикой института. А значит, никому не нужна...

Работа есть работа, печально соглашается Федосеев, но поделаться с собой ничего не может. Все его прилады и изобретения не задание главного инженера, а способ думать и видеть, способ жить. Усовершенствует он все, что падает на глаза, постоянно придумывает что-то новое. В квартире у него не просто ванная комната, а еще и сауна. Дачу, к примеру, он строит вот как. Из поваленных деревьев, которые идут разве что только на дрова, пилит кирпичи. Потом делает по их краям бороздки и ставит один на другой. Не хуже настоящих кирпичей.

забот. Ученые решают глобальные задачи. А изобретатель Федосеев остается лишним и ни в одно штатное расписание не вмещается. Все его прилады придуманы и изготовлены во вне рабочее время.

Многие работы Федосеева так и остались на бумаге или в единственном экземпляре. Через несколько месяцев он уйдет на пенсию. А вместе с ним должны кануть в лету его навыки, знания и станок, на котором он проработал четверть века.

Все эти годы институт гидродинамики испытывает трудности с укомплектованием цеха рабочими. А если бы Федосеев стоял в центре профессиональной подготовки, где мог бы учить молодых рабочих думать, изобретать, любить свою профессию? Что может стать таким центром? Школа? Но там очень слабая база для практики. Предприятие? Но не получится ли так, что там Федосеев будет мешать кому-то выполнять план уже не один, а с десятком учеников ПТУ?.. (Пока Федосеевым заинтересовалось московское училище и даже поместило одно его приспособление в своем музее.) А в училищах Новосибирска и области его опыт, похоже, мало кому нужен. Не интересует он и комсомольские организации, как ни жаль.

«Можно, конечно, написать книгу о безграничных возможностях токарного станка, об этом интереснейшем «неинтересном» ремесле, — думает Федосеев. — Кто захочет — прочтет. Хотя что-то останется». Но как к ней подступиться, мастер пока не знает. Книг писать еще не приходилось.

Есть в Москве, на ВДНХ СССР, переходящий кубок, сделанный Федосеевым, который вручают лучшим областными организациями ВОИР. Изготовлен он из материалов, до недавних пор считавшихся несоместимыми, — титана, дюралюминия, оргстекла, эбонита и пластмассы. Георгий Степанович в этом кубке использует четыре своих изобретения и восемь рацпредложений.

Думаю, такого же кубка достоин и тот, кто, наконец, сможет использовать уроки мастера для воспитания молодых талантливых умельцев. Постигнув науку Федосеева, такой кубок они смогут тогда сделать сами.

С

менив нескольких хозяев, дорогое поместье в 1906 году было, наконец, приобретено елецким богатеем Заусайловым, коннозаводчиком, владельцем табачной фабрики, имевшим к тому же «интерес» в торговле и винокурном деле. Прикупив к прежним землям еще 700 десятин, Заусайлов, видимо, задумал создать здесь крупное плодородное хозяйство с переработкой урожая на фруктово-ягодные вина. Заусайлов умер перед самой революцией, и первые партии «плодово-ягодного» были выпущены еще при нем.

Рассказываю об этом только для того, чтобы мы не особенно казнились, считая себя изобретателями «бормотужи». У нас были опытные предшественники.

До последнего времени половина выращенных тут фруктов перерабатывалась на вино, так что «Ключ плодово-ягодного» звучало бы уместнее «Ключа жизни».

Владимир Степанович Чирков директорствует в совхозе всего два года, так что нынешние трудности хозяйства получены им по наследству от тех, кто, создавая нынешнюю структуру хозяйства, не особенно задумывался, что творит.

Примерно треть плодоносящей части сада — более трехсот гектаров — занимают яровые сорта: «грушовка», «белый налив», «июльское раннее».

— Очень капризные яблоки, — объясняет Владимир Степанович. — Едва созрели, нужно убрать за четыре-пять дней — иначе осыплются. А потом

будет гнить вино, и садоводческие совхозы, которым на такое производство наложено вето, обязаны поставлять сюда сырье. «Ключ жизни» в том числе.

— Почему бы вам не наладить вместо вина производство соков? — посочувствовал я. — Яблок девать некуда. Есть прессы, есть разливная линия, бутылки...

— Но нет пастеризации... Когда гонишь вино, нужно, чтобы сок хорошо перебродил. При производстве же соков все наоборот: брожение — главный враг. Сейчас мы заказали пастеризационную приставку к нашей линии. Нам обещали к зиме поставить. Если все получится по плану, уже летом 1986 года начнем выпускать соки... Но это задача-минимум. Если же говорить о более отдаленной перспективе, то без кардинальной реконструкции сада нам не обойтись: уж слишком ярко выражен его винный профиль.

— Реконструировать — это значит вырубать?

— И сажать новые, более перспективные сорта. Про себя я отметил, что Владимир Степанович не захотел повторить слово «вырубать». Даже мне, стороннему человеку, было неприятно произносить это слово после того, как я увидел яблони, щедро унизанные зрелыми плодами, яблони, которые так надрываются, чтобы порадовать нас урожаем. А каково ему, способствовавшему этому урожаю?

Эффективность, доход, прибыль... Конечно, против экономики не попрешь. Ее логика неумолима. Но когда она начинает тюкать топором по живому дереву — все равно становится не по себе при всех ее бесспорных аргументах. Помню «Вишневый сад»

**XXVII съезд КПСС
требует от нас...**

**Завершаем публикацию
проблемного очерка, которым
мы открыли на своих страницах
новую рубрику «Социальное
исследование проблемы».**

**Мы планируем опубликовать
под этой рубрикой материалы о
различных еще не решенных,
но настоятельно
требующих разрешения вопросах
в жизни нашего общества.
Чтобы решать, надо знать,
надо разбираться в проблеме,**

Леонид
ПЛЕШАКОВ

**Социальное
исследование проблемы**

ЯБЛОЖ

не больше недели на реализацию — начнут преть. Раньше в торговлю их почти и не отправляли. Эти сорта очень сочные — выход сока пятьдесят процентов, так что они практически полностью шли на местную переработку.

Деликатное словосочетание «местная переработка» означало все то же: яблоки гнали на производство спиртово-броженных соков, сырья для «бормотужи». Совхозный заводик может освоить таким способом 80 тонн фруктов за одну смену. После самых ранних сортов наступал черед идти под пресс «коричному» и «мелбе». Правда, часть этих сортов все-таки поступала в торговую сеть, но завод не простаивал: помогал крушить яблоки соседним хозяйствам.

Когда с первого июня прошлого года «Ключу жизни» запретили выработку плодово-ягодных вин, для совхоза, всего его производства это решение было равносильно тому, как если бы в хитросплетение шестеренок хорошо отлаженного, запущенного на полный ход механизма неожиданно сдули железный лом.

Когда Чирков повел меня по цехам и подвалам совхозного завода, я никак не мог отделаться от ощущения, что нахожусь на чьих-то похоронах. Всюду было чисто, немногочленно и тихо. Так бывает в доме, откуда только что унесли покойника и уже успели подмести пол. Оказывается, прекращение производства даже ненавистного зелья вблизи выглядит довольно тоскливо. Только в разливочном цехе еще теплилась жизнь. Плотным строем пустые бутылки покорно двигались по конвейеру к разливочному автомату, и он, крутанув их вокруг себя, успевал наполнить под самое горлышко, плотно закрыть и наклеить этикетку. В тот момент на потоке шел «Старый замок», родной брат «Осеннего сада», «Золотой осени» и всего прочего из плодово-ягодного племени.

— Нам разрешили закончить розлив своих прошлогодних запасов, — упрямил мой вопрос Чирков. — А нынче из наших яблок «бормотужу» гонят другие.

Я не понял, и он объяснил. Оказывается, не всем заводам была запрещена «местная переработка». Часть из них по-прежнему еще какое-то время

Окончание. Начало в № 9.

Чехова в старой постановке МХАТа. Ведь и там никто не оспаривал экономическую целесообразность решения Лопухина. Но когда в последнем акте сквозь грустные звуки вальса «Дунайские волны» из вишневого сада прорывались удары топоров, на душу наваливалась такая безысходная, шемющая душу тоска. Трезво подумать: что нам Раневская, Гаев и эти деревья, вырубленные сто лет назад? А вот, оказывается, не все равно...

Ну, а с другой стороны, как быть с яблоками, которые можно только пропить?

Уточнение старых истин

Вопросы... Вопросы... Кто даст на них ответ?

Мои школьные годы пришлись на то время, когда генетика предалась анафеме, авторитет Мичурина в биологии был непререкаем, а принцип, который положил он в основу своей селекционной работы — «Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у нее — наша задача», — был провозглашен единственно верным во взаимоотношениях человека и природы и трактовался однозначно: подчинять ее всем нашим требованиям, брать у нее силой все, что сегодня необходимо.

Время сбilo спесь с нашей гордыни. Оно заставило признать, что человек, сам дитя природы, должен питать к ней большее почтение и обязан не только использовать ее богатства, но и приумножать их, думать о завтрашнем дне, стараться не рубить сплеча. У каждого времени свои, проверенные опытом аксиомы. И теперь мы понимаем, что Мичурин вкладывал в свой принцип совсем не тот смысл, который ему приписали. Он призывал к созиданию, обогащению природы, а не ленивому ожиданию от нее милостей.

С той далекой школьной поры в память, а скорее, даже в кровь и плоть намертво врезалась убежденность, что наши яблоки — самые-самые... Самые крупные, самые урожайные, самые зимостойкие и прочее, и прочее... Потому что вывел все это великолепие Иван Владимирович Мичурин. Убежденность, что все это создано и существует в природе, оставалась непоколебимой даже под ударами столь бесспорного свидетельства, как прилавки фруктовых магазинов, на которых мичуринских сортов, увы, практически не бывает.

**надо видеть причины,
ее породившие,
чтобы не судить сгоряча,
чтобы избежать ошибок
уже в самом процессе
преодоления недостатков.
Сейчас,
когда агропром
совершает крутой поворот
к новым методам управления,
это особенно важно.
Слово за вами,
дорогие читатели!
Предлагаем
вести наши исследования сообща.
Ваши мнения,
ваши предложения
будут решающими
при определении
дальнейших тем рубрики —
ведь ее содержанием
должно быть то,
что всем интересно,
что затрагивает каждого.**

Последняя командировка в Черноземье существенно подорвала мою прежнюю уверенность: слишком явным было несоответствие между потребительскими свойствами яблок, которые выращивались в здешних садах, и требованиями, к ним предъявляемыми. Я говорю в данном случае не об отдельных сортах — иные из них великолепны, — а о той совокупности сортов, которая и дает «яблоко вообще», яблоко как разновидность фруктов. В этом смысле наше садовое хозяйство имеет ряд пробелов. А как же мичуринские? Почему «самые-самые» не могут закрыть существующие бреши?

За ответом я отправился к Ивану Владимировичу Мичурину.

Его двухэтажный красного кирпича дом стоит на северо-восточной окраине города как раз в этом месте, где Лесной Воронеж делает резкий поворот влево, охватывая с двух сторон большой, почти в двести гектаров, полуостров, на котором вместились прежняя усадьба с примыкающими к ней маточным и старым коллекционным садами, кварталы более молодых посадок, а также опытные и производственные участки Центральной генетической лаборатории, которой, собственно, и принадлежит основной питомник имени И. В. Мичурина.

Когда в 1898 году Иван Владимирович приобрел в этом месте 12 десятин, на которых решил продолжать свои опыты по выращиванию гибридов, он первым делом посадил вдоль реки тополя, чтобы те своими корнями уберегли берег от размыва во время паводков. Теперь эти дулистые осокори двухобхватной толщины уперлись своими некогда пышными, а ныне уже траченными возрастом кронами в самое небо, а под их уютной сенью непролазно разросся разнородный кустарник. Эта зеленая стена надежно заслонила

усадьбу от и так не особенно шумной слободской окраины города, и только запад тины, прелых водорослей да крики пацанов, «саженками» рубящих неторопливые воды Лесного Воронежа, прорываются к старому дому, погруженному в дремотный, усталый покой, обычный для преклонного возраста. Когда теперь проходишь по его комнатам, главное, что отмечает глаз, — это дом труженика. И основные экспонаты музея — то, чем он пользовался в работе: книги, различные инструменты, приборы, а также самоделки, выполненные его руками.

Сохранилось в саду и несколько яблонь, посаженных самим Мичуриным. Вид этих деревьев убедительно подтверждал, что древняя философская сентенция «Ничто так не старит человека, как прожитые им годы» справедлива не только в отношении людей. Из всех плодовых и ягодных культур, с которыми работал Мичурин, яблоком он отдавал наибольшую любовь и внимание. А теперь даже в его саду сохранились далеко не все выведенные им знаменитые сорта. Что же осталось в других садах? Неужели все напрасно? Обидно.

Я поделился своими мыслями с Геннадием Александровичем Курсаковым, директором Центральной генетической лаборатории имени И. В. Мичурина, правнуком Ивана Владимировича.

— Может быть, вы удивитесь, — сказал он, — но мне новые сорта яблок в чем-то напоминают новые модели автомобилей. Их общая черта — временность. Какой бы совершенной ни была машина, с годами она устаревает, выходит из моды, на смену ей приходят новые, более скоростные, экономичные, эlegantные, комфортабельные. Нечто подобное происходит и с плодовыми породами. Сорта, которые еще вчера пользовались успехом, сегодня нас уже не удовлетворяют. Потому что требования человека все время растут, ужесточаются. Сегодня мы хотим, чтобы яблоки были высокоурожайными, имели хороший вкус и товарный вид. Были устойчивыми к вредителям и грибковым заболеваниям, транспортабельными, пригодными к переработке. Чтобы они хорошо сохранялись в течение долгого времени. Чтобы форма деревьев позволяла механизированную обработку посадок и так далее, и так далее. Короче, чтобы они обладали множеством качеств, о которых раньше люди не задумывались.

Мичурин умер пятьдесят лет назад. И большинству выведенных им сортов давно перевалило за полвека. Понятно, что многие из них, некогда весьма популярные и для своего времени совершенные, теперь устарели, вытеснены новыми, более соответствующими нынешнему уровню садоводства и предъявляемым к нему требованиям. Этот естественный процесс порой истолковывается довольно превратно. Когда-то любое достижение в области селекции приписывалось учению Мичурина, сейчас некоторые кинулись в другую крайность, утверждают, что им-де не сделано ничего нового, забывая, что даже теперь в различных краях и областях страны районировано 17 сортов выведенных им плодовых и ягодных культур. В истории садоводства нет второго подобного примера. К тому же при создании многих современных сортов в качестве исходного материала использовались мичуринские. Так что новые — это как бы продолжение тех, что были когда-то выведены Иваном Владимировичем. И часто их авторы — либо его ученики, либо ученики его учеников. Своим трудом они подтвердили давнюю мичуринскую мысль: «Мои последователи должны опережать меня, противоречить мне, даже разрушать мой труд, в то же время продолжать его. Из такой последовательно разрушаемой работы и создается прогресс».

— Но всегда ли есть гарантия, что в погоне за новизной не будут утеряны какие-то старые ценности? Говорят, например, что из-за мичуринских сортов были забыты многие яблоки народной селекции. Даже знаменитой «антоновке» не повезло...

— Это не так. Именно бедный сортовой состав и отсталость среднерусского садоводства побудили Мичурину поставить перед собой дерзкую задачу: пополнить здешние плодовые и ягодные культуры новыми, выдающимися по урожайности и качеству сортами, а также продвинуть границу произрастания южных культур далеко на север. И если старые местные сорта были в свое время вытеснены мичуринскими, значит, последние превосходили их. Как раз «антоновка» — лучшее тому подтверждение. Она сохранилась, выдержала конкуренцию новичков, потому что обладала отменными качествами: отличным вкусом, неповторимым ароматом, осталась незаменимой в мочке и кондитерском деле. Для своего времени «антоновка» была достаточно урожайной. Хотя есть у нее и серьезные недостатки. Даже в идеальных условиях это яблоко сохраняется свежим только до января. По нынешним требо-

ваниям непростительно мало. Дальше — окрамливается, теряет вкус, становится похожим на картошку. А потом еще этот его авральный характер: в одно лето отдает урожаю все силы, все соки, ничего не оставляя для закладки плодовых почек будущего года. Периодичность плодоношения, согласитесь, — большой минус...

Так мы перебирали с Геннадием Александровичем различные сорта яблок, какие были, какие есть, какие находятся в испытании и ждут своего часа, чтобы шагнуть с экспериментальных участков в промышленные сады, и порой наша беседа чем-то напоминала мне знакомство с периодической таблицей Менделеева, когда в ней оставалось много незаполненных клеточек. Можно было предсказать, какими свойствами должен обладать не открытый еще химический элемент, но нельзя было ни назвать его, ни указать дату его рождения. Так и тут: легко было перечислять качества, которые хотелось бы видеть в новом яблоке, но как и когда оно будет создано — оставалось тайной. В свое время на выведение нового сорта уходило двадцать — тридцать лет. Последние достижения естественных наук, использование ЭВМ при моделировании генетических и селекционных процессов позволили сократить сроки, но все равно каждый новый сорт и теперь требует много труда и времени.

Яблоки моего детства

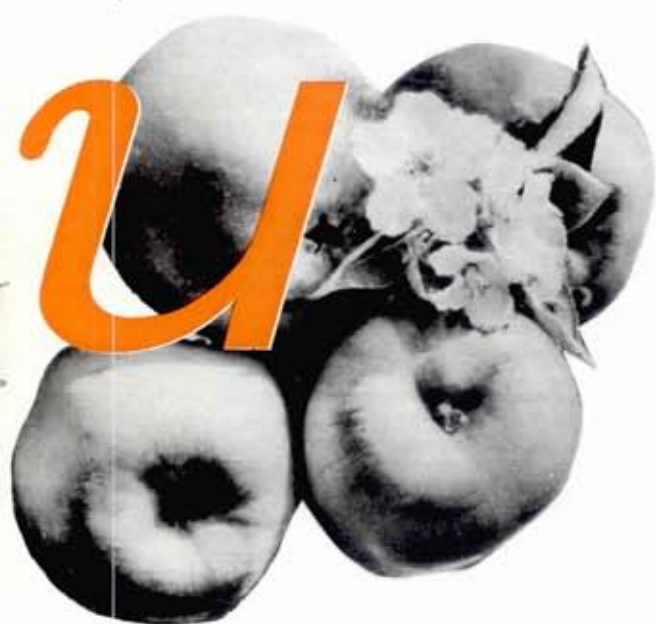
Вариации с некоторыми отступлениями от темы. Чем хороша любая дорога — так своими неожиданными подарками.

На лебедянской автостанции меня ждал «приятный» сюрприз: по случаю уборки урожая некоторые междугородные автобусные рейсы отменены, в том числе и мой — до Ельца. Кто-то из знающих пассажиров посоветовал ехать с пересадкой: сначала до Красного, а дальше местной автолинией через Становлянский район. Правда, получался приличный крюк, но делать было нечего, и пришлось срезать сердце согласиться. А позже поблагодарить случай за такой поворот в намеченном маршруте. У Троекурова дорога с разгона выскочила на косогор, откуда открылась извилистая долина Красивой Мечи. Река петляла здесь довольно крутыми и высокими берегами, припадавшими к воде то известковыми осыпями, то приветливыми перелесками. Быстрыми, каменистые перекаты, тихие омуты, уютный заливной луг с отдыхающим стадом пестрых коров, лодка рыбака, закорючившаяся на самой середине русла, — все промелькнуло в мновение, словно придуманная капризной фантазией идилическая пейзажная картинка. И хотя кратким было видение — успело-таки пронзить, кольнуть нереальной мечтой: бросить бы городскую сумку и пуститься в лодке вслед за неторопливым течением этой реки, ловить окушков да плотвичек, слушать по вечерам перепелов, вдыхать запах сена и аромат яблок из прибрежных садов.

Вот ведь ничего вроде бы и не случилось, а растравило душу.

Автобусные колеса споро накручивают асфальтовые километры. Мелькают вдоль дороги деревеньки, столбики с их немудреными названиями и указатели поворотов на проселки к другим, ничем не знаменитым деревенькам и дуторам, и вдруг среди привычных имен резануло тоже не такими уж редкими: Соловьево, Бутырки. Здесь прошло детство Ивана Бункина, а чуть в стороне лежал дутор, где родился и рос Михаил Пришивин. Два писателя, воспевавших неброскую природу подтепья, сохранивших любовь к ней до глубокой старости. И что удивительно: один из самых задушевных рассказов Бункина — «Антоновские яблоки», а Пришивин, купив на склоне лет дачу в подмосковном Дунине, первым делом посадил тут яблони и грушу «бессемянку», какими славился дутор его детства. Какая же сила таится в этих деревьях, если так цепко держит человеческую память!

После Платского наш областного значения асфальт вылетел на общегосударственного ранга магистраль Москва — Воронеж — Ростов. Дорога преобразилась. Имею в виду не только ширину и качество ее, и даже не многократно возросший поток машин. Просто около каждой мало-мальской деревушки, села, поселка, а то и просто съезда на безымянный проселок в ожидании покупателя толпились ведра и кошелки с яблоками. Мой автобус катил на юг, и стидящие фруктовые ряды располагались по левой обочине дороги, ибо вся эта щедрость местных садов предназначалась тем, кто возвращался после отпуска в северные города. На всем пути от Лебедяни яблок не продавали. Тем асфальтированным большим пользовался местный житель, у которого в этих краях либо свой сад, либо родня с садом, а потому продать ему яблоки было так же нереально, как

всадью от и так не особенно шумной слободской окраины города, и только запад тины, прелых водорослей да крики пацанов, «саженками» рубящих неторопливые воды Лесного Воронежа, прорываются к старому дому, погруженному в дремотный, усталый покой, обычный для преклонного возраста. Когда теперь проходишь по его комнатам, главное, что отмечает глаз, — это дом труженика. И основные экспонаты музея — то, чем он пользовался в работе: книги, различные инструменты, приборы, а также самоделки, выполненные его руками.

Обычно в нашем представлении Мичурин — выдающийся естествоиспытатель, селекционер, ученый, проверявший свои научные теории практикой. Но первая-то его профессия — часовых дел мастер, и ей, вернее, работе с металлом, с точным часовым, слесарным, токарным инструментом он оставался верен всю жизнь. Знание ремесла помогло ему в основном деле. Он придумывал и своими руками изготавливал удобный и производительный садовый инвентарь, всякие приспособления, помогавшие в работе.

В старом саду вдоль нешироких ухоженных дорожек теснятся деревья и кустарники, привезенные сюда со всех концов мира. Только среди этого многообразия пород по-настоящему осознаешь, как много хотел свершить Мичурин и какой легкой была его рука во взаимоотношениях с природой.

Ведь это он первым ввел в культуру уроженку Северной Америки черноплодную рябину. Отсюда, из Мичуринска, она была вывезена в Горноалтайск и теперь получила распространение по всей стране. И дикарку дальневосточной тайги актинидию коломикта, в чьих сочных зеленых ягодах вита-

сбить лысому расческу. Здесь же, на автострате, шансы возрастали. Хотя, как я заметил, покупатель отнюдь не рвал товар из рук. Ведь, возвращаясь с Черного моря и Кавказа, автомобилизированные отпускники успели миновать благодатный Краснодарский край, Ростовскую, Воронежскую и значительный кусок Липецкой области, места, садами не обиженные, способные утолить любой яблочный аппетит. Но горы плодов не теряли надежды и все тщились искушать своим видом проезжий люд.

Так мимо шеренг соблазнительно красочных корзин и ведер мы подкатили к дорожному щиту с огромными цифрами «1146», что могло означать лишь одно: впереди Елец, город, упомянутый летописью на целый год раньше нашей прославленной столицы, о чем ельчане не преминули с гордостью сообщить всякому приезжающему.

Впервые я попал в Елец 14 октября 1943 года, когда вместе с матерью приехал на ее родину из Бийска после двух лет эвакуации. Железнодорожный вокзал, пакгауз, пристанционные строения, водонапорная башня — все было взорвано, сожжено, рогатилось ржавой металлической арматурой и прокопченными обломками кирпичных стен. Но к этому мы были готовы. Менее двух месяцев назад окончилось сражение на Курской дуге, в котором Елец был прифронтовым городом. Да и по пути сюда нам уже не раз встречались разбомбленные станции, горелые элеваторы, разбитые вагоны и паровозы под откосами железнодорожного полотна. Глаз привык к лику войны. А вот что потрясло — возки и тележки с яблоками на привокзальном базарчике. За два года, прожитых в Бийске, я не то что не пробовал, я даже ни разу не видел яблок, и фантазирование на фруктовую тему сделались просто наваждением, ибо витаминный голод ничуть не легче обычного. И тут вдруг ирреальное видение: целые повозки яблок, которые можно купить, выменять, съесть.

Вечером, когда мы со своими узлами и чемоданами дотопали наконец до заветной Кукуевки и вошли в сенцы теткинго дома, меня ждало второе потрясение за этот день: все было пропитано ароматом «антоновки».

Дядя Сережа пригласил меня взобраться по лестнице на потолок. Тут, прослоенная соломой, в три наката лежала съемная «антоновка». Потом он повел меня в коровник, в овчарню — и там потолки были завалены яблоками. Это было сказкой наяву.

Так началась моя жизнь в деревне в самое тяжелое для нее время.

Самые светлые воспоминания о том времени связаны с яблоками.

Сейчас иногда случается читать ностальгические строчки о былых временах, когда крестьянин Черноземья вроде бы умел сохранять фрукты свежими до самой весны, а то и до нового урожая, причем делал это без холодильников, без дорогого оборудования, что не удается современным садоводческим хозяйствам, таким оборудованием располагающим в достатке. Думаю, что подобные сопоставления неправомерны и просто экономически безграмотны сами по себе. Нельзя проводить параллель между колхозным или совхозным садом в сотни, даже тысячи гектаров, с одной стороны, и крестьянской усадьбой с десятью — двадцатью корнями плодовых деревьев — с другой, между урожаем в тысячи тонн и сбором в десяток-другой мешков. И дело не только в масштабах. Экономически и организационно это совершенно разные производственные единицы, с отличным друг от друга образом ведения хозяйства и, если так можно выразиться, подходом к яблоку. Выращенный в общественном саду плод перед тем, как попасть к покупателю, проходит через хозяйственные хранилища, городские овощные базы, через несколько сортiroвок, переборку, магазин — через множество чужих рук. Крестьянин же все эти операции со своим яблоком проделывал сам: и хранил, и перебирал, и транспортировал, и продавал, и даже передавал выручку личному инкассатору — жене. О его нерадивости или оплошности, приведших к порче фруктов, знали только корова да свинья на личном подворье, в чьи кормушки поступал «нестандарт». И никакие тебе общественных контролеров, актов об «усушке и утруске», никаких списаний продукции по причине ее порчи из-за непредвиденных метеословий. Все шито-крыто личной заинтересованностью и собственными издержками — на прилавок поступает только «показушный» первосортный фрукт.

Между прочим, приусадебный сад в прежние времена был далеко не таким идиллическим занятием, как сейчас порой кажется. Крестьянское подворье облагалось тогда существенным подоходным налогом. И если на приусадебном участке росли плодовые деревья, то за каждый корень семечковых (яблоко или грушу) нужно было платить дополнительно. Известно, что в тени взрослых

деревьев другие культуры урожая не дадут. Молодые же сады, хотя и позволяли использовать междурядья, сами не плодоносили. Выходило, что за землю под садом платить налог приходилось дважды, тогда как урожай снимать всего лишь один. Некоторые устранили несправедливость самым простым способом — вырубали деревья.

Мой дядя крепился. И думаю, не только из меркантильных соображений. Он посадил яблоки в годы рождения двух своих сыновей, теперь находившихся в армии, и деревья стали как бы живым талисманом, хранившим их от всякой фронтовой случайности. И если что — они остались бы живой памятью о них.

О том, что сад приносил не только радость, но огорчения и заботы, я понял, можно сказать, случайно.

Как-то апрельским вечером сорок четвертого по пути из госпиталя на фронт мой отец заскочил к нам в Кукуевку. На другое утро, захватив тележку и пару лопат, мы пошли в ближайший лес. Здеиные сады не особенно разнообразны сортами груш. Зеленого цвета приплюснутый «бергамот», крадмалистая, пресная на вкус «тонковетка» да местная гордость «бессемянка» — вот, пожалуй, и все, что способно устоять против случающихся тут морозов. Поэтому в личных садах части дикие, непривитые груши, непригодные, выносливые, урожайные. Их небольшие круглые плоды, даже созревшие, вяжут рот. Но полевая неделька-другую, они становятся сочными и необычно вкусными.

Так вот, отец вздумал накопать в лесу молоденьких диких груш, коих тут в достатке, и, пересадив их в дядкин сад, позже привить в крону «бессемянку». Выполнить первую часть программы оказалось несложно: за какой-нибудь час мы отобрали и выкопали плодожины отличных деревьев, стройных, с хорошо развитыми корнями, с крупными годовыми побегами на сучьях. А вот со вторым пунктом произошла описка: как ни дорог был гость, его затею дядя не одобрил.

— Что вырастет, неизвестно, а землю уже сейчас отдай, да и налог платить придется. — буркнул он, и в качестве компромисса предложил: — Хочешь, сажай по канаве или вон против дома.

Дядькина хитрость расшифровывалась просто. Канавы вокруг огорода и выгон перед домом в «план» его усадьбы не входили. Поэтому посаженные здесь груши оказывались как бы на нейтральной, не облагаемой налогом полосе. Моральное же право на урожай оставалось все-таки за нами. Три дерева мы посадили с отцом перед домом, три — на канаве. Недели две я поливал их прудовой водой, и в середине мая они распустили почки.

Думаю, и так ясно, что каждый хозяин дорожил своим садом и стерег урожай пуще глаза. Едва яблоки достигали размера голубиноя яйца, под деревьями строился добротный шалаш и натягивалась проволока, по которой бежал злой кобель. Но эти меры предпринимались против чужих. Мы, местные мальчишки, хорошо знали, в чьем саду раньше всего созревали «медовка» и «белый налив», у кого наиболее вкусные «грушовка» и «скрижалель», чья «антоновка» самая крупная, но свои набеги совершали мы не из корысти и даже не из озорства. Превыше всего было желание пережить бдительность сторожей, и картуз яблок становился не только заслуженным трофеем, но материальным доказательством нашей лихости и смекалки. Однако никогда не приходило в голову взять большие или, упаси бог, сдуру отрясти яблоно. Такой бедды и разора мы не учинили бы и врагу...

Вот в какие далекие воспоминания увели меня импровизированные яблочные базарчики у дороги и с детства врезавшаяся в память цифра «1146». И, вполне понятно, захотелось еще раз побывать в садах своего детства. Тем более что их посещение позволяло взглянуть на ту сторону проблемы, которая казалась мне особенно загадочной и неопределенной.

Комментарии к статистике

Когда Илья Михайлович Каганович, заведующий отделом экономики ВНИИСа, знакомил меня в Мичуринске с различными выкладками относительно заинтересованности валовой сбор яблок в так называемом «частном» секторе. Как уже говорилось, в 1984 году индивидуальные сады дали 2236 тысяч тонн яблок, что составило 40,7 процента всего урожая. Цифра была довольно внушительной, и я полюбозпытствовал, каким образом ее удалось получить.

— Это данные статистического управления. Ему известно количество яблонь на усадьбах колхозников и рабочих совхозов, а также в коллективных садах горожан. Количество деревьев переводится в гектары. Они множатся на среднюю урожайность, которая известна, таким образом и получается итоговая цифра. Думаю, она не преувеличена, а даже несколько занижена.

Как реализуется личный урожай? Частично идет на собственные нужды, определенное количество закупает потребкооперация, ну и, естественно, что-то продается на рынке.

Соотношение между этими частями реализованной продукции мне, к сожалению, выяснить не удалось. В колхозном и совхозном производстве все проще: есть план, есть документы о его выполнении, всякого рода ведомости, накладные об отгрузке, сбыте, акты списания, что позволяет до определенной степени точности проследить движение продукции от производства до потребления. А как проследить судьбу сорока процентов яблок, выращенных в десятках тысяч личных садов? Можно ли подсчитать, сколько из них попало на наш стол, а сколько сгнило на дальних и ближних подступах к нему? Уверен, точный ответ никому не известен. Приблизительный же можно получить путем логических умозаключений на основании реальных ситуаций.

Итак, прямо из Ельца — сразу в Кукуевку. По пути заезжаю в Воронеж, «столицу» нашего сельсовета, куда лет двадцать назад переехала жить моя двоюродная сестра. Помню, со своей усадьбы, восстановленной после войны, Катя перевезла дюжину яблонь, которые были довольно взрослыми, чтобы безболезненно вынести переселение. Однако все обошлось. Деревья поболели, но прижились, хорошо плодоносили, а этим летом уродили особенно щедро. Кроны «штрейфлингов» были унижены крупными, румянными яблоками. Румяньюм выглядел чернозем под деревьями, сплошь укрытый зрелой падалицей. В углу сада, у самого забора, высилась куча таких же яблок, уже тронутых прелью, уготованных на компост. Тонны полторы. Пока.

— Неужели нельзя было продать? — спрашиваю сестру.

— Кому? Тут в каждом дворе своих девать некуда. Везти на рынок — мы с моим дедом уже стары. Кооперация закупать эти яблоки не хочет: плохо лежат. Да и платят копейки. Возить — себе дорожке.

— Ну, хотя бы сыны в Елец забирали бы...

— Берут по авоське раз в неделю. Больше-то куда им?

...В свое детство нужно возвращаться не большим, не наезженной дорогой и уж точно не на машине. Только памятными из тех далеких лет проселками, затерявшимися в перелесках и оврагах тропками, непохожими буераками. Лишь такой околный путь может всколыхнуть память, поднять с ее дна на поверхность что давно уж, казалось, забыто и быльем поросло.

Вот и я, поддавшись соблазну этой логики, зашагал в Кукуевку таким мудрым маршрутом, что вместо обычного получаса потратил целых три, до бесчувствия накрутив ноги на спусках и подъемах, прокляв все и вся за свою бредовую затею.

К деревне я подошел с тыла, с той дальней от большака ее окраины, где улица сразу за последними домами резко обрывалась, узкою тропой сбегая в овраг. Сестра предупредила: в Кукуевку уже никто не живет. Но, как ко всякому сообщению, в которое не хочется верить, я отнесся к ее словам с изрядной долей скепсиса: все-таки сорок дворов было, что же, вот так все разом снялись и разлетелись по свету? Но, поднимаясь вверх знакомой тропой, я понял, что Катини слова — правда. Склон оврага плотно устилал сочные кустики клубники. По недоразумению этим именем часто называют садовую землянику, хотя последняя относится совсем к другому ботаническому виду. У нас клубника растет по кособогу, на самом припеке. От этого обращенное к солнцу лицо ее ягод всегда по-крестьянски прокалено до густо-бордового цвета, а теневая сторона нежная, светло-зеленая. Облюбовав для жизни места обычных выпасов, клубника, чтобы уцелеть под острыми овечьими копытцами, должна была воспитать в себе чисто крестьянскую выносливость и смекалку. Ей пришлось научиться жить скромно, не выпячиваясь, низко припадая к земле. И вдруг такая метаморфоза: все на виду, все вопиющее благополучно. От радости, что тут давно никто никого не пасет?

Выдожу к улице. Вместо нее стена крапиво выше человеческого роста: первый знак брошенного жилья. Помню, крайний дом был у деда Максима, в чьем саду росли «апорт» и «антоновка» с самыми крупными яблоками в деревне.

Сколько раз мы, мальчишки, затаивались под рыхлыми в конце его усадьбы, надеясь уловить удобный момент. Все зря. Хитрый дед сажал между двумя заветными яблонями злочего кобеля, который не поддавался ни на какие наши уловки. А теперь от дома не осталось даже фундамента — непролазные джунгли. И я, спокойно перепрыгнув через канаву, вхожу в некогда запретную зону.

Одурев от полного безвластия, клубника, оказывается, добралась и сюда и с наглостью заправского сорняка захватила всю территорию бывшего огорода. Да и сад уже давно позабыл хозяйскую руку. Без ухода яблоки измельчали, хотя и были обильны. От земли поднималась частая поросль яблонек-самосевок. Безуспешно я бродил среди их зарослей, стараясь сыскать Максиму гордость, а соскучившиеся по живому человеку деревья, не поняв, что мне надо, все пытались соблазнить меня, ударяя зрелыми яблоками о землю.

Так садами, перескакивая через канавы, я шел вдоль деревни, пока не услышал со стороны улицы шум мотора. Свернула на звук и на узкой колее, пробитой в зарослях крапивы, увидел зеленого цвета «Жигули» с номерным знаком «ЛПД 55-18». Хозяин машины мне обрадовался.

— Друг, подскажи, где тут яблоки получше, — весело, с надеждой крикнул он. — А то мы с женой столько дворов облазили, но никак не найдем. Все «антоновка» да «антоновка». А ей еще с неделю повисеть надо.

— Мародерствуете? — «участливо» поинтересовался я.

— Да ведь все равно пропадут, хозяев-то нет...

— Приедут...

— Ты что же, сторожем нанялся? — неожиданно догадался мужчина.

— Сторожем, — соврал я. И стал записывать номер машины. Такой оборот владельца «Жигулей» смущал, но уезжать ни с чем он, видимо, не привык и, обращаясь к женщине, все это время сидевшей в машине, предложил:

— Давай хоть в пруду искупаемся. — И стал спускаться к охваченной зеленым цветом воде.

А я зашагал к дядькиному дому, надеясь застать там его последнего хозяина, моего двоюродного брата Ивана. Он живет теперь в Донбассе, но дважды в год наезжает в родную деревню: весной — посадить огород, а осенью — убрать картошку и яблоки. Дом оказалась на замке. И по нетронутому урожаю стало ясно, что брат еще не приехал.

Наши с отцом дички вымахали в здоровенные деревья. Желтые гроздьями нависли на мощные ветви, сплошь устлала землю перед домом, и по ней было видно, что уже не первый год урожаи перерастают в перегной, даря плодородную силу и без того тучному чернозему.

Я присел на лавочку у крыльца и поразился надрыванной тишине и необычному виду деревни. Она оставалась легко узнаваемой и в то же время совсем иной. Главная ее улица лежала от меня по другую сторону неглубокой ложицы и отсюда, с моего бугра, просматривалась из конца в конец. Некогда плотный порядок изб зиял щербатинами на месте снесенных домов. Некоторые из оставшихся лишились кровли, от этого казалось, что вся деревня поприсела от смущения и обиды за такой неожиданный и несправедливый поворот в ее судьбе.

Тишина...

И вдруг этот с детства знакомый звук... Возникнув где-то у самой вершины, он нарастающей скоростью устремился вниз, прощелестел потревоженной листвой, отстукал по сучкам, и через неуловимую паузу — тупой удар о землю. И опять тишина... А потом снова торопливо прошивающее крону: «Ч-ш-ш-вак».

И длится-то всего лишь мгновение, но не спутать его ни с каким другим. Только он один способен вот так, походя, опрокинуть память на десятки лет вспять, воскресив в ней картины, которым положено бы за давностью потускнеть, затеряться за страницами более свежих и ярких впечатлений. Услышал его — и все живо, все рядом, будто время все эти годы и не мчалось галопом, а услужливо топталось на месте...

...Предрассветные сумерки. Вроде бы уже и не ночь, но еще и не утро. Самая дремлющая пора. Но где тут уснуть. Первые сентябрьские утренники уже успели настудить землю. К рассвету холод выжимает из нее все накопленное за нежаркий осенний день тепло. Он достает снизу, сквозь толстый слой соломы и брошенное поверх рядно. Неумывающий Султан, отбредая с вечера все, что положено, досыта набивавшись за ночь с другими деревенскими псами, к утру в поисках тепла забрался в шалаши, и свернувшись калачиком у входа, зябко вздрагивает, тоже не может уснуть — голодно.

Тишина. Не слышно даже перепелов, которые совсем недавно по всей ночи надрывались незатейливой песней в живые за огородами. А теперь вот ни скрипа, ни ляза, ни вскрика, будто и звуки, окоченев, не в силах шевельнуться. Только трудяги-«антоновки» всю ночь напролет трясают о землю упругими яблоками: ч-ш-ш-вак, ч-ш-ш-вак. Не спи, мал, человек, пора собирать урожай.

Все лето они качали из земли плодородные соки, гнали их к зеленым, невзрачным плодам, укромно упрятым в листья. Со стороны, если не приглядываться пристально, было трудно понять, куда подавалась майская кипень. Казалось, побушевав с неделю, весь цвет просто осыпался, так и не дав завязи. Но на исходе августа яблоки наконец выкатились из листьев, гроздьями нависли на ветки, и, не будь подпорки, загодя установленной чуть ли не под каждый сук, деревья рухнули бы под гнетом щедрого урожая. И теперь вот стоят, словно толпа стариков с посохами в руках, и когда доносится очередное «ч-ш-ш-вак», кажется, что это они облезло и вздыхают: все чуть-чуть меньше давит на плечи.

В этот ранний час, когда и так все зыбко и неясно, а утренний туман и дымок от тлеющих с вечера куч картофельной ботвы еще больше скрадывают привычные очертания предметов, белесые от обилия зрелых плодов кроны яблонь кажутся какими-то призрачными видениями, которые чуть светятся в темноте, так что спросты не сразу сообразишь, куда попал. И только аромат «антоновки», который настолько густо пропитал все вокруг, что его впрямую пробовать не оцущь, только он, этот аромат, и возвращает в реальную жизнь — в осенний сад.

Пробывается деревня как-то вдруг... Где-то в самом дальнем ее конце неожиданно звякает железо, будто зацепили щеколдой за притолоку. И сразу в другом краю, откликаясь на первый звук, хлопнула дверь, заскрипели открываемые ворота. И началось: приглушенные со сна голоса, мычание разбуженных коров, кудахтанье потревоженных кур. Кто-то совсем рядом прошел по улице к колодезю, позванивая пустыми ведрами на коромысле. Я слышу, как тетка вынесла во двор лохань теплого поила, добытого, как всегда, отрубями и толченой вареной картошкой. Корова, глубоко вздыхая, примялась неторопливо пить, и тут же упругие струйки молока звонко уперлись в дно подойника.

Первыми увидели солнце грачи, что живут горластой колонией в краях столетних кленов и лип бывшей помещичьей усадьбы. Невидимое еще с земли, оно уже показало им, сидящим на высоте, свою огненную горбушку. И птицы тут же загалдели, сорвались на истошный крик, в котором сразу утонули все остальные звуки. И все, что до этого еще пыталось лениво дремать, тут же проснулось. Наступил новый день.

И вот новый сентябрь. Опять осыпаются зрелые яблоки. Для кого?

Странно все-таки получается: рост нашего благосостояния больно ударил по яблокам. Будучи раньше важным фактором в товарном производстве крестьянского подворья, ныне сад потерял это свое значение. Я прикинул, и оказалось, что сейчас хорошая доярка или механизатор зарабатывают в день — в переводе на зерно — столько же, сколько когда-то колхозник нашей деревни получал натуроплатой за целый год. Твердый заработок и возможность приобрести на полученный рубль все необходимое освобождают современного крестьянина от заботы искать дополнительный доход. А в случае, если такая нужда и возникнет, то решать ее ему легче не яблоками, а более выгодным в финансовом отношении занятием: откормом скота или выращиванием той же клубники.

Да и в городе сегодня яблоку неуютно. Раньше наши двory дрыбились «шанхайями» из разнокалиберных сарайчиков и сараюшек, где в погребах можно было на всю зиму напасти картошки, огурцов, моченых яблок. Теперь мы живем зажиточнее и чище. В благоустроенных дворах выгуливаем любимых болонок, а в подвалах домов, некогда использовавшихся жильцами под индивидуальные хранилища, разводим теперь удивительно злобную породу комаров.

Меняются времена, меняются и наши запросы. Происходит переоценка привычных ценностей, но как же быть с урожаем? Успокоиться благополучной цифрой статистики и закрыть глаза на все? Но ведь обидно до боли: столько вырастить и не суметь довести до ума.

Создание единого агропромышленного комплекса страны и проведенные в связи с этим реорганизации в отраслях, связанных с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, разумеется, решат целый ряд проблем, возникавших ранее на межведомственных границах. Но есть ряд вопросов, которые не решить простым усовер-

шенствованием организационных структур. Прежде всего это селекционные пробелы в нашем яблочном хозяйстве. К сожалению, мы не располагаем хорошо сбалансированным по срокам созревания набором сортов, которые бы позволяли растянуть период сбора урожая, а также отгрузки свежих плодов потребителю и на переработку, сортов, устойчивых к транспортировке и хранению. Именно это обстоятельство во многом и определяет авральность садовых работ и реализации урожая. Летние сорта, которые мы имеем, недостаточно лежкоспособны, не выносят транспортировку. А если яблоко нельзя ни перевезти, ни сохранить, то ни о каком зеленом конвейере «сад — магазин» речи быть не может, и положение, когда яблоко выращено, но не потреблено, равносильно тому, что этого яблока вовсе и нет.

Наши сады нуждаются в серьезном пересмотре их структуры. В этой статье речь шла о Центральном Черноземье. Однако подобная ситуация характерна и для других садоводческих республик, краев и областей страны. Уже несколько лет я собираю вырезки публикаций на эту тему и поражаюсь близнецовой схожестью проблем Прибалтики и Молдавии, Украины и Поволжья, Северного Кавказа и Белоруссии, Российского Черноземья и Нечерноземья. При внимательном анализе оказывается, что в основе проблем чаще всего лежит сортовой дисбаланс. Конечно, решение этого вопроса — дело непростое и долгосрочное. Но обойти его все равно не удастся. Поэтому приступать нужно уже сейчас, немедленно. И начинать надо не с подсчетов урожая, какой мы хотим выращивать через пять, десять и двадцать лет, а с того, сколько нам потребуется через эти годы свежих яблок, соков, джемов и всей прочей продукции, вырабатываемой из фруктов, и уже под этот спрос планировать сады.

Не обойтись без серьезной реконструкции и в индивидуальных садах. В прошлую пятилетку потребкооперация закупала у населения примерно по миллиону тонн яблок в год, однако около шестидесяти процентов этого количества приходилось на плоды третьего сорта и нестандарт, которые были непригодны для производства высококачественных консервов, соков, варенья, джемов, компотов. Один миллион шестьсот тысяч тонн этих яблок ушло за пятилетку на выработку вина. Теперь этот «спасительный» канал перекрыт. Как быть? Лучше бы всего доставлять потребителю урожай индивидуальных садов в свежем виде. Однако было бы верхом наивности полагать, что потребкооперация способна справиться с этой задачей в одиночку. У нее просто не хватит рабочих рук на сборе, при транспортировке, в торговле. Вывод напрашивается сам: она должна скооперироваться с сезонной рабочей силой. Таковой могут быть студенческие отряды. Прошлой осенью на многих улицах Москвы были организованы овощно-фруктовые базары, где продавцами работали студенты, и хорошо, надо сказать, работали. Уборка овощей, фруктов, картофеля стала обычным делом трудового семестра. Не пришло ли время доверить сбор и закупку, транспортировку и продажу яблок комплексным студенческим отрядам, каждый из которых взял бы под свой контроль какой-то определенный садоводческий район, заранее определяя урожай и количество нужных для его уборки рабочих рук, заключал договоры с садоводами. Подобная схема давно используется на стройках Сибири, Дальнего Востока. Яблочный конвейер мог бы работать под контролем потребкооперации.

В том, что этот вариант реален и может дать положительный результат, меня убеждают две встречи. В совхозе «Агроном» я познакомился с молодым парнем, который каждое лето приезжает сюда с друзьями на сбор яблок из Дагестана. Работают они от зари до зари. Согласно положению, в конце уборки имеют право на каждый заработанный рубль купить по себестоимости пять килограммов съемных яблок, доставку которых к месту жительства сборщика обеспечивает садоводческое хозяйство. Мой новый знакомый объяснил, что яблоки они везут, конечно, не в Дагестан, а на Север. Он не стал расшифровывать, каким образом удается нанять рефрижератор, во что обходится перевозка фруктов, их хранение и сбыт на месте. Он назвал только конечный результат: в иной сезон можно сколотить деньги на «Жигули».

Прихвастнул мой собеседник или говорил чистую правду, я не знаю. Но, будучи в начале ноября в командировке в Гурьеве, я увидел на центральной улице штабеля деревянных ящиков с фирменной этикеткой Тамбовского облплодоовощпрома с удивительно знакомыми яблоками. Оказалось, что сборщики привезли на Урал продавцов «натуроплату», заработанную в Черноземье. «Жигулевское», «осеннее полосатое», «оранжевое» бойко шли по рублю восемьдесят, два рубля за килограмм. А куплены-то они были всего копеек по пятнадцать — двадцать.

Я

часто смотрю на эту картину, и каждый раз она вызывает у меня какое-то необъяснимое волнение, смутное воспоминание, будто все это уже я видел раньше и знаю какой-то давней памятью. «Все это было когда-то, только не помню, когда...»

После жаркого боя, заняв поселок или какой-то крохотный городок с маленькой облупленной церквушкой, на его окраине, на пригорке с высохшей, истоптанной травой лежат молодые парни, отдыхают. Знойный день, в зените плавится белое солнце, меловая пыльная дорога уходит вдаль, за холмы, в будущее этих парней, в тот новый мир, за который они бьются, твердо веря, что там, в светлом грядущем, жизнь будет прекрасна, люди будут равноправны и каждый друг другу брат.

Они отдыхают после бешеной конной атаки. В жаркий полдень была подана команда, от которой холодком взялось сердце: «Шашки во-он! В атаку марш, ма-арш!» И летела кавалерийская лавина, выхватив сверкающие на солнце клинки, и грозно нарастал гул тысяч копыт, а навстречу бешеному намету неслась другая конница, и стоном стонала земля. Посреди сдвигающихся вражеских лавин лежала пыльная выгоревшая степь, и спрессованный, подпиремый с двух сторон конницами воздух обжигал легкие.

Распялив в крике черные, пересохшие рты, каждый выбирал глазами свою жертву, чтобы, привстав в стремени, обрушить сабельный удар на врага.

В оглушающем звоне скрестившихся стальных клинков, в пыли, что затмевала солнце, в храпе и злобном конском визге, в глухих ударах о землю мертвых тел, в крови, в крике обезумевших от ярости людей шла сеча, рождался тот новый мир, ради которого каждый из них «хату покинул, пошел воевать...».

На полном скаку выбивала кавалеристов из седла вражья пуля, выпадали из натруженных войною рук сабли, и молодые парни опрокидывались на жесткую, иссушенную зноем траву, и меркло в глазах солнце, черным диском катилось по выцветшему до белизны небу. Обезумевший от запаха крови, от скрежета сабельный конь вырывался из битвы и волочил за собою хозяина, зацепившегося в стремени. С высоким протяжным звоном лопалась струна молодой жизни и глохла, затихая печальным стоном.

А эти остались живы. Вышли из атаки пропотевшие, охрипшие, смертельно уставшие и душевно опустошенные, и дрожит у них каждая жилка от перенесенного напряжения и ужаса. И теперь вот лежат на бугре, отдыхают от близкого соседства смерти, от свиста пуль, от разрывов шрапнели над головой, от сабельного звона, медленно оживают, еще туго созная, что остались целы.

Онемели горячие ноги в грубых сапогах, и вон тот паренек уже разулся и блаженно шевелит сопережившими, много дней не выдавшими воли пальцами. Рядом с бойцами отдыхают сабли с эфесами, похожими на вытянутые шеи хищных птиц. Позади, за бугром, стоит тачанка с пулеметом, запряженная в разномастную четверку еще не высохших после боя коней.

Красноармейцы едят терпко-сладкие теплые черешни, сорванные в саду на окраине городка. Берут ягоды из пропотевшего картуза, брошенного на землю, и каждый отрешенно думает о чем-то своем.

Короткий привал. Может, вот сейчас, вскинув боевую трубу, заиграет горнист тревогу и раздастся протяжный клич командира: «По ко-оням!» И взвоет пыль

Я смотрю на отца из того грядущего, что зарождалось там, в тех степях, в тех боях. Смотрю из нашего времени и знаю об отце все, всю его судьбу, которой он не ведал тогда, когда лежал на рыжем бугре среди своих побратимов.

Лежат парни: кто в ките ле убитого белогвардейского офицера, кто в пропотевшей и выгоревшей гимнастерке, а кто и просто в крестьянской холщовой рубашке с выступившей солью на спине. Сапоги старые, пыльные, давно не мазанные, а подошва хорошая — потому как все на коне да на коне, все в седле да в седле. Шоркались только голенища — протирались до дыр о лошадиные бока, в кровь раздирая бока боевых коней. Истончались на горячем седле и галифе в промежье. У отца они протирались и потом, в мирной жизни, когда мотался он на коне по району, создавая колхозы.

Вот так же, раскинув длинные ноги, лежал он в редкие минуты отдыха на покосе, заслонив рукой глаза от солнца, смотрел в синее алтайское небо, наблюдал за коршуном, что плавно кружил над степью. Задумчивым было в такие минуты лицо его. Может, вспоминал, какими дорогами прошел, друзей своих, а может, думал о будущем, пытался разгадать судьбу свою, узнать, что будет потом.

Я вспоминаю отца, сидевшего ночами над немецким языком, как шолоховский Нагульнов над английским. «Хочу из себя советского человека сделать. — По-красневшими от бессонницы глазами отец смотрел на меня. — Образованного. Теперь иначе нельзя. Вот токо время совсем нету. Эх, с детства бы мне учиться! Я бы показал! А то райскую жизнь вам завоевали, а ты «неуды» хватаешь. Да я бы на твоём месте... На одни бы «оч. хор.» учился. А то вот грамотеши не хватают, и в некоторых вопросах я темнее ночи. А надо, чтоб глаз раскрытым был».

Он возвращался из поездки по огромному степному району с обожженными морозным ветром щеками, влезал в дом, внося белый студеной пар, стук намерзших пимов, снег на тулупе. Брови от дыхания закуржавели, усы тоже. Плохо владея закаменными губами, выдавливал: «Ну, мороз! Пряма как кипятком шарит». Он долго и трудно раздевался, негнущимися пальцами развязывал опояску: выпрастывал себя из черного собачьего тулупа, от которого несло сухим каленым морозом, сеном с едва приметной горечью полыни — отец всегда подстилал в кошевку охапку сена. Он с кряхтением стягивал настывшие пимы, снимал шерстяные носки домашней толстой вязки, шевелил желтыми пальцами ног, говорил: «Кажись, не отваливаются». Растирал их носками до красноты. «Нет, ничо, целы». Потом носками же тер щеки. Они были в темных яблоках — побиты морозом в прежних поездках. Потом дышал на задуবেвшие, красные пальцы, устало садился за стол с самоваром, охватывал пальцами стакан с крутым кипятком, грел их и, все еще находясь мыслями где-то там, в деревнях, незряче смотрел на меня, простудным голосом говорил: «Скотину режут, паразиты. Чтоб, значаца, в колхоз не сдавать».

Отец тяжело переживал это, днем и ночью пропадал в своем районе, агитируя, грозя судом, уговаривал, что скот надо сохранить для колхозного поголовья, убеждал, что спасение от бедности — в колхозах.

Отец пил чай стаканом, оттаивал в избяной теплоте, лучше владел языком, жаловался: «Бьюсь, бьюсь, а все никак не могу раскрыть мужику глаза. Уцепился за свое, как за бабью...» — вспомнив, что я тут, досадливо крякал, не договаривал. — И ни в какую! Не оттащить. Говорю, в колхозе лучше будет — не доходит. Будто в глухую стенку говорю. Зову людей к новой жизни, а сам толком не

Анатолий СОБОЛЕВ

РАССКАЗ

И СНИТТС

из-под копыт, ломается жесткая трава, раздаются кровяными пятнами степные маки. И грянет песня из пересохших глоток:

Эх, яблочко, да куды котишься!

И лица, лица, прекрасные лица крестьянских сынов, познавших, что такое смертный бой за будущее, в которое так ясно и самозабвенно верили они. Таким был и отец.

Вон тот богатырь, что лежит на спине, вольно раскинув длинные ноги, похож на моего отца. Заслонив рукой глаза от солнца, он глядит в знойное небо. Лицо задумчиво и спокойно. Порывшие на солнце сапоги, красные пыльные галифе — награда за храбрость! — выгоревшая до белизны, пропотевшая гимнастерка. Он и потом, в мирной жизни, ходил в гимнастерку, перетянутой командирским ремнем, и в галифе, только уже не в красных, а в синих, обшитых кожей, — он и в мирной жизни не слезал с коня. А на гимнастерку по праздникам прикреплял красный бант, и тот большой бант, как удивительный цветок, алел на груди.

Я помню, как в детстве отправлялись мы с ним на первомайскую демонстрацию. Я — умытый и причесанный — вприпрыжку поспеваю за ним, а он отмеривает дорогу по-журавлиному длинными ногами в хромовых сапогах, вышагивает посреди улицы торжественно-строгий, с просветленным лицом. И на груди у нас по алому банту. Как я любил отца в такие минуты! Как был горд за него! Но я знал, что он терпеть не может «телячьих нежностей», и потому любовь свою не выказывал, а только крепче держался за широкую, сильную и горячую руку его. И жалел, что он не надевает свою саблю, что висит у нас на стене в облупленных и помятых ножнах.

В этом богатыре на картине я узнавал черты отца не только по одежде времен гражданской войны, но и по широкому, волевому подбородку, прямому носу, и по решительному выражению обветренного лица. Он корявый, в детстве переболел оспой. «Черти горох молотили, — отшучивался отец на мой вопрос, почему у него такое лицо. — Уснул, понимаешь, на огороде, а они горох смолотили».

Вон и Серко стоит за тачанкой. Отец рассказывал мне в детстве, что был у него на войне серый — в яблоках — конь Серко. Не раз уносил Серко отца от погони в разведке, спасал ему жизнь. Крикнет: «Гр abat!» — припадет головой к гриве, и понесет его Серко — «аллюр три креста!», как любил приговаривать отец, рассказывая про гражданскую войну. Любая погоня отставала. Пуля только и могла догнать, но отцу везло — не достала. А в переплеты попадал — думал, живым не выбраться!

Отец до этого побывал уже и царским солдатом на фронте в Галиции, и во Франции, и на каторге в Алжире, и Средиземное море пересек на греческом судне, бежав из лагеря каторжан.

И вот он здесь, передо мной, на этой картине, лежит на обожженном солнцем бугре среди боевых друзей — буденовцев.

Отец мог бы сказать о себе словами поэта, если бы знал эти строчки:

Судьбу свою к седлу я приторочил.

Я и сейчас, в грядущих временах,

Как мальчик, привстаю на стремених.

знаю, какая она есть, эта новая жизнь! Ровно по льду молодому иду на другой берег. Сам провалюсь — черт с ним! А вот ежели людей заведу не туда! В польню... — Отец задумчиво смотрел перед собой. — Ну и тяжелая эта ответственность — прям плечи гнет, будто жерновами мельничными придавило».

У него и впрямь широкие плечи стали свислыми, будто тяжестью придавлены. Сидел он за столом грузно, от горячего чая прошиб уже пот, приходил в себя от поездки. «По книжкам-то вроде все ясно, там все расписано, по полочкам составлено. А на деле?» Он вздыхал: «Надо вот к посевной готовиться. Посевную бы провести на ударном уровне, тогда все бы как по маслу пошло. Главное — воз сдвинуть с места, а там, по ходу-то, легче будет. И мужикам доказать, что гуртом лучше, чем вразброд. Мужик, ведь он пока не пощупает, не поверит».

Обрезанное усталостью, общетинное лицо его было жестким, сгорало каким-то внутренним огнем. Я чувствовал это и с почтительным уважением глядел на отца. Тяжело вздыхая и думая свою думу, он подолгу сидел за самоваром, весь еще где-то там, в степных, продутых студенными ветрами даях, в деревнях, занесенных по самые крыши сугробами, все еще до хрипоты доказывая правоту Советской власти...

Я помню, как горел сибирской зимней ночью подоженный кулаками райком партии; помню отца, отравленного подсыпанным в муку мышьяком и с пеной на губах катающегося по полу в невыносимых страданиях и хрипевшего: «Врешь, наша перетянет! Советскую власть на вилы не подымешь!»; видел мятежников, непримиримых к Советской власти, — их везли на телегах из соседнего села, уже укрощенных и обезвреженных; слышал недобрый гул толпы, когда сбрасывали в нашем селе крест с церкви.

Из кулацкого обреза стрелянный, волкодавами травленный, отец мой — первый секретарь райкома партии — ломал закаменелые устои сибирской деревни.

Но тогда, в детстве, в начале тридцатых годов, меня интересовало не то, что происходило в степных деревнях предгорья Алтая, а то, что было с отцом, когда бежал он с алжирской каторги, куда попал, участвуя в солдатском бунте во Франции, где воевал в первую мировую войну в русском корпусе. И я расспрашивал отца о его скитаниях по Европе, когда он «со товарищи» шел по ней босиком, переплыв на греческом судне Средиземное море. «Сапоги мы разбили в пух и прах. Сначала подошву подвязывали веревками, а потом и подвязывать нечем стало. Шли-шли, пол-Европы прошли. Остановимся у какого-нибудь хозяина, поработаем у него на поле, отъедемся мастью, и опять в дорогу. Один раз, уже в Македонии, дело было, Грецию прошли, задержал нас патруль на дороге. Офицер и два солдата. Чего-то там этот офицерик говорит, показывает нам, офицер или как его там — урядник ли, капрал он? Унтер-офицер, одним словом. Во Франции-то капралы были, ну, а того как назвать — не знаю. Дак вот он приказывает нам чего-то, а мы никак не пойдем. Ножкой аж притоптывает, голосок подымает, сердится, значаца. А сам такой жидкий, невелик росточком. И чего сердится — понять не можем. И давай он нас ружьем стращать. Тычет Ивану Благому в брюхо штыком. Ткнет его, а Иван

Рисунок
Владимира
РОДИНА

Я БОИ

ойкнет. Опять ткнет, Иван опять ойкнет. А потом Ивану надоело, отвел он штык в сторону да как саданет офицерику по башке кулаком — тот и обмяк. Кулак-то у Ивана с кувалду. Остальные двое увидели такое дело да бежать пустились. С винтовками были, а побежали. Перепугались, видать, шибко. Ну, мы тоже в кусты — шасты! Бегим, а Тимоха Хренков говорит: «Зашиб ты его, Иван, до смерти». «Неужто! — Иван аж остановился. — Наверде не шибко ударил — пострашал токо. Чо он в пузо-то штыком тыкает. Боров я ему, чо ли!» Бегим дальше, а Тимоха опять свое: «Загубил ты душу, Иван». Тут Иван опять остановился. «Не рви ты мне сердце, Тимоха! Мне и так тошно, — говорит. — Вертаемся, братцы, мовет, ему помощь нужна. Вдруг и впрямь зашиб? Грех на душу не хочу брать. И чо он такой хлипкий какой-то!» Вернулись, чо поделаешь. Человек ведь не скотина, а вдруг и вправду зашибли! Глядим, офицерик тот на карачки подымается, и шатает его ровно пьяного. Обрадовались мы, что жив он, да к нему — на ноги хотим поставить. А он, как увидел нас, да как вскочит — ровно козел! — и припустился бечь. Резво бежал. Поди, подумал, что мы его дошибать пришли. Он бежит, а Иван кричит ему: «Да не беги ты, друг сердечный. Ничо мы тебе не изделаем!» А тот пятки смазал, быстро удалился. «Слава богу, — говорит Иван, — не зашиб. А то грех-то какой — ни про что человека зашибить!» И пошли мы опять по Европе. В Сербию вышли. Где в кукурузе переночуем, где в винограднике. Там совсем не так, как у нас. Там винограду! Навелись мы его на всю жизнь. Хоть и сладкий, а не еда это — вода одна. Нанимались работать за харчи. Поработаем, подкормимся, и опять в путь. Так все страны наскрозь и прошли, какие попадались. Всяко было. Но скажу тебе: трудовой народ всюду помогал. В любой деревне. Интернационализм это называется. Вот тогда я его и понял. Бедный народ, он везде бедный и завсегда поможет. И вот что любопытно! Воюем, сражаемся, друг дружку колотим на позициях, а так вот, когда встренешься, — хороший народ. Сколь стран прошел, а плохого народу не встречал. Все трудятся, у всех рубахи пропотелые — хлеб своим горбом добывают. А войну завсегда буржуи начинают, кровопивцы проклятые. Им все мало. В три рта жрут, а все мало. Ну теперь — шабаш! Теперь русский народ решил: будя, поизмывались, попили кровушку — и баста! Сами себе власть! И во всех странах мировая революция произойдет — помяни мое слово. Светлое время настанет. И войны пресекутся. Чего делить-то трудовому народу? Нечего. Все свое: и земля, и страны, и... все, в общем. Что делить-то? Верно?.. Да, прошагали мы по Европе, пятки стерли до крови. Хорошо еще, кожа хорошая досталась. Любая обувка не выдержала бы, поистерлась в прах, а ноги, вот они, целы, опять кожа наросла. Я тогда убедился: кожа у человека шибко хороший материал».

Был в его жизни особый день, который совпал с его днем рождения. В тот день отец бежал из-под расстрела, когда колчаковский военно-полевой суд приговорил его к смертной казни за большевистскую агитацию среди солдат. Исполнилось ему в тот день двадцать два года.

Рассказывая об этом, он всегда говорил, что забыл тогда про свои именины, — не до того было.

«Мне смерть выносят через расстрел, а я стою и думаю: «Чо это у его в руках такое — хреновина какая?» А он сидит и этой хреновинкой себе ноготки подпиливает. Попилит, попилит и отставит от глаз — повертит, полюбуется ногтями и опять подтачивает. Ножку на ножку аккуратненько так закинует, сапожки начищены — аж сверкают лоском, и сам весь как с картинки, такой весь лощеный и портупей перетянутый. И ногтями занят больше, чем трибуналом. Я потом такую пилку в городе видал, в парикмахерской. Там барышням ноготки подпиливают. Рашпилек такой махонький, токо насечка помельче, он «бархатным» называется, рашпилек такой. А когда меня приговаривали, я тогда в первый раз такой господский инструмент увидел. И шибко меня диво взяло: мужик, а ногти подтачивает! Мне смерть выносят, а я как ополоумел все одно. Будто и не мне приговор читают, а кому-то другому, и с того офицерику глаз не слушаю. Поди, и впрямь я тогда не в себе был».

А под трибунал отец попал так.

После тифа, еле живой, вернулся он в девятнадцатом году на Алтай. «Под чистую комиссовали», — рассказывал отец. Это было уже после Алжира, после того, как они с товарищами прошли пол-Европы, после Кавказского фронта, где он подцепил малярию и болел ею всю жизнь, и после Волги, где свалил его тиф в Самаре. Отбредил в беспамятстве, отвалился в тифозном бараке среди умирающих, поднялся на ноги и — скелет скелетом! — вернулся домой. Едва доехав в переполненных вагонах до Сибири, добрался на попутных до родной деревни и опять свалился в жарком бреду.

«То в память приду, то провалюсь куда-то — возвратный тиф начался. Мать уж и соборовала меня — совсем помирал. А тут Колчак верх взял над Сибирью, правителем себя объявил и зачал проводить насильственную мобилизацию. Раз как-то и к нам в избу зашли солдаты и офицер-каратель. Ну, зашли, знача, и спрашивают: «Кто такой?» Мать отвечает, что сын, мол, это. «Мобилизация», — говорит офицер. «Да я его соборовала уже», — говорит мать. «При смерти он». «Ежели встанет на ноги да уйдет — запорю тебя плетями», — пообещал ей офицер. И вот что интересно: шибко он похож был на того офицерику, что мне потом смерть выносил в трибунале. Ну, посулил он плетей, и ушли они. Я глаза открыл, а мать говорит: «Лежи, хворай на здоровье. Ежели не помрешь — там видно будет». «Порешат они тебя», — говорю ей, — и сестренка тоже». «Не твоя печаль», — говорит, — ты на ноги вставай, а там поглядим». Папаши дома не было в ту пору, он где-то по земле мотался. Я потом его спрашивал, уж после гражданской: «Где, — говорю, — тебя носило?» «Избы, — говорит, — рубил». «Тут государство рушится, все шиворот-навыворот, а ты избы ставишь!» «Без избы, — говорит, — никто еще не обходился. При любой власти жильье требуется. Каку власть ни придумай, а крышу над головой все одно надо. Вот и рубил». Чо с него возьмешь! Ну вот, братовья мои воюют кто где: кто на Дону, кто в алтайских партизанах, а я дома лежу, а в доме мать да сестренки младшие. Ну, все ж поправился я, на ноги встал. Тут и забрили меня. Опять офицер с солдатами пришел, другой, правда. Как вроде почуяли, что

могу я дать тягу,— ищи-свищи тогда ветра в поле. Не удалось мне от них скрыться. И стал я у них обозником. Думаю: нет, на мякине меня не проведешь, чтоб я по своим стрелял! Припадки симулировал, да и малярия меня вправду трепала—на передовую не посылали. А сам, значаща, потихоньку агитацию за Советскую власть веду, да промашку дал— донес какой-то гад. Вот и предстал я перед трибуналом. И вынесли мне расстрел».

Я сжимался, колючие мурашки высыпали по спине, когда отец рассказывал про это. Но все равно каждый раз, когда выпадала у отца свободная минутка, просил его рассказать, как убежал он из-под расстрела. Отец отнекивался, но все же уступал моей просьбе и в который раз рассказывал:

«Ну, привели меня в сарай, втокнули прикладом в спину. Нащупал я впотьмах солому, сел на нее. И тут взяло меня раздумье. Пока на офицера глядел, о смерти не думал, а тут как впотьмах оказался, так оторопь взяла. Неуж, думаю, конец пришел! В каких переплетах бывал— живым уходил! Скрозь песчаную пустыню прошел. Средиземное море переплыл, Балканские горы пересек, в тифу не помер, а тут какой-то гад донес— и все! На рассвете меня порешат. И такая обида взяла, что не доживу до коммунизма, не увижу, как трудовой народ свободу обретет. Такая тоска сердце зажала, что прямдохнуть не могу. Сколь так сидел, не знаю. В проулке совсем тихо стало, поуспули все люди. Токо часовой ходит, шаги его слышу вокруг сарая. Сарай-то на краю села стоял, чтоб утром далеко не вести, на околице и расстрелять. Выстроят всех солдат и для ихней острастки исполнят приговор. Чтоб другим неповадно было. Сижу, думаю, а самого, как в малярии, трясет, аж зубами чакаю. И вдруг слышу: «Гордей, а Гордей, ты как там?» Чую, вроде голос знакомый. Я к щели в дверях на ощупь пробрался, спрашиваю: «Кто тут?» «Это я,— говорит,— Евлампий Подмиглов. Ты как там?» «Господи,— думаю,— откуль тут Евлашка! Чудится мне, чо ли? Ты откуда тут?»— спрашиваю. «Дак часовым приставлен. Тебя караулить». «Евлашка,— говорю,— пришел мой час— шлепнут, гады. Ты-то как тут?» «Дак служу»,— говорит. «Колчакам, чо ли?» «Ну, имя, а кому ишло!»— отвечает. А не выдалась мы с им, почитай, годов пять. Как ушел я на войну, так с той поры и не выдался. Он моложе меня на год. Потом и его в рекруты забрили, тоже вшей в окопах покормил, в германскую-то. И вот поди ж ты!— сошлись наши пути-дорожки. В детстве-то мы с им не разлей вода были, да и в парнях тоже. «Выручай,— говорю,— Евлампий, а то кокнут меня на рассвете». «А как,— говорит,— я тебя выручу-то? Тебя ж трибунал осудил!» «Бежим,— говорю,— вместе». «Как бежим, господи сусе!»— тряхнул Евлашка.— «Дак за это ж расстреляют!» «Наши придут, дак тебя за меня и шлепнут, а так утечем, я тебя перед своими оправдаю, скажу, геройский поступок совершил. Тебя красными штанами наградят». «Штаны-ми?»— спрашивает. «Ну, не Георгиевский крест тебе давать! Он у нас отменен». «А у вас там чо, штанов много? Раздаете-то?» «Нет,— говорю,— штанов нехватка, но самым храбрым дают. Красные галифе. Видал?» «Видал,— говорит,— расстреливали тут одного вашего командёра, дак на ём и видал». «Вот,— говорю,— Евлашка, меня тоже расстреляют, уж немного осталось. Светает там, нет?» «Нет покуль, месяц, правда, уцербился». «Мало осталось, Евлампий, думай, а то вторые петухи поют». «Боязно»,— говорит. «А как твою друга закадычного под залп подведут— не боязно тебе? Сам стрелять будешь?» «Упаси господь,— говорю,— чего молотишь-то! Ирод я какой, чо ли?» «Не молочу, брат, тут не на току в Чудотворихе. Мне теперя не до молотыбы»,— говорю. «Кабы знать,— говорит,— чья перетянет!» Вот змей подколодный! Кабы знать ему! «Ну,— говорю,— Евлашка, наши все одно придут, наша перетянет, и спрос учинят строгий. Думай, покуль третьи петухи не пропели. Пропоят— считай, ты сам себе приговор приговорил». Уломал я его все же! Открыл он сарай. «Выходи,— говорит,— да поживей!» А я стою в дверях, и мне аж голову обносит чистым воздухом. Прямо передо мной воля, а я ноги через порог перенести не могу. Как все одно гири пудовые привесили».

Отец удивленно усмехался, вспоминая свой побег.

«Ночь была, скажу тебе! Теплым, сеном сладким пахнет, аж голову обносит! И сердце чего-то закатилось, не могу идти— и все тут! Поначалу думаю, чо такое, а потом сообразил— со страху. А Евлашка торопит: «Давай шибче, каба погоню не изладили!» А я не могу идти— и все тут! Вот ведь, как приговор читали— все на того офицера глаза пялил, а в сарае оробел. Евлампий прям волоком меня волокет и материт на чем свет стоит: «Ну, втянул ты меня, Гордей, в этот жидкий назем, а теперя идтить не желаешь, гад!» А у меня, не поверишь, ноги подгибаются, хоть плачь. Евлампий-то прям озверел. Винтовку мне в грудь наставил и говорит: «Тебе все одно приговор был. Не пойдешь— спущу курок. Скажу— при попытке к бегству». «А пошто меня из сарая выпуцал, спросит тебя»,— говорю ему. «Скажу, по нужде попросился, а сам побег». «Не поверят,— говорю.— Нужду можно и в сарае справить. Ты лучше дай мне по морде, я и очухаюсь. Токо до смерти не зашиби ненароком». Он, Евлампий-то Подмиглов, здоров был, как бык. Бывало, на спор, еще когда в парнях ходили, жеребца кулаком ударит в ухо, тот заржет и на колени упадет. Во какая сила в нем была! «Не зашиби,— говорю,— а то у тебя кулак-то навроче кувалды в кузне». Ну, он меня и оглушил— рад стараться, дурак! Я с ног— брык. Потемки в голове настали. Лежу. Он меня отряс, шумит мне в ухо: «Гордей, а Гордей, ты живой, ай нет?» Я очухался, говорю: «Ты ж у Сусекова жеребца зашиб. Я же не жеребец— так бить». А он мне: «Я сдерживал руку, вот те крест! Вполсилы и наврокнул, ей-бо!» Ну, встал я. И чо ты думаешь— заработали мои ноги! Токо в голове долго гудело как с сильного похмелья».

«А погоня была?»— спрашивал я и замирал, ожидая рассказа про погоню.

«Мовет, и была, да токо мы не дураки, мы не в сторону красных побежали, а совсем даже наоборот, в тыл белых. Ежели и наладили погоню, то в сторону фронта. Мы, брат, тоже не лыком шиты были,— подмигивал мне отец.— Бежим мы, а Евлампий все про штаны пытается: правда— нет, дадут ли? «Правда,— говорю,— правда. Ежели живыми останемся». Теперя-то смешно, поди, про такое слышать, а тогда не до смеху было— голые воевали. А без штанов много ль навоюешь!»

«А где он теперя?»— спросил как-то я про человека, который спас отцу жизнь. «В Нарыме. Сослани». «Почему?» «Почему! Почему!— рассердился отец.— Потому что за штаны воевал. Вот почему! После гражданской мироедом стал. Стадо коров завел, лошадей, по найму у его работали, батраки. Я же его и раскулачивал».

Отец тогда долго и хмуро молчал, прежде чем сказать: «Жизнь, она вся в колдобинах. Тут токо и гляди, кабы не провалиться ненароком. А воевал он хорошо. Не возьму грех на душу— хаять не стану. Хорошо воевал. А потом жадность заела. Я когда раскулачивал его, он мне и говорит: «Чо ж, Гордей, я тебя из-под пули спас, а ты меня в яму толкаешь. Рази это по-божески?» Я ему тогда ответил: «Не меня ты спасал, а на штаны позарился. Ты потому и хозяйства себе нахапал— обратно прет, а ты все хапашешь, все мало тебе!» «Чо ж,— говорит,— столь муки терпели, чоба голым задом сверкать! А детям, а внукам?» «Детям не детям, а куда столь?» Сказать-то я сказал ему, и жалости у меня к нему не было тогда, а теперя вот все думаю...»

Много рассказывал мне отец в детстве, и за всеми его рассказами, и смешными, и страшными, стояло одно— родная земля. Ради нее он вынес все, все вытерпел, все пережил. Лишь бы под ногами была родимая земля, лишь бы народ наш был свободным.

Лев ОЗЕРОВ

Полет Галины Улановой

*Певучесть лебединых линий.
Мерцающая полумгла.
И этот дальний, сизо-синий
Серебряный отлив крыла.
О, из каких небесных тканей
Кто так сплести чудесно мог
Мелодию ее мельканий,
Рисунок в воздухе, дымок.
Порыв Улановой, дыханье,
Ее незримая стезя.
Мгновенье, полное сиянья,
Остановить его нельзя.
Волны движенье кольцевого,
Приморской ласточки полет,
Все трепетное, все живое
В одно танцовщица сомкнет,
И разомкнет, богиням вторя.
И выпустит в полет опять
Волну— прокатываться в море,
А ласточку в лазурь— летать,
И поплывут в потоках света
В века, за тридевять земель
И предвесенняя Джульетта,
И обреченная Жизель.
Я танца словом не нарушу,
Но так скажу, сомкнув уста:
Какой прямой дорогой в душу
К нам залетает красота.*

*Из-за деревьев, бронзою пыля,
Восход опять являет миру смелость.
Скрипучая, как яблоко, земля
Одним бочком отчаянно зарделась.*

*Какая ветка держит этот плод,
Какая ветка от какого древа,
Не знаю я, но так могуч восход,
Авророй называлась эта дева.*

*Мои рассветы где-то за спиной,
И сколько их еще у нас в запасе,
Куда еще поспеем по земной,
А может быть,
и по небесной трассе!*

*Усталая, скрипит земная ось,
Но до сих пор любимея мы ею.
Ее потрогать нам не удалось,
Она вдали мерцает, как идея.*

*Останься, тайна, в недрах бытия,
Как атому, не дай ей расщепиться.
Звени, звени, воздушная струя,
Лети, лети, неведомая птица.*

*Еще не разглядеть весны,
Но за кустами в прутьях голых
Земле промерзшей снятся сны
О тех пернатых новоселах,
Что с юга вылетят вот-вот,
Чтоб поселиться в наших пущах.
Люблю я эти дни забот,
Так обновляюще зовущих.*

Забывтая строка

*Заснул и вот строку свою забыл.
Достойнейшая, может быть, строка.
Она была как трепетанье крыл—
Проста, недолговечна и легка.
Пока я жил и сочинял пока,
Такой строки еще не находил.
Какой-то промельк счастья—
не строка.
Я звал ее, искал что было сил,
Но не нашел. Ее схватила мгла.
Как женщина, она издалека
Пришла, очаровала— и ушла...*

Сергею Образцову

*Ладонь, пять пальцев, шарик малый,
Воздетый на один из них.
Полнее, чем из многих книг,
Я узнаю о небывалой,
О несказанной правде дня.
Вселенной образ пятипалый
Упрямо смотрит на меня.
На пальце вертится планета
(Или мои былые лета
Сквозь пальцы сыплются, звеня).
Я сказку за детских лет баюкал,
Растил для взрослых, для мальцов,
Ее вернул мне Образцов,
Что скрыт за ширмой театра кукол.
Ученый с видом колдуна.
Его рука— читай: работа.
В сиянье славы и почета
Его видна мне седина.
Защитник детства и животных
Не затеряется в толпе,
Он обращается к тебе.
Среди ленивых, беззаботных—
Работник, весь в заботах он.
В его неповторимой стати
Слиянье мудреца, дитяти
И кукольника всех времен.*

*Ветер, воля, песня и раздолье.
Поле, снег, луна и облака...
Знаю русской тройки своеволие,
С Гоголем влетающей в века.*

*Свист! В пробежке этой неуемной
Я лирическую ширь ценю,
Песню дома во степи бездомной,
Сумрак и стремление к огню.*

*Тройка радости, размаха, гула...
Колокольцы— слушай и дыши.
Нет, не для купецкого разгула
Ты летишь— для праздника души.*

*Тройка, песнь, опущенные веки,
Удивленья вскинутая бровь.
Триединство кровное навеки:
Родина, поэзия, любовь.*

Я вышел к людям. Что скажу я им?
Они молчат. И я глухонемым
Кажусь им поначалу. Да, безмолвье
Разъединяет. Но короткий миг—
И чувствую: от них, от них, от них
Летят ко мне пучки незримых молний,
Охапки молний: «Расскажи о том,
Как ты живешь, чем ты живешь, и дальше
В свой малый дом и в наш огромный дом
Введи нас! Просто говори, без фальши,
И чем бесхитростнее, тем верней
И тем душевней, тем она нужнее,
Твоя строка, и чем она больней,
Тем и целебней. Мы пришли за нею.
Строка—твой голос, голос этих дней».
Я говорю. Слова идут по кругу.
Беседа длится. Мы нужны друг другу.

Высокая вода, казалось, дышит;
Побольше б воздуха в себя вобрать.
Она прислушивается и слышит,
Как своего ребенка слышит мать.
Весна близка, хотя в природе серость.
Вода округла, высока, желта.
Она легко с тяжелым небом спелась,
О чем вдали размытая черта
Свидетельствует неопровержимо.
Все так естественно слилось в одно—
И эти волны, эти клочья дыма
И солнца маслянистое пятно.

Как начинается песнь соловьиная?
Еще до того, как стать ей лавиной,
Птица пробует, не поет,—
Собирается в дальний полет,
Просто молчит, наливаясь гордостью,
Всей человеческой радостью-горестью,
Всей неизбывною тягой земной—
Зеленью, аlostью, голубизной,
Переполняется до обожания,
Песнь выливается без понукания,
Непринужденная—от полноты
Жизни, страстей, что не выразишь ты.
В эти глубокого смысла мгновения—
До упоения, самозабвения,
Жизнь за тебя говорит, вы вдвоем
Песню творите о чуде земном.

О цветах

Есть гневные, есть ярые цветы,
Самодовольные и грубияны.
Не лепестки вздымают, а персты,
Чтоб опустить персты в чужие раны.
Надменные, обидчивые есть,
Спесивые, исполненные лени.
Застенчивые—те, что ценят честь,
Ни перед кем не станут на колени.
Изысканность в изгибе цикламена.
Открытая эстрадность в алых каннах.
Им нужен зритель, полыханье сцен,
Мельканье бликов на телеэкранах.
Нет, это не издевка невзначай
И не насмешка над живой природой,
Но курслеп, ромашка, иван-чай
Мне ближе, и о них не скажешь одой.
Горчавки, незабудки—простота
Их отличает выгодно от прочих.
В той простоте мерцает красота,
Как звезды в небе на просторах ночи.

Довоенные мальчики, смельчаки, менестрели
Громогласно клялись, откровенно горели,
И вещали, что время их юность торопит,
И что им защищать эти камни Европы,
И спасать от эсэсовцев Гете с Бетховеном.
Довоенные мальчики жестом раскованным,
Кулаками стучали решительно по столу,
Трубадуры, предвестники, юнги, апостолы.
Я отчетливо вижу их добрые лица,
Собеседники, умницы, братья, инфлици.
Все успели они, одного не успели—
До победы дожить, но победе сумели
Свои жизни отдать они без сожаленья,
Довоенные мальчики, честь поколенья.

Наби ХАЗРИ

Арик

Я пришел сюда—когда-то,
И арик в цвету стоял,
И медовым ароматом
всю округу наполнял.
Зонтик, розовый, как утро,
над землею он раскрыл,
И готов подняться в небо—
не хватает только крыл!
Смотрят в мир цветы-глазены,
и горит, сияя, он,
Шепчет нежные признанья,
в жизнь, как юноша, влюблен.
И смотрел я изумленно,
как веселым майским днем
Он смешал огонь зеленый
с нежным розовым огнем.
Ветер гибкими руками
разметал его цветы,
Но они остались с нами,
словно детские мечты!
Покидал места родные—
помахал арик мне вслед,
И пути мои земные озарил
волшебный свет...
Мне судьба явила милость,
и арик горит светло,
Словно юность возвратилась,
словно детство ожило!
Я вернусь сюда однажды—
свет живительный испить,
Но, конечно,
этой жажды мне вовек не утолить.
Детской памятью хранимый,
драгоценность жизни всей,
Ты сияй, арик родимый,—
вечный свет души моей!

Моя земля

С чинарами края—Азербайджан,
В любви признаюсь я, Азербайджан:
Моя судьба с твоей слита от века,
Ты братства мир, ты счастье человека,
Ты родина моя, Азербайджан!

Со мной ты каждый миг, Азербайджан,
Ты юности родник, Азербайджан!
Ты ширь степная и волна морская.
Кура с Араксом тянутся, сверкая,
Как два крыла твоих, Азербайджан!

Тебя желанней нет, Азербайджан!
Живи, как солнца свет, Азербайджан!
Ты нежный звук задумчивого тара,
Ты мощное кипение Хазара,
Навек я твой поэт, Азербайджан!

Приходят...

Спускаются дни с высоты поднебесной,
На землю, что радостней будет, приходят,
А с ними на крыльях надежды чудесной
С великой мечтою о чуде приходят—
Какие красивые люди приходят!

Влюбленные в танце
проходят попарно,
Любви океаны в волненьях приходят.
Какие—вы знали б—красивые парни
Красавицам в их свиденьях приходят—
Какие красивые люди приходят!

Жизнь—это вершина,
всех выше и краше,
Но даже к вершинам туманы приходят...
Покуда мы с миром прощаемся нашим,
Горящих сердец караваны приходят—
Какие красивые люди приходят!

Весна и любовь
неразлучны навеки—
Так с радугой ливни цветные приходят...
Пускай же поет красота в человеке!
В наш мир времена золотые приходят—
Какие красивые люди приходят!

Перевел с азербайджанского
Александр ЛАВРИН.

Старый друг— новый враг

Глаза мои
пылают гневным пламенем,
Ты смотришь равнодушно—
что с того?
Тогда ты все
умел сказать молчанием,
Теперь и речь
не скажет ничего!
Мой каждый год
блестит морскою далью,
И каждый день мой,
как река, бурлит!
Твоя печаль
была моей печалью,
Твой смех меня
теперь не веселит!
Мир, возведенный дружбой,
непреложен
И памятью останется в сердцах,
А мир, на лжи воздвигнутый,
ничтожен
И вместе с ложью
превратится в прах!
Предательство—
великий разрушитель!
И жаль тебя мне,
что ни говори,
Но вижу я,
как червь-опустошитель
Съедает твою душу изнутри.
Подчас,
с врагом встречаясь непреклонным,
Я в чем-то
преклоняюсь перед ним.
Я верен до конца
друзьям достойным,
К друзьям предавшим
я неумолим!
Как прежде
дорогого сердцу звука
Теперь не слышу
в имени твоём.
Не понял ты меня,
когда был другом,—
Поймешь, быть может,
став моим врагом!..

Воспоминание

Звенел и плакал надо мной
Веселый месяц май,
И отблеск моря голубой
Напомнил мне Дунай.

И защемило сердце вдруг,
Как давней той весной,
Как будто вновь из нежных рук
Я взял цветок простой.

Как будто вновь в ее глаза
Гляжу—не нагляжусь,
И ничего сказать нельзя,
И счастья не стыжусь.

Ушла...
В руке моей алая
Ее цветок простой.
И я впервые пожалел,
Что я не холостой...

Перевел
с азербайджанского
Виктор КОРКИЯ.

XXVII съезд КПСС требует от нас...

ДОЛОГ ПУТЬ
ОТ ЗАДУМКИ
ДО ИСПЫТАТЕЛЬНОГО СТЕНДА.

Владислав ЯНЕЛИС

Утверждать, что машины пленили его воображение с детства, — значит грешить против истины. Был футбол, настольный теннис, было, наконец, увлечение рисованием, с которым родители связывали немалые надежды. И небезосновательно: у Александра превосходно шли и рисунок, и портрет, и живопись. Отец, художник-оформитель по профессии, нередко стоял за спиной сына, глядя, как тот рисует, но всегда удерживаясь от замечаний. Это очень важно иногда — не мешать.

Первую свою машину он нарисовал в 14 лет. Она была не похожа ни на одну из существующих. Потом нарисовал еще и еще, и все они отличались от первой. Тогда он не мог еще объяснить даже самому себе, чем его привлекали автомобили. Он просто давал волю мальчишеской фантазии, не скованной никакими рамками формул и расчетов. Это придет позже, когда груз познаний экономических, физических, механических законов вступит в противоречие с фантазией, заставит ее подчиняться жестким требованиям многочисленных аксиом.

После десятилетки Сорокин мог поступить в Строгановку, за плечами была, помимо общеобразовательной, художественная школа, преподаватели которой не сомневались, что из Саши выйдет отличный художник. У него были своя творческая манера, чувство пропорции, цвета, лаконизм. Но Сорокин поступил в автомеханический, уже тогда убежденный, что его призвание — это автомобильный дизайн.

Дальше было достаточно обычно: учеба, общественная работа, бессменное членство в бюро ВЛКСМ факультета, диплом. Все годы учебы он ставил себя в строжайшие дисциплинарные рамки: сначала обязательные институтские предметы, потом — рисование. Наброски, сделанные им в студенческий период,

ИМ СТАЛ В 33 ГОДА АЛЕКСАНДР СОРОКИН

Главный конст

**ГЛАВНОЕ СЛОВО —
ЗА ГЛАВНЫМ КОНСТРУКТОРОМ.**

пригодились позже. В каких-то элементах они несли в себе прообраз моделей, которые можно было рассматривать всерьез.

Итак, десять лет назад Александр Сорокин в числе других молодых инженеров, зачисленных на АЗЛК, пришел на прием к генеральному директору объединения Валентину Петровичу Коломникову. Этот порядок заведен издавна — генеральный находит время беседовать с каждым молодым специалистом, прежде чем тот приступит к работе. Войдя в кабинет Коломникова, Сорокин разложил на столе свои рисунки, в основном это были микроавтобусы, по которым Александр делал диплом.

Коломников взглянул на эскизы, которые приятно поразили его своей новизной, и подписал распоряжение о персональной «надбавке» в пять рублей к ежемесячному (110 рублей) окладу Сорокина. Это было все, чем генеральный мог на первых порах поощрить молодого инженера.

**СОВРЕМЕННЫЙ АВТОМОБИЛЬ
ДОЛЖЕН БЫТЬ БЕЗОПАСНЫМ.**

Фото Евгения СТЕЦКО

РУКТОР

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕРКИ
ОБНАДЕЖИВАЮТ

Спустя десять лет, в августе прошлого года, Сорокин, работавший до этого рядовым дизайнером в группе формы кузова, был назначен главным конструктором АЗЛК. Минуты многие промежуточные этапы, он возглавил, по сути, целый автомобильный конструкторский концерн, объединяющий десятки самостоятельных конструкторских бюро и лабораторий. В 1985 году ему исполнилось тридцать три года.

Кое-кто, прослышав о внезапном назначении, попытался было отыскать скрытые пружины, утверждая, что все это не просто так. Большинство же людей, знавших Сорокина, посчитало решение генерального директора мудрым и полезным для дела. Так оно и было, никакими другими интересами, кроме интересов дела, Коломников, выдвигая Сорокина на высокий пост, не руководствовался. Отстаивая свое решение в министерстве, Коломников говорил, что главным конструктором должен работать человек с воображением, не зажатый традиционными взглядами на автомобиль, чувствующий новое и умеющий это новое отстаивать. А опыт руководителя придет, если это умный человек.

Зато в художественно-конструкторском бюро откровенно пожалели об уходе Сорокина — бюро лишилось прекрасного рисовальщика. Дизайнера с большой буквы. Эскизы Сорокина по сию пору висят в рабочем зале художников, их демонстрируют, когда на завод приезжает кинохроника или коллеги из других фирм. Но что делать, приобретения часто стоят потерю.

Рассказывая о том, как человек работает, мы, как правило, ограничиваемся описанием внешних, видимых признаков его деятельности, а чаще — результатов. Объясняя самому себе взлет Сорокина, я наблюдал за тем, как он работает, как общается с людьми, говорит по телефону, принимает решения. Больше того, я беседовал с его коллегами, бывшими его руководителями, а ныне подчиненными. Мне хотелось понять стиль Сорокина, выведший его в лидеры. Понять, почему именно его отличала судьба и что несет в себе он, руководитель тридцати трех лет от роду, что скажет нового в кибернетически сложнейшем мире современного автомобиля со всем многообразием его взаимосвязей, острейшей конкуренцией и спецификой?

Итак, о внешних признаках. Десять лет, работая в группе формы кузова под руководством Марата Антоновича Елбаева, Сорокин создавал не только кузова. Сам Елбаев на АЗЛК с 1961 года, участвовал еще в работе над моделью «Москвича-408».

Елбаев рассказывает: — Когда я увидел рисунки Сорокина, то понял, что это дизайнер, как говорится, от бога. Александр мог бы с таким же успехом создавать ювелирные украшения, архитектурные комплексы или пароходы. Работал он всегда быстро. Его эскизы, которые он считал неудачными, потом растаскивали по комнатам. За ними охотились и вешали на стены вместо линогравюр. Почему? Дизайн — дело очень сложное. Можно уметь красиво рисовать железки или еще что-нибудь, и это все будет технически верно. Но безжизненно.

Сорокин рисует машины так, что они у него на ватмане словно едут, то есть в образе. Причем рисует сразу фломастерами, которые не подотрешь. Точно, ярко выделяя главную тему идеи — общий вид, передние крылья или скажем, бампер. Перспективная модель складывается постепенно — сначала мы рисуем, нарабатываем сотни эскизов, все более приближаясь к искомой идее. Сорокин же на этапе поиска всегда шел быстрее других — сказывалась еще и его инженерная подготовка.

Теперь вот о чем. Не в ущерб основному делу Александр часто отвлекался на другие вещи. Скажем, не ладилось у соседей с интерьером — Сорокин начинал заниматься интерьером. Он мог за вечер сделать изящный чисто автомобильный сувенир, блестяще оформить стенгазету, наградить кого-нибудь тонким шаржем и прочее. Я не мешал этому, понимая, что отвлечения Сорокина — на пользу нашим кузовам. Но это только тогда, когда он ощущал потребность разрядки. Работая над автомобилями, он отключался от всего.

О человеческих качествах. Самостоятелен. Независим. Критический, острый ум. Прежде чем выдать идею, он прорабатывает ее в себе. Тактичен и обязателен. Помню период, когда мы были поставлены в жесткие времен-

ные рамки, срочно сдавали очередную модель, кстати, первую с передним приводом. Все работали на пределе. Я не мог требовать от людей большего. У Сорокина двое детей, один из них тогда был совсем крошечный. Понятно, что его рук дома не хватает. Но он сам предложил остаться работать на ночь. А получилось несколько ночей подряд. Зато сдали модель в срок.

Только идеальный дизайнер способен сочинить максимальную по новизне идею с максимальными техническими возможностями промышленности. Дизайнер должен знать материаловедение, нормы безопасности, эргономику, архитектуру, мировую автомобильную конъюнктуру, механику, технологию и еще множество самых разных вещей. И все для того, чтобы уметь нарисовать машину, а потом сделать ее модель. Сначала в пластине, потом в металле. Правда, на этом этапе художнику помогают модельщики. И от дизайнера зависят не только контуры модели, но и ее внутренний интерьер, прочностные и скоростные характеристики, экономичность и прочее.

Год назад Сорокин был направлен в служебную командировку во Францию. Жил в небольшом городе Серизе, занимая скромную комнату в частном доме, работал над интерьером перспективной модели. Параллельно с Сорокиным эту же задачу решали дизайнеры французской автомобильной фирмы.

Позже в Серизе приехал и руководитель художественно-конструкторского бюро АЗЛК Игорь Андреевич Зайцев. Какой из двух наработанных вариантов интерьера (советский или созданный французскими дизайнерами) будет принят за основу в работе над перспективной моделью «Москвича», должен был решить генеральный директор. Уже тогда речь шла о модификации 2141.

Коломников остановился на сорокинском варианте, и не потому, что он был «наш», а потому, что обладал перед французским рядом преимуществ: экономичностью, простотой, высокой функциональностью. Кроме того, Сорокин подошел к делу реалистично, он старался не закладывать в интерьер машины детали и материалы, изготовление которых потребует технического перевооружения завода. И все-таки его интерьер, даже по признанию конкурентов, был исполнен на самом высоком уровне.

А спустя еще полгода Коломников вызвал к себе Сорокина и предложил занять должность главного конструктора АЗЛК. Времени на раздумье генеральный дал немного — до понедельника. Как водится в подобных случаях — обещал поддержку. В понедельник Александр Евгеньевич Сорокин пришел к генеральному и сказал, что принимает предложение.

— Я согласился потому, что объективно считал себя способным со временем возглавить дело, которое мне предлагали. (Это не самонадеянность, как может показаться кому-то, а реальная оценка собственных возможностей.) Наша экономика, промышленность, отрасль вступили в новую фазу развития, работать по-старому уже нельзя, а чтобы работать по-новому, надо отказаться от ряда порочных методов, от стереотипов в мышлении, от стиля, когда за все отвечают все, а конкретных виновников просчетов отыскать невозможно. Я знал, что у нас в заводском управлении конструкторских и экспериментальных работ немало людей, живущих за счет других, занимающих должности, но не исполняющих свои прямые обязанности. Чтобы работать в полную силу, надо было многое менять.

Во имя чего? Я объясню. Автомобилизация общества — процесс неизбежный. И машины мы должны делать с каждым годом все лучше и лучше не только из соображений национального престижа, но главным образом, потому, что хорошая машина — это дополнительный комфорт для людей, определенные удобства, широкие возможности организации свободного времени, это, наконец, своего рода деталь архитектуры. Мы можем делать хорошие машины, уже можем. Но для этого надо, чтобы все звенья промышленности, работающие на автомобиль, были прочно слаяны в одну цепь, чтобы каждый руководитель, от которого зависит поставка необходимых деталей, думал бы о том, как их сделать лучше, а не легче. Чтобы этап согласований, утрясок, испытаний новых моделей не был растянут на долгие годы. Но за всем этим стоят люди.

Одни из них думают, другие работают по сложившимся схемам. Причем порочным. И не только у нас на АЗЛК.

Недавно получил бумагу из нашего министерства. Велено разработать и представить план технического перевооружения управления до 2005 года. Срок исполнения — 6 дней. Неужели те, кто рассылает подобные документы, всерьез рассчитывают на исчерпывающий ответ?! Ведь такой план требует месяцев и месяцев вдумчивой работы, в противном случае он окажется фикцией.

...Главный конструктор. Приличный оклад. Помощник, секретарь, персональная машина, шесть заместителей. Те, кто недавно просил его занять очередь в бундете, сегодня ждут в приемной, чтобы переговорить с ним 3—5 минут. Но есть другая сторона медали: персональная ответственность за сроки конструкторских разработок, бесконечные переговоры с поставщиками, со смежниками, совещания в министерстве, у генерального, у главного инженера плюс совещания с аппаратом управления, по новой технике, по организации соревнований... Лавина бумаг, исполнение которых не терпит отлагательств. Прием по личным вопросам... Квартирные проблемы. Неприятные объяснения с людьми, которые ищут его протекции.

Когда он чувствует, что может не сдержаться, рука непроизвольно начинает вычерчивать фломастером замысловатые фигуры. Впервые я это заметил, когда он решал серьезнейшую проблему со своим первым замом Курташовым. Вошел руководитель одного из КБ. Прервав разговор, объявил, что поставлен в безвыходное положение: от него требуют послать завтра человека на общезаводскую стройку. А у него все при деле, словом, он не может «оголить КБ».

— Чем я могу помочь? — спросил Сорокин.

— Избавьте мое КБ от разрядки. — потребовал руководитель.

— Но в других бюро такая же ситуация, разрядка касается всех и утверждена партбюро.

— Это не ответ...

Тогда-то я и заметил эту его привычку — рисовать. В конце концов проблему решили путем компромисса. Позже я спросил, почему он пошел на уступку, ведь несправедливость требования руководителя КБ была очевидна.

— От этого КБ сейчас зависит многое. Займи я жесткую позицию в этом в общем-то мелком вопросе, могло пострадать большое дело. А я обязан думать о главном, пусть даже в ущерб собственным амбициям.

Думать о главном. Однажды я позвонил ему и попросил принять меня.

— Не могу, к сожалению. Еду вместе с заместителем генерального по кадрам в МВТУ имени Баумана. Предстоит очень серьезный разговор с проректором.

Интересуюсь, какой.

— На кафедре систем автоматического управления есть трое ребят, которые нужны нам позарез. Они хотят работать у нас, но на кафедре препятствуют их уходу, мотивируя тем, что они молодые специалисты и составляют костяк группы, обслуживающей ЭВМ.

— Но, может быть, действительно без них там не обойдутся?

— Хочу разобраться на месте. Через месяц я разыскал тех троих уже на АЗЛК. Им временно выделили часть помещения в лаборатории электрооборудования.

Разговорился со старшим группы Виталием Абрамовым.

— Работая с вычислительной аппаратурой, мы по-любительски занимались в свободное время автомобильной электроникой, системами контроля, микропроцессорами. Нарбатывали идеи, которые реализовать у себя на кафедре не могли. Настал момент кризиса — мы почувствовали себя свободными работниками над созданием комплексной системы автомобильной электроники. И сами пришли на АЗЛК. Завод как раз искал специалистов этого профиля. В лице Сорокина мы встретили человека, который хорошо понимает необходимость как можно быстрее начать разработки в этом направлении. Он буквально выцарапал нас с кафедры, создал максимально приемлемые условия, наделив статусом самостоятельной группы, взял нашу работу под личный контроль. Мы почувствовали, что у нас будто крылья выросли.

Потом я беседовал об этом с Сорокиным.

— Мы нуждались в электронщиках в еще большей степени, чем они в нас. Поставь они

перед нами условие — доставлять их на работу вертолетом, мы вынуждены были бы расстраивать его всерьез.

Электроника — не мода и не прихоть, это уже сегодняшний день автомобилестроения. И мы в этом здорово отстали. Теперь мало, чтобы машина просто ехала, она должна ехать с максимальной скоростью при минимально малом расходе топлива. Решая проблему электронного управления двигателем и силовой передачей, насыщения автомобиля системой приборов, контролирующих состав топливно-воздушной смеси, мы решаем проблему экономии топливных ресурсов — задачу, вынесенную XXVIII съездом КПСС в разряд первоочередных. Надежная система электронного контроля за агрегатами значительно повышает работоспособность водителя и живучесть самого автомобиля. А это — огромные экономические резервы. Речь идет о миллиардах рублей. Микроконтроллер, а в будущем — электронный синтезатор подсказывает необходимость замены износившейся детали, предупредит о состоянии дороги, наличии топлива и прочем. Но все это — дела завтрашнего дня, сегодня же нам нужна простая базовая электронная система. Надо с чего-то начать...

Один из дней я провел рядом с Сорокиным «от звонка до звонка». Это был самый обычный день. Он складывался из переговоров с химиками по поводу пластмассы для панели приборов перспективной модели, из трех деловых, результативных и одного бессмысленного (к счастью, незатяжного) разговора с конструкторами и технологами, двух совещаний. Один он в тот день практически не находился. Переключался с двигателя на интерьер, с интерьера на кадровые проблемы, потом на трансмиссию, с нее на обивочный материал для сидений. Но в одном разговоре было что-то особенное, не пахнувшее текушкой.

Сорокин тихо (он всегда говорит вполголоса) и очень спокойно поинтересовался у собеседника, какие у его группы есть наработанные перспективные идеи. Тот задумался, потом пожал плечами.

— Нет, перспективного ничего нет. Все уходит с колес.

— Это плохо. Мы обязаны иметь резерв идей, жить с опережением времени.

— У вас есть ко мне претензии по конкретному вопросу?

— Да. Перспектива — это очень конкретно. Я прошу вас подумать. Через месяц мы вернемся к этому разговору.

Потом он объяснил, что считает обязательным наличие в каждой творческой группе своеобразного «банка идей».

— Без этого невозможно ускорение. Сегодня идея — завтра реальное изделие. У нас должен быть двойной, тройной запас идей, чтобы иметь возможность выбора.

Справка. Управление конструкторских и экспериментальных работ АЗЛК перешло на новую систему материального стимулирования. Оплата труда исследователей и конструкторов напрямую зависит от качества их работы и сроков сдачи проектов и разработок. С введением новой системы материального поощрения стали очевидными слабости некоторых конструкторских звеньев, конкретная роль каждого человека в общем творческом процессе.

...У него в кабинете два стола — большой и маленький. За большим, заваленным деловыми письмами, графиками, справками, он работает с утра до восьми вечера. Это стол главного конструктора. За маленьким, относительно свободным — все оставшееся время. Это стол инженера и художника Сорокина. За ним он рисует, рассчитывает, думает.

В девять вечера он позвонит домой и скажет жене, что уже едет. Чтобы не волновалась. Но это не значит, что тот маленький столбик его сразу отпустит — есть масса мелочей, которые он должен решить лично для себя. К его личным проблемам относится и то, что Сорокин теряет друзей. У него совсем не остается времени общаться с ними. Даже говоря по телефону, он смотрит на часы. Это объективный фактор: дружба подразумевает общение. Но бескровных приобретений не бывает.

Валерий ГАВРИЛИН,
композитор,
народный артист РСФСР

Высокое и чистое звучание

Фотография 41-го года. Город Бирск. Трое музыкантов муззвода. На переднем плане — высокий, худощавый молодой человек в очках, в шинели почти до пят, тяжелых кирзовых сапогах и пилотке. В его руках большой полковой барабан. Лицо строгое, даже суровое...

Георгий Свиридов.

Давно миновал тот первый военный год, одно лихолетье сменялось другим, мир пришел на смену войне, и был тот мир беспокойным для всех и для каждого. Горе и радости, разочарования и победы, сомнения и уверенность, болезни духа и здоровье обновления вихревыми клубами пеленали человеческие судьбы и характеры, и из пелены этой, как из коконов, нарождались в мир личности сильные, волевые, упрямые, надежные и верные. Возмужали и вошли в цвет новые Микулы Селяниновичи — Мальцев, Орловский, Старовойтов. Новый могучий Боян пел свои вещице песни — Твардовский. Расправил крылья и взлетел Астафьев. На ниве музыки трудился новый, доселе не слышанный оратай — Георгий Свиридов.

Новая музыка. Мир звуков. По обычаю мы называем его прекрасным. А он, как самая настоящая нива, разный. Ухоженный и засоренный, заброшенный или плодоносный, истощенный или удобренный. И растет всякое: и нужный для жизни человека злак, и объедающий его сорняк, и большое, и здоровое, и тихий, безропотный труженик дождевой червь, и коварная тля с разбойником паутиным клещом, сводящими на нет честное и тяжелое дело рук человеческих. А если и удастся собрать богатый урожай — судьба его часто печальна и трагична. Многое не доходит до потребителя и истлевает.

На ниве жизни, как на ниве сельской, по меткому замечанию Терентия Мальцева, идет вечный бой доброго и злого, нравственного и безнравственного, совестьливого и бессовестного.

То же и на ниве музыки, которая есть, собственно, одно из полей сражения духовного с бездуховным, сражение двух начал — животного и разумного, эгоистического и братского. И если будет отвоевана от всяческой напасти, выращена и употреблена в правильное дело музыка, не заглушающая голоса совести, не отвлекающая от сострадательных явлений сердца, не засоряющая духовное зрение, которое (по Л. Толстому) у всякого человека нацелено по направлению от зла к добру (как стрелка компаса с юга на север), и если не будет она сбивать с этого направления, — сражение будет выиграно.

Б. Шергин разделил людей по отношению их к искусству на три категории: первые — совсем простые, вторые — принимающие все без разбору (пустые души), третьи, для которых искусство — внешний возбудитель. А главное в человеке — внутренний мир, когда человеку не страшно остаться наедине с собою, ибо внутренний мир человека — это мир, отпочковавшийся от природы, от всей окружающей человека жизни во всей ее бесконечности и многообразии, и человек с внутренним миром всегда преисполнен действием, ибо он невидимо растет, напитываясь соками жизни, даже покой его динами-

чен, даже тишина для него — один из лучших гимнов жизни.

Юноша с большим барабаном, в шинели почти до пят смотрит с фотографии, сделанной в Бирске в далеком 41-м году. Правая рука с барабанной палочкой отведена далеко в сторону. Тишина. Удара нет.

Отгремят четыре года страшных боев во имя спасения человечества от коричнево-черной чумы, заразившей фашистским духом миллионы обывателей. В обывателе всегда две сущности, раб и властелин живут в нем одновременно, и власть над ним лишь одна — эгоизм, сугубая целесообразность. Это люди без света в душе, без внутреннего мира, с ослепшей совестью, ибо, как говорил Ш. Фурье, целесообразность, несогласная с природой, превращается в свою противоположность. Согласие же с природой состоит в любви к земле. Родине, почитании мудрости старших, сотворении пользы сегодняшней не в ущерб

пользе грядущего, в памяти о достойно отошедших жизнях, в осознании родства с ними.

Юноша с барабаном держит руку с палочкой на отлете. Удара нет. Это фотография. Но фотография кончится, и начнется жизнь.

Грянет гром свиридовской музыки, и зазвучит его сияющая, ослепительная тишина. Он вошел в музыкальное искусство с могучим, узнаваемым голосом, подобно мудрецу и философу, знающий высшие законы добра, знающий великие наставления величайших учителей человечества, познавший внутреннюю суть людей, и пустыри заброшенных человеческих душ. Пришел как друг, брат, наставник, как живая память того доброго, вечного, что сохранила память его крови.

Нравственное положение художника — это миссия «временно командированного» с целью утверждения духовно-

го начала в людях, утверждения закона братства между людьми, братского с единения с природой, изгнания потребительского, иждивенческого, порой изверского к ней отношения ради личного комфорта, этого родственника лени телесной и сердечной, и — как следствие — лени нравственной; ради дорогого и ничемного времяпрепровождения; ради власти, пусть маленькой, пусть такой, какая дается обладателю бриллиантовых серег перед тем, кто имеет яхонтовые. Убийство природы с целью дразнить людей красотами и благами, которые не являются жизненной необходимостью ни для тела, ни для души, есть убийство совести, которое разносит по миру самую страшную бактерию — войны между людьми. Свиридов, как истинный ученик и последователь великих соотечественников, воспринял их представление о роли художника в мире, принял на себя их тревогу.

Но поскольку истина всегда всесветна, интернациональна, то и заветы великих людей всех времен и народов оказались ему близкими и дорогими и были приняты им как руководство к действию. И рамусовское — не употреблять искусства красноречия во имя лжи, и Лао-Цзы — не делать того, последствия чего не ясны, и платоновское — не подражать, ибо подражание меняет и голос, и самый дух, — все это и многое другое корректировало его работу, когда возводил Свиридов свою боевую башню в крепости отечественного искусства. Его музыка именно боевая. Он знал, как много нужно, чтобы выстоять в схватке за торжество духовного над животным в человеке, как тяжела работа выталкивания из человека раба — по капле, как говорил Чехов, знал, как тяжело выстоять и укрепиться в самом мире музыки, где так много несовершенного, суверенного, затемненного, где так много подражаний истинной страсти вместо самой страсти, где трудится немало холодных душ, одержимых (по Стендалю) злополучным намерением принести пользу искусству, где некоторые таланты забыли, что для публики настанет истинная радость лишь тогда, когда им, талантам, наскучит блистать (Стендаль), где так много сочинений и беспричинно умных, наполненных беспредметно накопившимся в груди авторов огнем, попевками и гармониями, родившимися не в сердце и даже не в голове, где-то в совершенно противоположных местах.

Немало ледяной, мудреной музыки, как будто она написана последователями Кая, чье сердце было заморожено поцелуем Снежной королевы. Это богатые, блистательные чертоги, где из звукового льда пытаются сложить символ вечности, но дело это бесперспективное — подобное творчество не выдерживает встречи с теплом слушательской души, — оно обращается в воду, теряет всякие очертания и смысл. Оно может существовать только закрыто и потому бесцельно. Немало талантов поддельных, искусственных.

Истинный «талант учит чести» (Б. Пастернак), воспитывает в художнике чувство чести. В действительности талантами порой называют хватких приспосабливцев, смекнувших, как удержаться на поверхности. Истинный талант в та-

ком положении либо гибнет (тот, что послабее), либо выбирается на чистое, здоровое место (тот, что сильнее). Талант Свиридова и истинен, и могуч. И он научил его высокой чести, чести, равной и для Свиридова-художника, и для Свиридова-гражданина. Он пришел в музыку не как раб искусства, но как строитель, с достоинством и ответственностью за дело, для которого он «временно командирован», и время это растянулось на всю его жизнь. Пришел не как фанатик, одержимый, одурманенный профессией, а как человек, умеющий найти ей нужное место, определить, где, какая, когда и кому нужна именно звуковая материя в помощь и поддержку зреющему или неокрепшему добродушному движению. В труде и поисках этих он беспощаден к себе, его талант управляет его честью, честь управляет талантом, как самое твердое правило управляет руками строителя, желающего добиться безупречной кладки.

Н. Лесков писал: «Искусство — это то же монашество: оставь человек отца и мать, бери свой крест служения и иди на жертву, а то ничего не будет. Художнику надо вечно хранить в себе святое недовольство собою, а это мука».

Юноша в шинели, замерший перед ударом в висящий на плече большой барабан, был готов к этой муке, к жертвенности и к опасности быть непонятым. И прежде всего потому, что хотел сделать музыку глубоких, чистых и добрых чувств понятной. Предстояло разбить предрассудок, живущий в среде музыкантов, что настоящая музыка лишь для избранных, забывая о другой музыке, тоже настоящей, но которая во все времена и у всех народов была понятна и дорога всем — о музыке народной и о музыке культовой, музыке, выражающей общие для всех людей чувства и тем самым роднящей их.

Стало быть, если музыка непонятна, непонятно ее состояние, а непонятно потому, что не находит отклика в душевном и духовном опыте людей, не находит отзвука в их сознании. Часто мешает излишнее украшательство, интересное само по себе, но не раскрывающее никакой тайны, ни самобытности характера, а отвечающее лишь преходящим, временным, сменяющимся представлениям об изящном и прекрасном, распространенным в том или ином клане общества. Это своего рода «уснащения», так хорошо высмеянные Гоголем в рассказе почтмейстера о капитане Копейкине. Гоголем же высмеяна и «высокоученая» манера переделывать речь на «юс».

Много таких «юсов» и в музыке, и выдаются они за знак принадлежности к общемировой культуре, хотя на деле тормозят ее развитие.

Музыка братства — вот задача жизни Свиридова. И для решения ее он ищет ключ в опыте великих композиторов прошлого и в опыте своих современников, зарубежных и отечественных, что-то принимает, что-то отвергает, сопоставляет свои и чужие находки и промахи, находит свое решение, выходит на свой, никем еще не торенный путь, но целиком лежащий в русле великих гуманистических традиций мирового искусства.

Дерзость Свиридова поразила музыкальный мир, как потом поразила всех его стойкость на избранном пути. Творя в эпоху, когда царицей музыки была повенчана симфония, Свиридов, блестяще владея техникой симфонического разработанного письма (Шостакович писал о нем: «врожденный симфонист»), почти полностью от него отказался. Нормой высказывания он избрал исключительно мелодию, причем не просто мелодию, а мелодию точную и емкую, как красиво составленная математическая формула, занимающая в написании меньше строки, а расшифровка которой иногда едва умещается в целый том. Свиридовские звучащие формулы духовности расшифровываются мгновенно в аппарате души слушателя, и разрастаются до размеров глобальных, и делают свое спасительное дело.

ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ.

Состав свиридовской речи сложен. На ее склад повлияли и благороднейшие начала российского древнего общинного, братского музицирования, и эстетические традиции многих поколений трудового люда деревни и города, и сложный букет чужезычной музыки, прижившейся в России и ставшей уже постепенно родной, и, конечно, извечная, всенародная любовь к главному музыкальному инструменту всех времен и народов — человеческому голосу, как к единичному, так и в олимпийском его виде — к хору. Хоровое пение — самый точный барометр погоды внутри общества. Во все моменты истории, когда общественное настроение устремлялось к лучшему — расцветало хоровое искусство. Хоровое пение было искусством первых христиан — могильщиков римского рабства. Хоровая многоголосица молодой буржуазии пришла на смену одноголосию труверов и миннезингеров — певцов отмирающего рыцарства. Народные освободительные дви-

жения, революция, восстания — это каждый раз новое хоровое искусство: гуситы в Чехии, коммунары Парижа, коммунисты красного Питера жили, боролись и погибли с братской хоровой песней на устах.

В наше тревожное время, когда мысли всего человечества нацелены на одно: спасение мира, спасение жизни, спасение природы, — расцвело грандиозное хоровое творчество Г. Свиридова. Оно грандиозно и по темам, и по широте охвата главнейших явлений века, и по величавой простоте высказывания.

Он поет о революции, о Ленине, он слагает гимны Родине, ее полям, просторам, облакам, ее людям — дедам, отцам, матерям, детям.

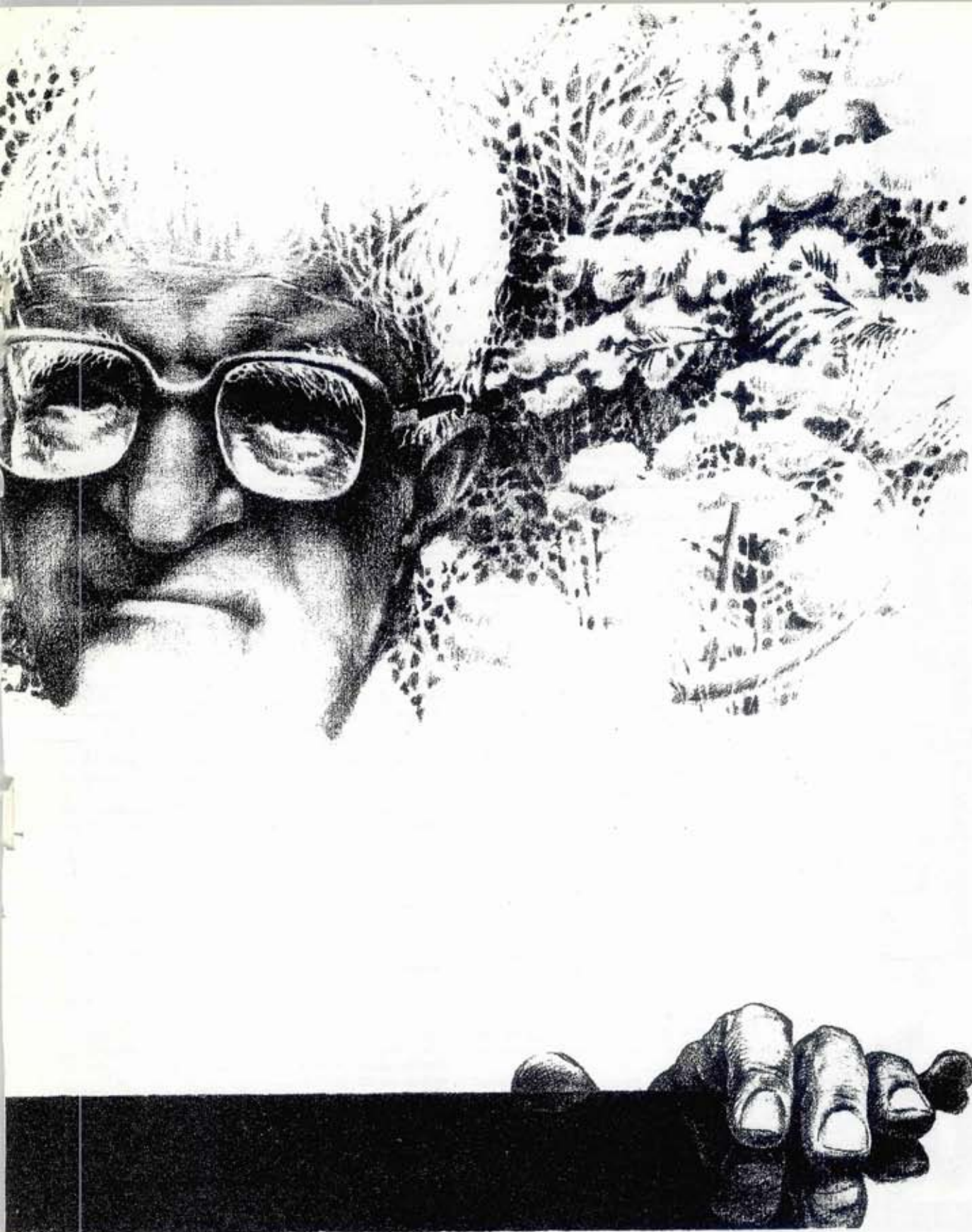
Он дарит изумительный звуковой венок поэзии великого Пушкина и показывает нам его поэзию еще более полной, ясной, еще более прекрасной и живой.

Собственно, он одел в такие венки почти всю русскую поэзию, и благодаря именно ему обрели новую жизнь в музы-

ке и Лермонтов, и Некрасов, и Блок, и Хлебников, и Пастернак, и даже поэт, до него никому не дававшийся — Вл. Маяковский. Причем «Патетическая оратория», сочиненная на стихи Маяковского, стала одним из самых популярных сочинений нашего времени и, что самое поразительное, несмотря на огромные размеры и сложность, — самым массовым по числу и составу исполнителей и самым массовым по числу слушателей: оратория вышла на улицы и площади городов, и поистине сделалась сочинением «тысячи участников».

Так прогремел один из ударов, сделанный молодым музыкантом с фотографии, снятой в городе Бирске.

Изменивший Родине — изменщик всему человечеству, убивающий природу — убивец самого себя. Память сердца сильна в Свиридове. Она заставляет его снова и снова неустанно говорить об одном и том же — о смысле жизни, о месте человека под солнцем, о красоте природы и о слиянности человека с ней.

Художник Юрий СЕЛИВЕРСТОВ

В его руках уже не барабан — колокол, извечный вестник и невзгод народных, и радостей, один звук которого способен вернуть, напомнить, оживить давно ушедшее. Распадаясь на тысячи обертонов, он, кажется, осыпает ими все что ни есть сущего на земле, разлетается по поднебесью, золотыми каплями плывет в ручьях, реках и океанах, напитывает землю с ее соками, поднимается во все растущее и рождающееся от земли и кормящееся ее дарами.

Музыка Свиридова вся в звонах. Одной колокольно задуманной нотой он в состоянии всколыхнуть в человеке то, что другому не под силу добиться двумя сотнями густо усеянных нотными знаками страниц. Эта скупая свиридовская щедрость — от народной культуры. Речь его незатейлива и волнующа, как пение соловья. Это не тот, чудо техники, механический соловей из сказки Андерсена, а дитя природы и обыкновенный, не заводной, а живой соловей. Птица весны, любви, пробуждения. Но вместе

с тем Свиридов — певец для умудренных или стремящихся к познанию зрелых радостей, непреходящих ценностей, красот всего круга человеческого века, не только весенней поры цветения, но и поры летнего роста, и осеннего созревания и подношения, и зимнего сна — навеки или до будущей весны. Подобно Пушкину, Свиридов «приемлет жизнь» и здраво умеет отделить зерно от плевел и в негодовании на несовершенство мира не призывает на него все кары небесные. Он знает, что зло не вытравить злом, и, воспевая доброе в мире, увеличивает силу добра, которое одно способно источить все злое, подобно тому, как вода способна источить камень.

Гений Свиридова мужествен. Он любит свой народ и поет о нем и для него. Это не салонное мужиколобие, не специально изобретенный народно-музыкальный язык, приданный только для научных анализов в специальных музических изданиях (как есть специально мате-

матический, медицинский, газетный языки, ни на что более не годные), это и не повседневная общедоступная песня.

Это нечто новое, основанное на глубинном проникновении в тайное тайных народного музыкально-поэтического мышления и осознания нравственных критериев народной культуры в высших ее проявлениях. Отсюда и подлинно народный склад творчества Свиридова: в нем нет ничего от пресловутой «самости», так привившейся в среде деятелей искусства, нет «ячества», нет стремления поразить звуковым риторством, краснобайством, нет роскошных путешествий к цитатам, к книжно-нотному знанию (в музыке это называется полипластикой). Оно есть, это знание, причем огромное и глубокое знание мировой музыки, но оно синтезируется в короткую, как озарение, программу, которая дешифруется уже слушателями — так она ярка и прозрачна при всей своей глубине. Свиридов опускает, не

выносит слушателям сам процесс рождения образа мысли, как это делают традиционные симфонисты, он показывает только результат.

Свиридовское немногословие сродни скупому убранству крестьянского дома, сродни той суровости, с которой труженик отбирает для себя у природы только нужное, необходимое для тела, для дела и для души.

Был в каждой русской избе красный угол, украшенный рушниками с замысловатым узорочьем. Мы все еще плохо знаем тайны русской орнаментики, деревянного и плетеного узорочья. Многие знания заключено в них, многие сведения, быть может, не меньшие, чем в астро-математическом устройстве египетских пирамид. Когда же любишь графически отточенными линиями свиридовских мелодий, кажется, что посредством своей музыки он познал и передает нам для сохранения в памяти смысл символов русского узора, иначе просто не определить природу происхождения целого ряда его картин-образов, например, ошеломляюще, колдовски прекрасной части «Колокола и рожки» из его «Весенней кантаты», посвященной памяти А. Твардовского.

По русской философской традиции Свиридов отождествляет красоту с добром. У маленького Ф. Достоевского была любовь: маленькая, хрупкая, почти прозрачная девочка, чья девятилетняя жизнь была оборвана жутко и грязно. Достоевский запомнил ее на всю жизнь как первую наставницу в том, как надо смотреть на мир. «Посмотри, какой красивый, какой добрый цветок!» — говорила она. О чем бы ни сочинял музыку Свиридов, девизом своего отношения к миру он мог бы повторить эти слова: «Посмотрите, какой красивый, какой добрый... Но и грозный. Печален и строг лик многих его творений. Но и в них, как, например, в потрясающей по силе воздействия кантате «Светлый гость» (на слова Есенина), ощущение тревоги, нравственных тягот воспринимается как откровение.

Пессимизм чужд мировоззрению Свиридова. С этой точки зрения любопытно обратить внимание на один из элементов-символов его музыки, воспринятый композитором от почитаемого им Мусоргского. Это знаменитая попевка-стон из пения Юродивого («Борис Годунов»). В одной из самых грустных песен цикла «Отчалившая Русь» («Посенному»), где герой — поэт прощается с молодостью, с силой, красотой, с песенной порой своей жизни, ожидает увядания и ухода на вечный покой, — это попевка-стон сопровождает всю речь поэта. Но в самом трагичном месте, когда уходящий поэт восклицает: «Новый с поля придет поэт!» — музыка вдруг взлетает широко, могуче, празднично, слезы, стон на мгновение останавливаются, потому что это мгновение великое — торжественное приветствие поэтом своего грядущего преемника, нового времени, новых песен, короткий приветный салют продолжению жизни.

Есть у Свиридова в сюите «Время, вперед!» часть под названием «Маленький фокстрот». Это видение прекрасного мира, почти сказочного, подобного тем, что умели увидеть Т. Мор в своей «Утопии» или Кампанелла в «Городе Солнца», — мир красоты, мудрости, гордых, сильных и молодых людей. И посреди этого лучистого мира звучит музыка от древнего московского старца, оживленная гением далекого Мусоргского, но она уже не будоражит, не стонет, не плачет: она звучит, как нежная, убаюкивающая песня, как ласка близкого человека.

Так развивает Свиридов отечественную музыкальную традицию, доводя ее до слияния с высочайшими, гуманистическими традициями общемировой мысли. Многие его творения по форме своей — фрески, и по глубине и широте философского охвата сродни творениям величайших мастеров Возрождения. Микеланджеловская мощь и размах слышатся в увертюре-фреске «Время,

РАЗВОДИТСЯ

вперед!». Музыка эта давно стала символом нашей действительности, но она столь исторична, столь диалектична по сути своей, что свободно может быть выведена как из глубины времен, так и из современности и точно так же устремлена в будущее. Ветер времени... Бег его неуловим, грозен и яростен. Вечный бой, без остановки, без покоя, отчаянный натиск сменяется торжеством победы, новый штурм, новая победа, и так без конца. Музыка увертюры не кончается, автор просто прекращает ее, потому что нет и не может быть конца движению истории, где героические судьбы строителей нашей советской жизни сливаются с героическими судьбами Т. Мора, П. Рамуса, Т. Кампанеллы, декабристов, гуситов, коммунаров, народовольцев, большевиков-ленинцев, сливаются в едином устремлении — вперед!

Свой народ Свиридов рассматривает как одну из многочисленных семей мирового поселения. Как все настоящие люди, он хочет, чтобы все семьи планеты жили в мире, добром согласии и помогали бы друг другу. Как художник, художник-интернационалист, он разрабатывает отечественные духовные богатства и вносит их весомым вкладом в сокровищницу общечеловеческого богатства. Прикасаясь же к духовному достоянию других народов, он обогащает культуру родного народа, сближая ее с культурой всего человечества. Здесь его заслуги трудно переоценить: созданные им музыкальные прочтения поэзии шотландца Р. Бернса, армянина А. Исаакяна по значению своему для русской музыки можно сравнить с тем значением, какое имели для русской литературы переводы Гомера, выполненные В. Жуковским, а для украинской — Вергилиева «Энеида», переложенная И. Котляревским.

Свиридов один из самых, а может быть, самый многообещающий композитор из всех современных русских мастеров академической школы. Он прекрасно знает природу и секреты человеческого голоса, его мелодии удобны для исполнения, в них всегда есть простор, где артист может проявить собственную инициативу и не чувствовать себя в тисках сугубой композиторской воли. Но блеснуть в его музыке трудно, почти невозможно. Она не терпит ничего наружного, внешнего, она требует от артиста единения с композитором, осознания того, что сущность свиридовской музыки не в том, чтобы отвлекать, ослеплять, а в том, чтобы будить, просветлять.

И слава композитора — мировая, всенародная, но не шумная, как нет шумной, крикливой славы у всего, без чего человек жить не может: у хлеба, у воды, у воздуха. Мы их не замечаем, иногда даже забываем об их существовании. Мы не говорим о хлебе, воде, воздухе потому, что все это есть. А говорим, и громко говорим, когда перестает хватать или исчезает вовсе. Это значит, пришла беда.

Свиридов — художник-труженик, боец на сторожевом посту, то звоном колокола, то громом барабана будящий в людях тревогу, зовущий к бдительности перед опасностью черноты, грозящей миру, и охраняющий веру в грядущее светлое будущее, сливающее с природой человека. Сын русского народа, сын ее истории, дитя памяти народной, он стал воплощенной памятью, прозревающей будущее и сохраняющей свет минувших времен для времени сегодняшнего. Чтобы стало еще светлее, еще виднее. Это чудо, новоявление, но для быстро ко всему привыкающих современников оно стало уже привычным. И появившись сейчас вдруг какой-нибудь пришелец и спроси он: «Откуда сие?» — в ответ услышал бы, вероятно: «Да оно всегда было!» И, наверное, был бы прав: Свиридов был всегда, он выросал и шел через века и поколения к нам, в двадцатый век, впитывая в себя все, чем живы были люди, выделившие его из себя как вестника братства и единения всех живых и ушедших.

Письма о странностях любви и парадоксах семейной жизни. Письма-откровения, письма-размышления. В нашей почте они занимают особое место. И отношение к ним особое — бережное, понимающее, сочувственное...

Среди таких писем и это — от молодого инженера из Ленинграда, назвавшегося Александром Новгородцевым. Автор не скрывает, что подпился вымышленной фамилией — «так проще исповедоваться». Действительно, его письмо подкупает безыскусной искренностью. Но главное, молодой человек не просто, как говорится, хочет «облегчить душу», он пытается самостоятельно разобраться в сложных житейских вопросах, обращается за помощью к юристу, психологу...

Не далее как год назад я развелся с женой. Прошло достаточно времени, чтобы страсти и волнения малость улеглись, а обиды забылись. Теперь можно трезво осмыслить ситуацию, воспринимая ее как данность. Изменить уже, наверное, ничего нельзя: моя бывшая супруга собирается снова замуж. И я тоже не хочу оставаться холостяком на всю жизнь, у меня появилась подруга — славный человек...

Казалось бы, о чем тут рассуждать! Своей личной жизнью в настоящий момент мы оба довольны, особенно бывшая супруга. И все же, и все же...

Целый год по ночам я слышу, как меня зовет сын. Открываю глаза, вскакиваю с постели и тут вспоминаю, что его уже нет рядом. Илюшка остался с матерью, и теперь его будут учить называть папой чужого дядю. «А что, у меня теперь будут два папы — папа Саша и папа Андрюша?» «Нет, мой мальчик, у тебя теперь только папа Андрюша...»

Больно? Еще как! Мысли о сыне не дают мне покоя, я чувствую, что без него не смогу быть по-настоящему счастливым. А что делать? Жаловаться на то, что мне не дают видиться с Ильей? Или пугать, как некоторые, бывшую супругу грядущим сыновним «возмездием»? «Саша, — убеждает меня жена, — не нужно мучить мальчишку, он и так у нас очень нервный. Я думаю, что лучше пока тебе не приезжать, разве что на его день рождения». «Но ведь потом он мне этого не простит!» — говорю я. «Потом будет видно, а сейчас не надо. Во имя его же блага, понимаешь?»

Очень хотел бы понять, но... Все чаще ловлю себя на мысли, что ради сына мне не стоило решаться на развод, хотя с его матерью мы жили последние два года очень нескладно, отчужденно, постоянно обижая друг друга.

Нет, о прожитых с Верой годах я не жалею. Немало было хорошего, иногда я просто чувствовал себя счастливым человеком. Теперь даже трудно вспомнить, когда начался разлад, в чем его причины. То ли потому, что я много времени отдавал любимой работе, часто ездил в командировки... То ли потому, что нам пришлось жить с ее родителями — людьми неплохими, но очень уж остро реагирующими даже на самый пустячный конфликт. А может, дело совсем в другом?..

Сам не знаю, почему, но я решил пойти к судье, который нас развел. Его фамилия мне запомнилась на всю жизнь: Ястребцов.

За редким исключением посторонних в зале, где слушается дело о расторжении брака, не бывает: судья, народные заседатели и секретарь. И эти двое, Он и Она — истец и ответчик. Пока еще муж и жена...

Судья. Гражданка Нечаева, значит, вы все-таки настаиваете на разводе?

Она. Да, я твердо решила: вместе нам не жить.

— А что вы скажете, гражданин Нечаев?

Он. Наверно, Светлана права. Жизнь и так слишком коротка, чтобы терпеть рядом с собой нелюбящего человека.

— Нелюбящего? Значит, сами вы еще любите свою жену? — спрашивает судья, внимательно наблюдая за выражением лица ответчика — молодого, внешне интересного парня.

Тот несколько замялся, пожал плечами, бросая взгляд на супругу.

Она. Да, мы уже выяснили, что разлюбили друг друга, стали чужими... Поэтому я прошу поскорее нас развести!

— И все-таки я хочу услышать ваш ответ, гражданин Нечаев. Вы хотите сохранить семью? Не спешите, подумайте хорошенько.

Народный судья Петр Николаевич Ястребцов, осанистый мужчина с преждевременной густой седой в волосах, чем-то неуловимо похож на апостола Петра с картины Эль Греко, хранящейся в Эрмитаже, — такие же проникновенные, полные чувства и мысли глаза...

— Петр Николаевич, скажите откровенно: наверно, тяжелое и неблагоприятное это дело — разводить людей?

— Тяжелое? Пожалуй, — ответил после некоторого раздумья судья. — А вот насчет неблагоприятности, извините, не согласен. Постараюсь объяснить.

Сразу оговорюсь, — улыбаясь, продолжал Петр Николаевич, — я человек очень жизнерадостный, у меня прекрасная семья. Как счастливый семьянин, в большинстве случаев я не понимаю и не принимаю разводы по любым причинам, за исключением двух: первая — если в процессе супружеской жизни деградирует и теряет духовные ориентиры человеческая личность, вторая — если брак является бездетным. Однако свои личные убеждения и пристрастия я оставляю в стороне, когда вхожу в судебный зал. Конечно, в идеале свою миссию я вижу в том, чтобы помирить супругов, стараюсь это сделать в девяти случаях из десяти. Ведь в суде разводятся в основном те, у кого есть дети. Вот в чем трагедия!

Мы с заседателями стараемся не только понять, но и почувствовать каждую из сторон. Впрочем, сознаюсь: иной раз мне очень хочется этак по-отцовски шлепнуть по одному месту вас, «несовместимых», и отправить сыну пеленки стирать...

Часто слышишь: «Мы совершенно разные люди, не понимаем друг друга». Милые мои, так постарайтесь понять! Вы же такие молодые, умные, красивые! Конечно, — Петр Николаевич улыбнулся, — на суде я говорю иначе, но смысл сводится именно к этому. Честное слово, я бываю счастлив, когда повторное слушание дела о разводе не может состояться из-за неявки обеих сторон. Но многие, увы, являются...

Что может суд? — продолжает Ястребцов. — Еще один или два раза перенести слушание, дать еще некоторое время на раздумье. И все? Увы, да. И знаете, что меня поражает? Та удивительная, нет, устрашающая легкость, с которой молодые пары приходят в суд. Ах, как это у них все просто: пожениться — развелись, два штампа в паспорте — и порядок!

Нередки случаи разводов из-за чрезмерного увлечения «кормильца» алкогольными напитками. Женщина в слезах: «Нет больше сил!» А он сидит напротив и в сотый раз клянется «завязать». В этом случае суд может послать частное определение по месту работы ответчика, в домоуправление, наконец. И тогда это помогает, но только иногда.

— Петр Николаевич, но ведь сколько нормальных, неплохих мужчин, которых не нужно перевоспитывать, а личная жизнь у них все равно не получается!

— Нормальных? Это смотря что считать нормальным — безответственность, затянувшуюся инфантильность, себялюбие? Я думаю, что эти качества разрушают семью не хуже, чем пьянство. Кстати, как отнеслись к вашему разводу друзья, товарищи по работе?

Я недоуменно пожал плечами.

— Никак. Правда, некоторые повздыхали: как же, мол, это вы? Такая симпатичная пара — и вдруг! А один мой приятель заметил: все закономерно, вы с Верой не «монтируетесь». По отдельности — прекрасные ребята, а вместе...

— Вот в том-то и беда, что люди вашего поколения смотрят на развод как на обычное событие, — с укором продолжал Ястребцов. — Не дорожат семьей. Все такие тонкие, понимающие. И одновременно равнодушные к чужим страданиям, к чужой жизни. Разве не так?

А вот в сельской местности, — оживился судья, — иначе. В деревне, где я родился, чуть ли не силком мирили повздоривших супругов. Бывало, сведут их друг с другом, усадят за стол — и, глядишь, муж и жена уходят в обнимку.

Лично я считаю: все средства хороши, если в итоге сохраняется семья.

— Ой, все ли, Петр Николаевич?

— Все. Но чтобы, повторяю, не ронялось человеческое достоинство. Человеческое! А женская гордость или мужское самолюбие уже не в счет, когда речь идет о спасении семьи. Первому упасть на колени и попросить прощения не стыдно. А вот в суд идти должно быть стыдно. Тем более сгоряча, с бухты-барухты. Знаете, — хитро улыбнулся Ястребцов, — есть такая поговорка: «Жен менять — только время терять». Впрочем, вы сами скоро в этом убедитесь, помяните мое слово.

— Вот письма, почитайте, — сказала Лия Евсеевна. — Думаю, вам будет интересно.

— А это удобно? Письма-то ведь чужие...

— Ничего, во-первых, они без подписи. А потом мы доверяем людям, которые к нам обращаются.

«...Я не знаю, что делать, как мне жить с ней дальше? — читаю строчки одного письма. — В уме никак не укладывается, что мне изменила жена. Я, наверно, слабохарактерный, другой бы на моем месте давно ушел от такой женщины, хлопнул дверью, дал пощечину и уехал куда глаза глядят... А я не могу. Наверно, потому, что все еще люблю. Посоветуйте, Лия Евсеевна!»

«Уважаемый консультант Л. Ковалева! Вы очень хорошо пишете в своих книжках о духовности в семейных отношениях и проч. По-моему, это одни красивые слова, в жизни все сложнее. В жизни многое решает материальное благополучие. Это осно-

ва семьи. Почему я развелась с мужем? Да потому, что надоело себе во всем отказывать — молодость-то проходит... А я хочу, чтобы моя дочь одевалась не хуже, а лучше других. Хочу, наконец, чувствовать себя женщиной...

Десятки, сотни писем ежемесячно приходят в консультацию по вопросам семейной жизни. Я знал о ее существовании: о работе консультации писали в газетах. Однажды, помню, даже предложил бывшей жене сходить вместе на улицу Рубинштейна, 25, — этот адрес известен многим ленинградцам. Но она отказалась: «Не хочу позориться, а ты как знаешь...»

И я тогда никуда не пошел. — Ну и очень плохо сделали, — заметила консультант-психолог Лия Евсеевна Ковалева. — Не берусь утверждать, что здесь вам бы помогли избежать развода, хотя и такое нередко случается, но кое-что все-таки попытались бы прояснить в ваших отношениях. Ни в коем случае нельзя пренебрегать советами компетентных людей.

Ковалеву я знаю по ее выступлениям в печати, на телевидении. Педагог с тридцатилетним стажем, психолог, она является автором популярных книг «Микроклимат семьи», «Современная семья: реальность и проблемы» и других. Кроме того, Лия Евсеевна написала повесть «Сын идет на медаль» и пьесу «Три дня на размышление», которая была поставлена во многих театрах. Однако до сих пор эта удивительная женщина продолжает преподавать литературу в школе, а по вечерам ведет прием в консультации.

— Знаете, меня порой удивляют молодые люди, — говорит Лия Евсеевна. — Как тонко они разбираются в искусстве, делают успехи в науке и при этом забывают, что именно наука может помочь наладить семейную жизнь. Спрашивают советы у «опытных» друзей и подруг, иной раз даже обращаются к гадалкам, а вот к нам, людям науки, специально занимающимся проблемами семейной жизни, прийти боится... Почему?

Что я мог ответить? Наверно, многие считают, что семейные конфликты нужно решать самим. И потом не во всех городах есть подобные консультации. Может быть, некоторые и хотели бы посоветоваться, да не с кем.

— Верно, — живо подхватила Ковалева, — такие учреждения должны быть в каждом городе, по крайней мере в областном. И все же вы заметили, что даже у нас избытка посетителей не наблюдается. И это в Ленинграде, где ежемесячно распадается свыше тысячи семей!

А ведь у нас работают опытные специалисты разных профилей: психиатры, социологи, психологи, педагоги, сексопатологи, наконец, — горячо говорила Лия Евсеевна. — Проводим циклы лекций для молодоженов и для тех, кто уже состоит в браке. Темы самые разнообразные — культура половой жизни, природа нравственных конфликтов в молодой семье...

Вы спрашиваете, в чем я, психолог и педагог, вижу основные причины разводов среди молодых семей? — переспросила Ковалева. — О, здесь целый «букет» проблем! Социальные, нравственные, сексуальные... Чаще все они взаимосвязаны, и этого нельзя недооценивать. Почему, к примеру, распалась ваша семья?

— Трудно сказать, — начал я. — Первые годы мы жили неплохо, но после рождения сына конфликты участились. Не знаю, почему, но жена стала видеть во мне врага. Только и слышал от нее одни сердитые слова. Малейшая оплошность с моей стороны — и начиналось!

— А вы ей помогли?

— Все ей помогли: и ее родители, и сестра, и я кое-что старался делать по дому. Но, сами понимаете, тяжело жить на тещиных «блинах», в чужом доме, а она этого не хотела понимать.

— А вы ей предлагали пожить отдельно, своей семьей?

— Предлагал и не раз. Но она в то время работала и училась на заочном отделении, как и я сам. Вот мне и пришлось согласиться какое-то время пожить с ее родителями. И я неплохо с ними уживался, если бы она не провоцировала меня на постоянные ссоры. Удивляюсь, откуда в этой милой с виду женщине такая черствость и злость. Представляете, она даже на поцелуй могла ответить оскорблением!

— Не спешите с выводами, Саша. Надо научиться не выплескивать отрицательные эмоции наружу, а переживать их внутри себя.

— Это же мучительно!

— Но тем самым вы оберегаете покой других. Я уверена, что такой альтуизм в семейной жизни будет вознагражден. Особенно опасно, если эмоциональной неводержанностью страдает женщина.

— Значит, вы считаете, что семейное счастье в большей степени зависит от жены?

— Счастье зависит от мудрости обоих. И все-таки настоящая женщина всегда знает, что благополучие семьи находится в ее руках. Ведь она от природы главная хранительница очага, мать. Безответствен-

ность женщины, я убеждена, приносит семье больше вреда, чем самолюбие мужчины. Беда в том, что некоторые мужья и жены, сами того не сознавая, стремятся к такой ситуации, когда всю жизнь можно только получать, не растрчивая своих душевных и физических сил. В семейной жизни такое возможно лишь на короткий срок. Иначе происходит девальвация чувств: получаемое обесценивается.

— Вот-вот, нечто подобное было и у нас. До свадьбы я слишком баловал свою жену вниманием: когда болела, кормил из ложечки, переносил ее на руках через ручей...

— Ну и прекрасно, так и должно быть! Неужели вы об этом жалеете? Я почти уверена, что ваша жена ценила подобные знаки внимания и хотела, чтобы и в совместной жизни ее супруг был таким же нежным и чутким. Другой вопрос — человек не должен воспринимать любовь другого как нечто само собой разумеющееся, она нуждается во взаимности. Если этого нет, то появляются явные или затаенные обиды, которые нередко приводят к конфликтам.

Ох, уж эти семейные ссоры! Они бывают страшны своей беспощадностью. Знакомому, другу не посмеешь выложить все, что думаешь и чувствуешь в эту злую минуту. Наверно, подсознательно понимаешь, что он, чужой, не простит. А свой простит?..

— Правда, — уточнила Ковалева, — в первое время ссоры между молодыми супругами нередко бывают оттого, что они плохо знают друг друга...

— Но у нас-то конфликты начались на третьем году совместной жизни. Хотя и прежде не все было гладко...

— А все гладко и не бывает, — сказала Лия Евсеевна. — Ухабы, на которых спотыкается семья, — это элементарная невоспитанность, несдержанность, эгоизм. Иногда ссорам сопутствуют скрытность, охлаждение. Но не спешите хоронить «умершее» чувство. Помните, что, как все живое, оно подвержено определенным ритмам. Учеными установлено, что это явление имеет биологический характер и мало зависит от нашей воли. Поэты, кстати, это раньше заметили. Помните строки А. К. Толстого, положенные на музыку Чайковским:

**Не верь, мой друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлив час не верь измене моря,
Оно к земле воротится любя.**

— Хорошо, — говорю я, — но почему же в момент «усталости любви» человек не может объяснить своего состояния? Неужели ему проще сказать: «Отстань, не лезь со своими нежностями»?

— Вы правы, такие объяснения обязательны, — соглашается со мной Лия Евсеевна. — Каждый должен уметь объяснить свое настроение для собственного блага и для блага ближнего. Спокойно, деликатно, вежливо. Только так тебя смогут понять. Если ваша жена вела себя иначе, то она была глубоко не права...

Я вышел из консультации, мысленно переживая еще раз весь разговор с Ковалевой. Казалось бы, все то, о чем говорила Лия Евсеевна, мне уже известно. Да, эгоизм — враг семьи. Да, нужно уступать друг другу, приносить другому радость, дорожить своими чувствами... Однако почему же нередко поступал иначе?

В тот вечер я долго бродил по знакомым улочкам и думал: почему мы так поздно начинаем понимать какие-то прописные истины? Хватаем за голову только тогда, когда вернуть ничего нельзя.

Ну вот, опять «открытые» вопросы. Так ни к чему и не пришел. Потому и обращаюсь в редакцию: может, вы что-нибудь посоветуете?

Александр НОВГОРОДЦЕВ

P. S. Перечитал свое послание и почувствовал, что очень уж односторонне я попытался разобраться в «роковых» проблемах. Только с точки зрения мужчины. Остается надеяться, что женщины тоже выскажут свое мнение.

Что ж, думаем, читатели дополнят письмо ленинградца А. Новгородцева своими размышлениями о семейных проблемах.

В чем же секреты прочного семейного союза? Можно ли, вступая в брак или же подавая заявление на развод, предвидеть все последствия этого шага?

Существуют ли, на ваш взгляд, такие причины и обстоятельства, которые неминуемо приводят к распаду семьи?

Надо ли ради личного счастья жертвовать счастьем своих детей? Да и возможно ли счастье во второй или в третьей «попытке»?

Ждем ваших писем, друзья!

После выступлений «Смены»

Помочь подросткам оборудовать свой клуб, открыть для молодых рабочих безалкогольное кафе — прямая обязанность комсомольских работников и активистов. Об этом шла речь в материалах, опубликованных в 24-м номере «Смены» за прошлый год. В них, в частности, говорилось, что комитеты комсомола Кинешмы и Муром за частую бывают пассивны в вопросах организации досуга, слабо учитывают интересы и запросы молодежи.

Прошло полгода. Что же изменилось в жизни молодежи этих двух старинных русских городов? Об этом мы узнали из официальных ответов, поступивших в редакцию.

«Сообщаем, что материал Л. Кузнецовой «Муки от скуки» обсужден на расширенном заседании бюро Муромского горкома ВЛКСМ, на которое были приглашены ответственные партийные и советские работники, секретари комитетов ВЛКСМ промышленных предприятий, организаций транспорта, сферы услуг, работники культуры и спорта.

На заседании бюро состоялся принципиальный разговор о нерешенных проблемах молодежного досуга, принято постановление и разработаны конкретные мероприятия по совершенствованию организации свободного времени молодежи.

В настоящее время в Муроме открыты два молодежных кафе, созданы клубы по интересам, в стадии завершения находится работа по подготовке помещений для спортивного клуба «Спартак-Ювентус». Горком ВЛКСМ совместно с исполкомом горсовета определяют помещения для народного театра «Контраст» и подросткового клуба «Молед».

В. ЛУЖНОВ,
секретарь Владимирского
обкома ВЛКСМ.

«В связи с публикацией Н. Солдатенкова «Без опоры» обком ВЛКСМ сообщает о принятых мерах.

В течение января 1986 года ответственные работники обкома комсомола оказали практическую помощь комитетам ВЛКСМ города Кинешмы в организации досуга молодежи. Эти вопросы находятся сегодня в центре внимания Кинешмского горкома ВЛКСМ. При горкоме создан координационный совет, работа которого строится в соответствии с планом мероприятий по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений».

Кафе «Люблино», которое упоминается в публикации, начнет действовать как молодежный клуб с мая этого года. Комитет комсомола завода «Автоагрегат» утвердил графики проведения субботников на этом объекте. Субботники проводятся ежедневно, сейчас завершается отделка помещения, приобретены музыкальная аппаратура, мебель.

Бюро горкома ВЛКСМ приняло дополнительные меры для укрепления материальной базы молодежного досуга, определив ряд комсомольских организаций задания по строительству простейших спортивных сооружений.

С целью оказания практической помощи организаторам досуга при обкоме ВЛКСМ действует специальный консультационный пункт, который систематически обеспечивает районные комсомольские организации методической литературой, сценариями проведения молодежных вечеров, дискотек, наглядной агитацией.

Наряду с положительными сдвигами следует самокритично признать, что в работе некоторых районных комсомольских организаций все еще отсутствуют инициатива, деловитость, предметный подход к вопросам досуга. Недостаточно тесен контакт комитетов ВЛКСМ с органами культуры. Все эти проблемы рассмотрены на областной конференции, которую провел обком комсомола совместно с управлением культуры облисполкома.

Н. ВИСЛОВА,
секретарь Ивановского
обкома ВЛКСМ.

Как видим, и Владимирский, и Ивановский обкомы комсомола по-деловому отнеслись к критическому выступлению журнала. Надеемся, что и другие комсомольские организации не ослабят внимания к непростым, но очень важным вопросам молодежного досуга.

Стиль на все вре...

Молодежная
мода

Художественный
руководитель
Московского Дома моды
Вячеслав ЗАЙЦЕВ
беседует
с корреспондентом «Смены»

— Однажды вы как-то сказали: одежда одна для всех, и только человек, умудренный опытом, выберет из всего, что предлагает мода, то, в чем он будет выглядеть привлекательней... А что делать человеку молодому и, как правило, неопытному? Как ему отыскать свой, присущий только ему стиль в изменчивом мире моды?

— Молодые люди с еще не оформившимися вкусами, тяготеющие, я бы сказал, к сдержанному благородству в одежде, могут найти удовлетворение в современном классическом стиле, познав радость комфорта этой одежды.

— Вкус молчалив, говорят модельеры, кричит безвкусица...

— Так вот молчание как раз и находит свою обитель в классическом стиле одежды, который предполагает единение всех составных частей ансамбля — от головного убора до обуви, включая костюм или платье, сорочку, галстук, ремень, носки, перчатки, сумку. Здесь же уместно сказать о причёске, макияже, о манере ношения одежды, ее опрятности...

—...О которых, кстати, многие забывают. А ведь от этого во многом зависит наше восприятие человека. Вячеслав Михайлович, мы с вами говорили сейчас о тех, кто, выбирая свой стиль, предпочитает не забегать вперед, а на шаг отстать от моды. Но, наверное, не все так настроены. Есть и те, кто готов вырваться в лидеры...

— Долгое время и мне казалось, что молодой человек стремится в одежде вывить индивидуальный взгляд на ее форму, цвет и так далее. Но многие годы работы с молодежью убедили меня в обратном. Большинство волнует условная знаковая, они предпочитают быть похожими друг на друга, боятся выделиться из общего потока «лидеров»: каждый — в отдельности, но все — вместе.

— И все-таки «лидеры» есть...

— Конечно. Это те, кто готов принять на себя тяжесть порой необоснованных упреков за эксперименты, связанные с поиском своего образа. Для них художники предлагают сегодня разнообразные формы одежды, несущие в себе и гипотетичность эстетики будущего, и возвращающие нас к ушедшим векам.

МЕНА

**БОЛЬШИНСТВО МОДЕЛЕЙ
КЛАССИЧЕСКОГО СТИЛЯ
СОЗДАНЫ
ВЯЧЕСЛАВОМ ЗАЙЦЕВЫМ
ИЗ ТКАНЕЙ,
КОТОРЫЕ НА МНОГИХ
ШВЕЙНЫХ ФАБРИКАХ
СЧИТАЮТСЯ
МОРАЛЬНО УСТАРЕВШИМИ,
ВЫШЕДШИМИ ИЗ МОДЫ.**

Не надо бояться ошибок. Молодежь, получившая элементарные знания о культуре одежды, может смело идти на эксперимент.

— Кстати, в редакцию приходят письма, авторы которых жалуются на недостаток информации о моде. Не это ли порой рождает уродливые формы одежды, шокирующие нас на улице?

— Думаю, что именно незнание элементарной азбуки моды и есть основная причина безвкусицы, неоправданного снобизма в одежде, нелепого, примитивного подражания формам, нехарактерным для нашего общества.

— А где выход? Быть может, есть какие-то практические рекомендации?..

— Необходима достаточно убедительная информация в прессе, подтвержденная конкретными делами. А именно: товарами на прилавках магазинов «Молодежная мода». Вот тогда, предлагая пути совершенствования и развития индивидуальности и соответственно образ со вкусом одетого молодого человека или девушки, мы будем уверены, что по нашим рекомендациям молодые смогут сами создать свой ярко выраженный образ.

— Каково ваше мнение о современных тенденциях в молодежной одежде?

— Что касается мужчин, то они предпочитают раскованный стиль, подчеркивающий их мужественность, спортивность. В моде куртки различной длины — объемные, с расширенным плечевым поясом, массой функционально-

декоративных деталей, свободной формы брюки, легкая, мягкая обувь, майки-пуловеры, цветные, но чаще белые носки, сумка через плечо, панамы или кепи и... хорошее настроение.

— А у девушек одежда остается близкой по объему и комплектности к одежде молодых людей?

— Только наряду с брюками модны юбки различного объема и длины. Старайтесь внести в свою одежду больше цвета, контрастных сочетаний. Длина одежды позволительна разная, но, конечно, нельзя не учитывать особенности фигуры и конкретную обстановку. Остаются популярными цветные колготки, гольфы, легкая бескаблучная обувь.

— Встречалась с мнением: хорошее платье — это прежде всего дорогая ткань...

— Ошибочная позиция. Ткани можно использовать любые, лучше — более доступные, недорогие, поскольку тогда эксперимент в одежде не будет обузой для бюджета семьи.

— Классика консервативна. Но неужели время не вносит изменения и в этот стиль?

— Он развивается. Уходит от сухости, четкости, педантизма в сторону большей женственности, романтизма. Ему теперь свойственна и спортивная раскованность, и романтическая взволнованность. Форма остается в меру традиционной, но детали — рисунок воротника, лацканы, линия плеча, карманы, застежка, пояса, хлястики, а также цвет, фактура ткани, отделка и составные части комплекта — блузоны, шарфы, косынки, бижутерия — все это претерпевает значительные изменения как в сторону романтичности, так и спортивности.

— Он развивается. Уходит от сухости, четкости, педантизма в сторону большей женственности, романтизма. Ему теперь свойственна и спортивная раскованность, и романтическая взволнованность. Форма остается в меру традиционной, но детали — рисунок воротника, лацканы, линия плеча, карманы, застежка, пояса, хлястики, а также цвет, фактура ткани, отделка и составные части комплекта — блузоны, шарфы, косынки, бижутерия — все это претерпевает значительные изменения как в сторону романтичности, так и спортивности.

— Он развивается. Уходит от сухости, четкости, педантизма в сторону большей женственности, романтизма. Ему теперь свойственна и спортивная раскованность, и романтическая взволнованность. Форма остается в меру традиционной, но детали — рисунок воротника, лацканы, линия плеча, карманы, застежка, пояса, хлястики, а также цвет, фактура ткани, отделка и составные части комплекта — блузоны, шарфы, косынки, бижутерия — все это претерпевает значительные изменения как в сторону романтичности, так и спортивности.

— Он развивается. Уходит от сухости, четкости, педантизма в сторону большей женственности, романтизма. Ему теперь свойственна и спортивная раскованность, и романтическая взволнованность. Форма остается в меру традиционной, но детали — рисунок воротника, лацканы, линия плеча, карманы, застежка, пояса, хлястики, а также цвет, фактура ткани, отделка и составные части комплекта — блузоны, шарфы, косынки, бижутерия — все это претерпевает значительные изменения как в сторону романтичности, так и спортивности.

— Он развивается. Уходит от сухости, четкости, педантизма в сторону большей женственности, романтизма. Ему теперь свойственна и спортивная раскованность, и романтическая взволнованность. Форма остается в меру традиционной, но детали — рисунок воротника, лацканы, линия плеча, карманы, застежка, пояса, хлястики, а также цвет, фактура ткани, отделка и составные части комплекта — блузоны, шарфы, косынки, бижутерия — все это претерпевает значительные изменения как в сторону романтичности, так и спортивности.

Беседу вела
Марина КРАЙНЯЯ.

Фото Владислава ЛОКТЕВА

НЕ УБИТЬ

Всегда, когда идет спор о роли воспитания и наследственности, у тех, кто отдает предпочтение генетическому началу, есть сокрушительный аргумент — вундеркинды! Воспитание воспитанием, но достаточно назвать четырехлетнего Моцарта или семилетнего Менухина, как все начинается сначала.

Вопрос этот, безусловно, крайне интересен. Талант — это факт, вундеркинды — тоже, но есть еще один важный факт: чудо-взрослых гораздо меньше, чем чудо-детей. Другими словами, тех, кто проявлял необыкновенные дарования в детстве, больше тех, кто сумел сохранить и развить свой талант. Трогательно милые семилетние скрипачи и пианисты, умилявшие нас своими белыми рубашечками с жабо и короткими штанишками, не стали, за малыми исключениями, даже посредственными музыкантами.

И все же Блезю Паскалю было двенадцать лет, когда он заново открыл многие из начал эвклидовой геометрии! Шиллер чуть ли не подростком пишет стихи и драмы, Шуберт в девятнадцать создает «Лесного царя».

Один из создателей кибернетики, Уильям Рос Эшби, посвятил целую статью таланту с точки зрения своей новой науки, и, поскольку с этих позиций умственная деятельность есть процесс обработки полученной информации, Эшби пришел к выводу, что талант не может быть не чем иным, кроме как богатой информацией. Помню, как я удивился, прочитав эту статью, и подумал, что или плохо ее понял, или в ней не все верно — как-никак богатая информация, прежде чем породить новую идею, должна быть переработана мозгом, и от этой способности мозга зависит талант человека. Но Эшби — выдающийся ученый, и, быть может, он не хотел впадать в тавтологию, объясняя нечто неясное — талант — другим неопределенным понятием — способностью. С другой стороны, столь же неудобно объяснять талант, не привлекая понятия «информация».

Связь между талантом и количеством информации нельзя отрицать, но что же тогда вундеркинды? Каким образом Моцарт за два-три начальных года своей жизни получил такую музыкальную информацию, что потрясал мир? Не получил ли он ее по наследству? Все в его роду занимались музыкой, и вот в конце концов на белый свет появляется исключительная комбинация наследственных качеств и условий — рождается Вольфганг Амадей, готовый музыкант. Он носит музыку в себе и живет в ней. В этом есть нечто замечательное, чему я не могу найти объяснения. Я не знаю случая, чтобы потомки музыкального гения превзошли своего отца или деда. Ни сын Моцарта, ни сыновья и внуки Иоганна Себастьяна Баха, ни дети Вагнера. Природа ли заботится о том, чтобы в мире было не слишком много гениев, или генетическая комбинация, которая ведет к появлению исключительной личности, так редка, что вероятность проявления ее в том же роду ничтожна? Не знаю.

Настоящих вундеркиндов всегда меньше, чем тех, кого таковыми провозгласили. В подобный ранг возводят детей наше умильное воображение, не слишком зоркая родительская любовь и честолюбие, а также лишенные психологического чутья учителя.

«Скажи гостям стихотворение и иди в свою комнату!» И ребенок декламирует. Гости говорят «молодец». Поскольку

МОЦАРТА

Георгий ДАНАИЛОВ

что ему не хочется уходить, он тут же принимается декламировать второе стихотворение. Гости говорят «молодец» уже более вяло. Однако ребенок не может остановиться, он честолюбив, как мы все, любит производить впечатление и начинает досаждать нам своими стихоизлияниями. Его не оценили по достоинству, он мрачен и начинает бомбардировать дверь кубиками и книжками со стихами. Теперь как оплату за все свое искусство он рискует получить оплеуху.

Разумеется, подобные случаи не так страшны. Трагедия получается, когда ребенок проявляет некоторые способности, которые могут легко сойти за талант в глазах тех, кто его любит. Ни раннее сочинение стихов, ни пристрастие к какому-либо музыкальному инструменту, ни серия рисунков, над которой ребенок сидит, не отрываясь, несколько часов, не являются верным залогом будущего развития. Часто они лишь плод усердного подражания, а в этой области ребенок — непревзойденный мастер. В таких случаях недоверие более мудро, чем преклонение.

Но если мы таким образом упустим золотые возможности? Если своими сомнениями ущемим талант? И начинают поучительные примеры: отец Листа бил его, но сделал Листом. Бах тоже поколачивал своих детей, заставляя их играть.

Все это верно, но есть и другие примеры.

Если появляется исключительный та-

лант, он проявляет себя так ярко, так волнующе, что при естественных, спокойных условиях он едва ли может быть заглушен. Когда я наблюдаю, как грузчики тащат рояль на четвертый этаж, как около них возбужденно и встревоженно хлопчат честолюбивая мама и как потом из квартиры по пятнадцать минут в день доносятся унылые звуки — месяц, два и иссякают, я вспоминаю, что у Франца Шуберта никогда не было собственного рояля, что двенадцатилетний Бетховен играл на органе раненой рукой и по клавиатуре стекала кровь... Ни нищета, ни непрерывные неудачи, ни убийственная критика не могли заставить Ван Гога бросить кисть.

Раннее проявление таланта совсем необязательно. Большинство гениев были обычными детьми, иногда очень уж пылкими, иногда чуть странными, но чаще всего ничем не обнаруживали своих исключительных дарований. Так, Эйнштейн не блистал успехами в школе. Остальду из-за слабой успеваемости едва не пришлось оставить университет. В семье Нильса и Харальда Бора, отец которых был известным ученым-физиологом, все считали, что у Харальда более выдающиеся способности, и он действительно стал замечательным математиком, но гениален все-таки его брат. Можно даже сказать, что биографы великих людей намеренно выискивают в их детстве исключительные проявления, исходя из того, к чему они пришли взрослыми.

Гениальных детей так мало, что едва

ли имеет смысл обстоятельно заниматься теорией их развития. Но вундеркинды могут многому нас научить. Печальная судьба многих из них является неоспоримым доказательством того, что неизжитое детство пагубно для личности. Где-то в Соединенных Штатах все еще существует «вундеркинд» Роберт Фишер. Пока он был ребенком, он играл только в шахматы, теперь он уже не знает, во что ему играть.

Стремление к тому, чтобы дети реализовали себя в жизни более ярко, чем мы сами, естественно. Честно говоря, едва ли есть родители, которые хотя бы робко, хотя бы по секрету от самих себя не мечтали бы о чуде, не подстерегали бы его в любом мало-мальски самобытном проявлении своего чада. Если вы следите за радиопередачами, то знаете, сколько родителей засыпают редакцию письмами, заполненными оригинальными изречениями их деток.

Каждый акт творчества у ребенка заслуживает поощрения, но преувеличение его ценности ведет к плачевным результатам. Создавать у детей излишнюю уверенность в себе вредно так же, как лишать их всякой уверенности. Все интервью с детьми-актерами, детьми-музыкантами, детьми-поэтами, как бы они ни были привлекательны и приятны для зрителей и слушателей, кажутся мне ненужными и даже вредными. Вслушайтесь в них и вы убедитесь в том, что они изобилуют заученными фразами, нелепыми подражаниями знаменитым взрослым.

Детство по самой сути насыщено творчеством. Оно связано с открытием и познанием мира, с попытками что-то в нем преодолеть, а к чему-то приладиться. Любая детская игра — это творчество и открытость, и вносить в нее элементы, которые нам, взрослым, кажутся более ценными. — дело тонкое и опасное. Вундеркинд, чудо-ребенок, не может быть целью воспитания, потому что сам ребенок, любой ребенок — всегда чудо.

Природа убежала далеко от детей, мы сами ее прогнали и теперь делаем жалкие попытки вернуть обратно. Но надеяться на ее скорое возвращение тщетно. Побывайте в наших горах, лесах, на реках, и вы убедитесь в этом. Природа вся так и сжалась — приунывшая, обкорнанная, оцепеневшая. Реки помутнели, ручьи еле сочатся. Дунай стал грязнее, чем когда бы то ни было. Места выкрашена в свинцово-коричневый цвет... Сделанное сделано, причитать бессмысленно. Надо спасать то, что можно еще спасти. Но другая угроза, не менее страшная, нависла над нашими детьми. Они рождаются среди бетона, растут в бетонном окружении, играют на каменных и цементных лестницах, в подъездах и на тротуарах. Не смеют ступить на траву, и без того чахлая, огороженную проволокой. У них нет ни дерева, на которое можно было бы забраться, ни куста, чтобы спрятать свои сокровища. Городской ребенок, дитя панелей, жестоко ограблен, он утратил связь с землей, он не слышал соловьиного пения, не видел живого ягненка, козу, теленка. Я помню мальчика, который в шесть лет впервые увидел индюка и сказал ему: «Эй ты, петух!» Что из того, что интеллектуальные способности современных детей стали больше, когда они не могут направить их на то, чтобы учиться у природы, а учат правила движения по улицам?

Что предлагаем мы нашим детям? Двадцать дней в году на море. По путевке в доме отдыха или на частных квартирах. А ребенок хочет остаться с морем наедине, и чтобы вода плескалась у его ног, а он подбегал и убежал от наступающей волны, ждал бы, когда ее белая пена разобьется о берег, и с веселым испугом от нее удирал. Он хочет рассматривать водоросли, изучать раковины, вообразить себя Робинзоном Крузо, строить крепости из песка и защищать их от волн. Какой там Робинзон Крузо! Повсюду курортники, на каждом квадратном метре чьи-то руки, ноги, полотенца, мокрые плавки. Толстая тетка бежит и наступает на песочную крепость; ни рыб, ни раков не видно, ни один уголок этого берега нельзя считать своим, и море уже не твой большой и грозный друг, а просто много воды и ничего больше.

Разрыв современного человека с природой так глубок, что она начинает действовать на него как аллерген. Это не метафора! Никогда не было столько сенных лихорадок, столько аллергической сыпи на белой полусинтетической человеческой коже, столько астм, бронхитов, гастритов и дерматитов!

Если нам все еще дорого душевное и физическое здоровье наших детей, мы должны сказать: хватит! Мы должны вернуть себе природу. Хватит технологизировать ее, хватит обрабатывать химикатами, хватит задымлять, запыливать и превращать в отходное место.

Трогательную картину представляют дети, когда они на каком-нибудь склоне копают ямки для маленьких пушистых сосенок, и какая насмешка над их трудом пронсаящаяся внизу по шоссе грузовики со стволами великопных деревьев, из которых будет изготовлена оберточная бумага.

Не надо воспитывать любовь к природе, надо просто предоставить детям возможность общаться с ней. Они любят цветы и деревья, птиц и животных. Здоровый, воспитанный без страха ребенок не пугается даже самых опасных и грозных зверей, он испытывает глубокую симпатию к любому маленькому

животному, будь то собака или кошка, лягушонок или даже змейка. Эта симпатия врожденная, и это не только доброе любопытство ко всему живому, которое, в свою очередь, является залогом нравственности. Почему детьми мы так любили зоопарк, почему часами торчали перед клетками обезьян, косуль и оленей, слона и бизона и почему, когда мы стали взрослыми, этот интерес угас? Действительно ли развитие современного человека есть постепенный разрыв связей с привычным и естественным? Отчуждение существует не только между людьми, оно наступает и между человеком и природой. Атрофируются и пересыхают жилы, которые связывали нас с землей, корни гниют, дерево жадно сосало ее соки, оно высоко вытянулось, но оно стало хилым и неустойчивым, и ближайший смерч может вырвать его из истощенной почвы и зашвырнуть в ничто.

Но ведь те самые дети, о которых мы твердим, будто они любят все живое, иногда мучают животных, убивают их, вешают кошек, даже отрезают им головы. Да, надо это признать, но это значит, что такие дети затаили в себе ненависть, и не к животным, а к людям. Животные беззащитны, и изливаться на них свою ненависть можно более безнаказанно. Во всех случаях, кроме редких уродств, детский садизм есть следствие садизма взрослых по отношению к детям.

Я совершенно убежден, что глубоко в природе ребенка заложена искренняя симпатия к живым существам и стремление их опекать. Общение детей с животными благотворно, оно даже предпочтительнее общения с некоторыми людьми. Желание подкармливать зимой птиц, оставлять на окне крошки для голубей, иметь животное-друга прекрасно. На эту тему написаны превосходные книги, и они кажутся мне намного лучшим чтением для детей, чем многие морализаторские сочинения.

Не забуду, как трехлетняя девочка рослом в три вершка, зайдя на улице громадного сенбернара Барри, со всех ног кинулась ему навстречу. Причитания и испуганные восклицания взрослых не остановили ее. Она обнимала собаку за шею, повисала на ней и приговаривала: — Ах ты моя хорошенькая, ах ты моя миленькая!

Собака таяла от удовольствия и тихо полизывала.

Отношение ребенка к собакам — верное средство проверки его психологического состояния. Если он идет к ним навстречу без опаски, мы можем не беспокоиться за его душевное здоровье. Если ребенок боится, вырывается, прячется за взрослых — дело ясное: его воспитателем был страх.

Многое приводит меня к мысли, что где-то на определенной ступени жизненной эволюции возникло стремление уберечь и защитить детенышей животных и что это стремление лежит в основе еще одного из нравственных принципов человека — покровительственного отношения к малолетним.

Одно из последних усилий современного человека приблизиться к природе привело его к спорту. Спорт — естественное продолжение детской игры в юношеском и зрелом возрасте, любимое занятие и детей тоже, поскольку оно сочетает игру с возможностью быть победителем, удовлетворяет желание проявить и показать себя. Дети всегда предпочитают состязания упражнениям, самый желанный миг на уроках физкультуры — когда класс делят на две команды. Начинается игра, и она могла бы продолжаться часами, если бы не прерывалась школьным звонком — единственный случай, когда его встречают с неудовольствием.

У меня есть известные основания говорить о спорте, потому что я начал заниматься им с детства, испытал сладость побед, тщеславное удовольствие видеть свое имя в газете, горечь поражений, упорство и усталость тренировок. Любимыми моими дисциплинами были плавание и лыжи, а футбол остал-

ся моей неразделенной любовью. Все же мне думается, что лучший вид спорта, особенно для детей, — плавание.

Тот миг, когда ребенку удается поплыть, — великий миг, счастье победы над водой неопределимо. Тебя вдруг охватывает вера в себя. Ты можешь, можешь! — это великолепное ощущение. Вода стала твоим другом, все то, что вчера казалось недостижимым, вдруг делается доступным, ты можешь нырять в глубину, можешь неподвижно лежать на поверхности. Проходят годы, и пловец обретает такую уверенность в своем союзе с водой, что его удивляет, как это вообще можно утонуть.

Плавание — чудеснейший спорт, но и ему противопоставлена человеческая глупость. И все же скажу, что некоторые виды спорта сами по себе сродни этой глупости. Надеюсь, что почитатели бокса не будут читать эту книгу. Так или иначе, я не могу согласиться с тем, что умелое нанесение ударов по лицу другого человека есть благородная деятельность. Эти удары рассекают брови, сплющивают носы, разбивают губы...

Любители бокса забросают меня возражениями — этот спорт, мол, развивает быстроту, точность, ловкость, силу, мужество и храбрость. Согласен, но это не дает достаточных оснований считать бокс цивилизованным занятием, потому что те же качества не в меньшей мере развивают и многие другие виды спорта.

Естественно, это мое субъективное мнение. Объективно же установлено, что боксеры, согласно исследованиям, отличаются повышенной агрессивностью и что удары, которые на них обрушиваются, не проходят бесследно для клеток мозга. Объективно и то, что есть виды спорта, которые связаны с физической болью и где победа обычно дается тому, кто причинил боль более сильную. При этих объективных данных я субъективно думаю, что эти виды спорта бесполезны.

Спорт перестает быть чудесным занятием, когда он оказывается чрезмерно связан с тщеславием, когда желание быть первым ведет к трагедиям. Одно психологическое исследование показало, что члены американской команды по плаванию — люди с сильно развитым честолюбием и что вместе с тем их отличает психическая неустойчивость. Поражение — слезы. Победа — слезы. Восторг и страдания проявляются с вулканической силой, но в этом взрыве эмоций есть что-то абсурдное.

Современный спорт, связанный с достижением определенных результатов, до такой степени изменил свое содержание, что уже трудно сказать, полезен он для детей или вреден. Подготовка к нему давно уже перестала быть только удовольствием, все связано с тяжелым трудом, с физическим и психическим напряжением, со строгой дисциплиной и затратой большого, чрезмерно большого количества времени. Участник соревнований по плаванию, а это преимущественно подростки, должен проплывать каждый день по пять-шесть километров. Если он хочет быть среди лучших, это расстояние увеличивается, если он хочет быть на уровне мировых достижений, он должен плавать еще больше. И сколько же нужно времени, чтобы угнаться за рекордами? Четыре, пять, шесть часов в день? В этом возрасте, в 12—15 лет, увеличивается и нагрузка в школе, следовательно, для подростка спортсмена не остается почти ничего, кроме учения и плавания. Но, как бы интересно ни проходили тренировки, как бы подросток ни любил плавание, это не может обеспечить его разнообразной информацией, необходимой в этом возрасте. Ребенок-спортсмен должен разделить участь вундеркиндов в искусстве, и будущее его заранее ясно — в большинстве случаев оно не может быть не чем иным, кроме спорта.

Коль скоро спорт и спортивная слава превратились в цель, достойную того, чтоб посвятить ей себя, найдутся и люди, которые сделают спорт своей судьбой. Плохо то, что чемпионами хотят стать все дети, а слава улыбается

лишь ничтожному меньшинству. Когда же нет желания быть первым во что бы то ни стало, спорт становится благородным. Погоня за победами — в конечном счете суета сует. Все мировые рекорды пятилетней давности уже улучшены, а те, что поставлены сегодня, будут улучшены завтра. Слава преходяща, жизнь тоже, но полноценная жизнь стоит больше, чем слава.

Спорт нельзя рассматривать отдельно от трибун, от зрителей, от того, что он является зрелищем. Болельщическая страсть подчиняет себе и взрослых, и детей. Дети начинают «болеть» за ту или иную команду чаще всего случайно, по воле каких-то внешних обстоятельств. Ребенок, как правило, мудрее взрослых, поскольку он не знает, по каким таким глубоким соображениям он должен радоваться, когда мяч оказывается в воротах противника. Он предпочитает засмеяться, когда кто-то из игроков летит кувирком, и не понимает, что для отца это может быть трагедией. Привязанность к команде означает примыкание к какой-то группе, это социальный акт, и он осуществляется только по достижении определенного возраста. Все остальное — лишь подражание взрослым.

Со времен гладиаторов прошло два тысячелетия, зритель на трибунах облагородился, по крайней мере я надеюсь, что это так, поскольку он все реже желает побежденному смерти, а большой палец цивилизации всегда указывает вверх — пощадить! Нельзя сказать, что прогресс так уж велик, но он есть, и это все же утешительно. Воспитанию предстоит сделать еще немало, мне кажется, что оно лишь приступает к делу.

В начале этой книги я самоуверенно обещал объяснить, почему я не преуспел в моих воспитательных начинаниях и почему не преуспел бы, даже будь я наделен педагогическим талантом. Теперь я понимаю, что для подобного объяснения мало быть предельно искренним. Читателя нетрудно потрясти несколькими болезненно честными признаниями. В сущности, мне не хватает не столько смелости, сколько познаний. Надо признать, что мы все еще мало понимаем природу ребенка, и говорить о ней категорично — безрассудство.

Я могу быть уверен в немногом. В частности, я уверен в том, что воспитание без ясной цели, определенной в соответствии с сущностью ребенка, обречено на провал. Цель, которую ставил перед собой я, всегда определялась как-то интуитивно, я шел к ней в тумане добрых намерений.

Я попытался указать, что, на мой взгляд, мешает нам воспитывать новых людей, создавать те подлинно социальные личности, которые будут жить новой жизнью. Я усматриваю эти помехи и в отношениях в современной семье, и в недостатках, присущих школе, и в обществе, в отчуждении от природы, в нечистом отношении к половой жизни, даже в спорте. Я сказал общезвестные истины, но надеюсь, что, соединенные вместе, они могут вызвать новые мысли.

Сейчас, когда я заканчиваю эти страницы, над планетой снова нависла угроза — угроза миру и будущему. Она ощущается в воздухе, в напряжении эфира, она заставляет нас с тревогой и болью всматриваться в играющих детей. Что их ждет? Быть может, если человечество уничтожит самого себя, это будет участь, которой оно заслуживает?..

Нет! Погудите! Есть нечто такое, что всегда будет противоречить мудрости этого финала. Это нечто — дети. Кто дерзнет сказать, что они заслужили апокалипсис? Кто?

Если мы, взрослые, сумеем проявить немного мудрой воли и сохраним наш мир для детей, это будет самым лучшим педагогическим актом, на какой мы только способны.

Перевела с болгарского
Ника ГЛЕН.

Трудно ли быть вундеркиндом?» С таким вопросом я ехал в Херсон к четырнадцатилетнему студенту первого курса физико-математического факультета педагогического института Александру Вечерку. С этим же вопросом я и возвращаюсь.

Сейчас о Саше, худеньком, среднего роста мальчишке то с озорными, то с задумчивыми глазами, увлеченно занимающемся высшей математикой и не менее увлеченно играющем на мини-компьютере в «Ну, погоди!», пишут не только местные, но и центральные газеты. А вот в херсонской школе №20, математический спецкласс которой он окончил в прошлом году, о нем знают не все. Но об этом позже...

Сам Саша, как и его родители, вундеркиндом себя не считает. Он не может с секундной быстротой перемножать в уме трехзначные числа и кубические корни на ходу не извлекает. Разве

Валерий ХРАПОВ

СТУДЕНТ В ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ

что простенькие. И все же я бы назвал этого мальчика вундеркиндом — чудоренком, который не просто удивляет, но заставляет нас, взрослых, о многом задуматься.

Вундеркиндом он в общем-то стал случайно: не было бы счастья, да несчастье помогло! Впрочем, насколько верна пословица, судить не будем торопиться. Да и случайностей было так много, что невольно задумаешься о закономерности.

Рос он без бабушек и дедушек. И, как полагаются, в три года пошел в детский сад. В один из дней съел там что-то не совсем свежее. Перепуганная мама, Кира Георгиевна, решила поддержать сына дома, благо была такая возможность. К тому времени она, выпускница все того же физико-математического факультета, не найдя в городе вакансий по специальности, работала тренером по настольному теннису, как и муж Евгений Матвеевич. Пригодился первый разряд, полученный в юности. Тренировки она проводила утром и вечером, а днем могла сбежать домой, проведать сына.

Для того, чтобы, оставшись один, сын занимался делом, а не болтался по дому, Кира Георгиевна обязывала его выполнять пять «з»: сделать зарядку, почистить зубы, застлать постель, позавтракать и решить задачи. Правда, у сына находилось и шестое «з» — он забывал про первые четыре, увлекаясь пятым: задачами, накануне вечером составленными мамой.

К четырем годам Саша выучился неплохо читать. Произошло это тоже «случайно». Кира Георгиевна прочла в газете статью о раннем возрасте, как о благотворном периоде для обучения, и стала заниматься с сыном, вернее, решила попробовать... От буквы к букве, от слога к слову — Саша усваивал все играючи, на лету. В «Азбуке» были и картинки, а под ними цифры. Вместе с чтением мальчик учился складывать и вычитать.

«Азбуку» прочли быстро... Что дальше? Не умудренная методиками и подзабытая великий принцип дидактики — постепенность в обучении, Кира Георгиевна объясняла, как знала, «по формулам». Например, правила сложения и вычитания многозначных чисел (2—4-й классы школы). В четыре года сын усвоил и понятие отрицательного

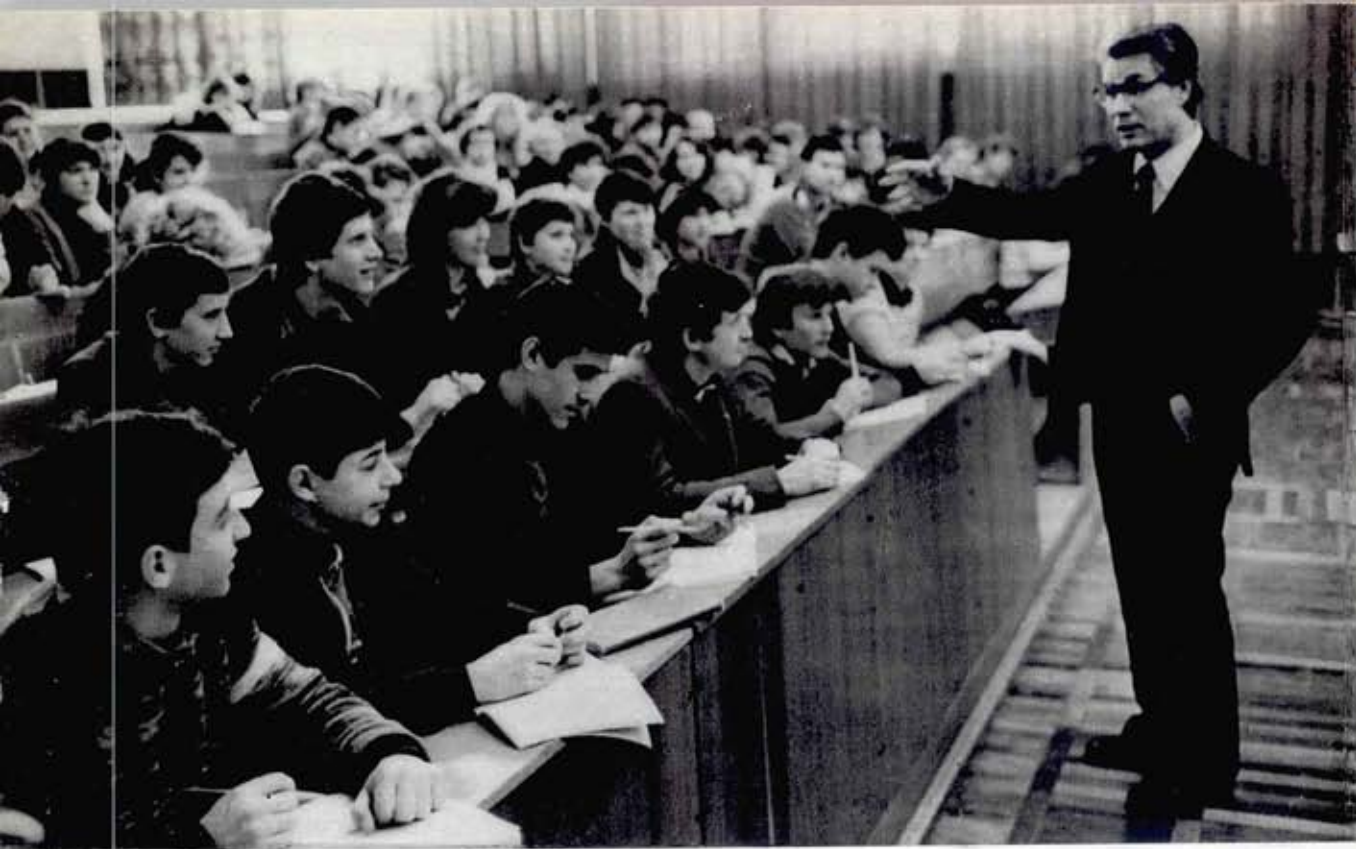

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

кая — в отца. Это Саша в меня — маленький. А Лена в отца... И я решила ее брать с собой на тренировки — пусть вес сгоняет. Ставила за ширму, чтобы меня не отвлекала. Она и играла. Отец ее в секцию не принимал. Боялся, что позорить она его будет перед ребятами, авторитет подрывать своим непослушанием. Мы на нее внимание обратили лишь тогда, когда она в финал первенства области вышла. Вот тогда отец за нее взялся...»

ЛЕКЦИИ И СЕМИНАРЫ, ЗАНЯТИЯ СПОРТОМ, ПОМОЩЬ ПО ДОМУ — ТАК СТРОИТСЯ ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ САШИ ВЕЧЕРКА. НИ МИНУТЫ ПРАЗДНОСТИ — ВОТ ГЛАВНЫЙ ЕГО ПРИНЦИП.

числа (5-й класс). Как-то спросила сына, что получится, если от 9 отнять 10. Саша, на минуту задумавшись, ответил: «Одна дулька!» «А если от 8 отнять 10?» «Две дульки», — уже мгновенно отвечал сын. Пришлось вместо «дулек» вводить понятие отрицательного числа, связанного с понятием долга: «У тебя 3 копейки, а ты должен заплатить в автобусе 5. Сколько копеек тебе не хватает?»

В теории дидактики подобные задачи называются проблемными. А для Киры Георгиевны это были проблемы внедетсадовского существования сына. Выученный решать задачи «по формулам», Саша сразу же схватывал тип каждой из них, ее математический смысл, определял ход решения. И все чаще от Саши можно было слышать: «Это неинтересно... Я такие уже решал!» Он все больше учился сам по учебникам старшей сестры.

Писать он выучился тоже рано. И первое, что сделал, овладев этим искусством, — целиком переписал любимое произведение «Корова». Я не читал этого рассказа, но со слов Саши становится понятным, почему он взялся за титанический труд. Сюжет рассказа не может не леденить душу пятилетнего. Мальчик случайно разбил стакан. Желая замести следы «преступления», он выбросил осколки в ведро с поилом для коровы. Корова поило выпила. Стала мучиться. Ее пришлось зарезать. А мальчику надо было есть мясо этой коровы. Но он не ел...

Может, кто-то и улыбнется сентиментальности сюжета, но, согласитесь, рассказ достоин того, чтобы быть увековеченным в детской душе.

Кира Георгиевна никогда наперед не загадывала, что делать с ребенком, который развивается не по стандарту. Она просто любила и любит Сашу. И не отмахивается от желаний, потребностей сынишки, делится с ним, чем может.

— А не было у вас проблемы спичек? — допытывался я у Киры Георгиевны. — Обычно взрослые, оставляя детей одних, прячут от них спички.

— Что вы! Какая проблема. Я с первых месяцев старалась, чтобы он усвоил слово «нельзя». Никогда особенно не журила за шалость, за любопытство, но за нарушение запрета наказывала строго. Раз предупредили, объяснили, почему этого нельзя делать, — значит, нель-

зя. Игрушки ломать — нельзя. Стала неинтересна, отдай, подари другому, но не ломай! Это труд людей. Ее на фабрике собирали, на заводе металл для нее плавил, руду для нее добывали... Ребенок должен и может понимать, что за вещами — люди, их труд. Может, поэтому старую курицу, знаете, такую механическую, которая все клюет. Саша раз десять разбирал и смазывал. Саша вообще рукодельник. Дома все чинит. Не отец, а он. И соседям помогает... Это он в деда пошел, — добавляет Кира Георгиевна и тут же дополняет свой тезис о наследственности: — Саша трудолюбив, необычайно усидчив. Для него в детстве самыми страшными, самыми оскорбительными словами были «лодырь» и «злодей». Я так и объясняла: кто труд других портит, зло делает — злодей. Но я никогда не видела в послушании цель. Старалась развивать самостоятельность в принятии решений. Ехать надо, спешим, но выбирай: на автобусе или троллейбусе. В магазин идешь: покупай что хочешь, но чтобы обед получился. Сам принимай решения, сам за них и отвечай. Это тоже труд, труд ответственности...

Ее труд, вложенный в Сашу, чуть было не испортили наши многочисленные инструкции, оберегающие детство. Знакомые из Киева настаивали, чтобы Сашу отдавали не в первый класс, ему там делать нечего, а сразу в четвертый. Уверяли, что такое возможно, ссылаясь на прецедент семьи Никитиных из Подмосквы. Но этим уверениям не верили ни покладистый директор школы № 14, куда по семейной традиции должен был идти Саша, ни в роно, ни в облоно. Пришлось пойти до Министерства просвещения Украины. Там разрешили, в порядке эксперимента. А пока пробивалось разрешение, Саша учился неделю в первом классе, месяца полтора-два во втором. А потом сразу пошел в четвертый... Дальше никого не обгонял. После седьмого перешел в спецкласс.

Испытание школой было непростым. Учителя сразу же разделились на два лагеря (их и сейчас два и останется два для таких ребят, как Саша, в самых разных школах). Для одних, как для Валентины Александровны Жуковской, его первой учительницы математики, он был индикатором профессионального мастерства. По нему, начинавшему «играть», как только становилось скучно от однообразных задач, она определяла, что более сильным нужно дать новую пищу для ума. Другие, это в основном учителя гуманитарных предметов, были недовольны. Мальчик, по их мнению, развивался однобоко. По истории, а

затем и по географии появлялись тройки, даже в четвертях. Мама ни на кого не обижалась. Просто приходилось больше заниматься с сыном, разжевывать терминологию. Старания мамы и усидчивость сына делали свое дело. Положение выравнивалось, появлялись четверки и пятёрки.

Правда, географию нынешний студент института до сих пор считает скучным предметом — особенно экономическую: приходится зазубривать, что где расположено. Логики не видно... И с «Войной и миром» в девятом классе (в двенадцать лет) не заладилось. «И Достоевского не понял!» — уверяли меня учителя. Я с ними соглашался. Да, для Саши, он и сам об этом говорит, как и для его сверстников, более увлекательными оказываются фантастические романы Беляева, Бредбери, Уэллса. Да, не согласуются эти потребности подростков с программой по литературе.

«И почему в школе почти не изучаются произведения более современные — Абрамова, Айтматова, Распутина, Белова, одни обзоры!» — удивлялась Кира Георгиевна. — Ведь литература должна учить жизни, окружающей жизни, помогать осмысливать ее... Что ж, лет через сто, наверное, кого-то и из современных писателей произведут в классики, но не поздно ли будет?»

Они, Вечерки, боятся опоздать. И живут насыщенно, так, чтобы если работать, так уж работать. И потому подъем в половине седьмого. На работу на велосипеде. И у Саши подъем вместе со всеми. И лекции просматривает он после лекций, а не накануне сессии, как большинство студентов... Читает специальную литературу, решает непростые задачи, делает себя. И современными танцами успевает заниматься, как до этого шахматами, настольным теннисом, борьбой и многим чем еще...

«У Саши нет сверхвыдающихся способностей», — говорят родители. Я соглашаюсь. Потому что знаю: за талантливым учеником ищи талантливых учителей. И формулу здисоновскую о том, что гений — это один процент хотения и девяносто девять потенция, помню. Человека не только создал, но и создает труд.

Да разве не это еще раз доказала старшая дочь Вечерков, Лена? В двадцать лет она мастер спорта международного класса. Многократная победительница первенства Европы, первенства СССР и множества других соревнований по настольному теннису.

«С Леной тоже все получилось случайно», — объясняла Кира Георгиевна. — Полная она была. Полная и высо-

У Саши нет феноменальных способностей. «Это все родители!» — говорили многие учителя. В этих словах был упрек. Упрек необычный. Обычно учителя жалуются, что родители не занимаются с детьми, что к моменту поступления в школу не обучили ребенка читать и считать. Тут жаловались на другое: слишком много внимания уделяется детям. Некоторые говорили более откровенно: «Это они ради своей славы лишили его детства!»

Но сколько я ни пытался понять, какого же детства лишили Сашу, так и не смог выяснить. Детства с возней на переменах, когда девятиклассники, «играясь» со своим одноклассником, как с младшим братишкой, носили его то на закорках, то под мышкой? Это было? Было. Детства с упорительной рыбалкой на Днепре, любимом Днепре, который никакой Крым не заменит? Детства с любимыми собаками, задумчивой Арой и шустрым Филиппом, потешно изображающим, как валяется пьяный дядька? Так и это есть. Может, он с ребятами в футбол мало гоняет? По дворотням лазит и по чужим садам? Может, и мало. За исключением футбола, мама в этом действительно ограничивает. Ограничивает, но не лишает...

«Да, Саша еще ребенок. Спросишь, как отдохнул в воскресенье. Хорошо, говорит, с ребятами на санках катались...» — улыбаясь, сказал заместитель декана физико-математического факультета Виктор Петрович Берман.

Детство, которое видят вузовские преподаватели, почему-то не видели и не хотят видеть школьные учителя. Одни с внутренней обидой говорили о том, что Саша «не блистал» на областных олимпиадах по математике. Другие сетовали на то, что Достоевского не понял и историю с обществоведением в достаточной мере не осознал... Сетовали так, будто бы за школьным порогом для Саши жизнь кончилась, самообразование и самовоспитание тоже. Ничего не подлаешь — не сумели, не успели вложить... Хотя тут же соглашались, что в политических событиях разбирался неплохо, а Достоевского со временем, с возрастом, как и философию, поймет...

Правда, говорили в один голос, что Саша улыбчивый, приветливый, незлобивый мальчик. Но тут же сетовали, что

в коллектив не вписался. От «уже дружащих с девочками» одноклассников его тянуло к однокласскам в шестой или седьмой, где у него были свои друзья. «Рос вне коллектива!» — заключали учителя. Будто коллектив определяется списком в классном журнале да цифрой на дневнике, обозначающими твою принадлежность к этому списку.

Точно так же определяли и негармоническое развитие Саши. Ида Валентиновна Пилипенко, учительница физкультуры, жаловалась, что от одноклассников он, конечно же, отставал в физическом развитии. Да и по сравнению со своими одноклассками результаты показывал средние: «На золотой значок ГТО не вытянул, сдал лишь на серебряный...»

Ох, уж эта магия показателей, волшебство привычки мыслить по схемам, по инструкциям! Все учителя в один голос говорили, что и они, и одноклассники очень быстро привыкали к тому, что среди них учится этот мальчик. Да, Саша Вечерок не гармоничная личность, если мерить эту гармонию прохождением программы средней школы. Но ведь и эту программу Саша освоил на общепринятые четверки и пятёрки. И первую сессию тоже сдал на «хорошо» и «отлично», лучше многих сокурсников.

Он учит всех нас — своим трудолюбием, своим стремлением к познанию. Так же, как его родители учат любви и преданности детям. И высокому уважению к ним, уважению требовательностью. Тем, что не сюсюкают с детьми, не играют в бирюльки, не надеются на то, что авось что-нибудь из них да и выйдет, а помогают идти выше и выше и находить удовольствие в том, чтобы раздвигать горизонты своих возможностей.

Хочу подчеркнуть мысль, вероятно, не новую: мы невнимательны к нестандартным детям, их способностям, особенностям развития. Мы часто не понимаем, что наши дети не могут двигаться по жизни с точностью железок на поточной линии. Экстерн за три года мы воспринимаем как чудо просто потому, что у нас его нет, не предусмотрен ни в одной школе, и по пальцам можно перечислить специализированные классы (не говоря о школах) не только для юных математиков, но и историков, литераторов, биологов...

Мы будто не замечаем, как равнодушны к современным детям, к их возможностям «комплексные» программы в детском саду и в школе, формирующие комплексы примитивного мышления по накатанным схемам, задерживающим развитие способных, как Саша, ребят.

Мы жалуемся на возрастающую бездуховность подрастающих поколений, говорим о необходимости гуманизации образования и... урезаем уроки литературы в 9-м классе, уроки нравственности, столь необходимые, как доказано многими исследованиями, именно в 15—16 лет. Делаем это вместо того, чтобы повнимательнее посмотреть на уроки математики в начальной школе, которые мало чем отличаются от стародавней арифметики. «Первый класс вроде института» у нас пока что только в песне да в домах немногих вундеркиндов — обыкновенных детей, не лишенных настоящего детства.

Да, трудная дорога в космос. Но не менее труден путь преодоления косности мышления, косных представлений о нестандартных путях развития личности. Трудно быть вундеркиндом, потому что приходится преодолевать трудности порой искусственные, нами же созданные. Потому что мы до сих пор не ответили на множество вопросов, связанных с реформой школы: школа существует для детей или дети для школы? Учатся ли они в ней или их там учат? И могут ли они учиться сами, забегая вперед? А если их учат, то чему? Хождежню по кругу, топтанию на месте или стремлению к нашей же помощи пойти дальше нас?

Публикации «Смены»

Лет пятнадцать назад был на Арбате комиссионный магазин. Заглянешь в него на минутку — и пропал, застрял на долгие часы. Какой только старинных, каких картин разных эпох и всевозможных стилей не было в магазине, питаемом остатками старого быта московских обветшалых особняков, чердаками, а то и мусором, выгребаемым из сносимых домов; чего только не приносили сюда престарелые вдовы, дети и внуки давно ушедших художников.

Записные коллекционеры увлекались тогда голландцами семнадцатого века, в крайнем случае их могла заинтересовать работа передвижника из первого десятка. Экспертиз никаких не было, каждый решал сам, что подлинник, а что фальшивка.

В магазине часто продавались по доступной цене маленькие, в ладонь, живописные этюды Сергея Малютина, Туржанского, Крымова, других художников московской школы. Я стал потихоньку приобретать кое-что из этих «малышей» — привлекали сочность палитры и смелость снайперски точных мазков. Графика меня интересовала меньше, но из любопытства я копался и в ней.

Однажды попался мне на глаза рисунок женской головы. Загрязненный, в разводах и пятнах, почти разорванный пополам, он был в самом плачевном виде. Но шли от рисунка какие-то сильные токи, неизъяснимая прелесть и благородство таились в чертах этого лица, в грациозном повороте головы, в линиях шеи и плеч... На обороте — несколько контурных набросков той же натурщицы. В этих линиях словно прозвучала знакомая мелодия: я читал тогда монографию Э. Ацаркиной о Брюллове, и зрительная память, сработав, заговорила о сходстве.

Не Карла Павловича ли рука?

Рисунок стоил для меня неслыханно дорого, но коллекционерская страсть и неизбывная мечта найти жемчужину, «навозну кучу разгребая», оказались сильнее.

В волнении полетел я домой и с бьющимся сердцем начал листать монографию... Вот они, очень похожие наброски на странице 251 (издание 1963 года)! Но что такое мнение начинающего коллекционера?

Я поехал к своему приятелю Борису Ивановичу Белянинову, художнику и опытному реставратору.

— Брюллов? Что же, идея grandiosa, — сказал он, всматриваясь в портрет. — Трудно что-либо утверждать: вещь в таком состоянии... Брюллов или не Брюллов, а головка мне нравится. Есть искусство.

ПОРТРЕТ АВДОТЫ ЛУГОВСКОЙ РАБОТЫ КАРЛА БРЮЛЛОВА, СЧИТАВШИЙСЯ ПОРТРЕТОМ НЕИЗВЕСТНОЙ.

Стоит привести в порядок и изучить как следует. Я реставрацией графики не занимаюсь, а вот есть Тамара Ютанова, она из пепла возрождает рисунки. Может, возьмется?

Тамара Николаевна полюбилась портретом, уверенно отнесла его к первой половине XIX века, повздыхала, говоря о сложности реставрации, и все же за работу взялась.

Руки Ютановой действительно сделали чудо. Портрет преобразился. Часто я разглядывал его, силился угадать судьбу этой женщины, любовался совершенной формой головы, лебединой шеей, скромно опущенными глазами, лукавой полуулыбкой... Кто она, эта красавица? Время шло, ответа на вопрос не находил.

В 1974 году появилась книга «Женский портрет в русском искусстве XIX — начала XX века» Л. Мочалова и Н. Барабановой. Добываю книгу, начинаю читать и на 27-й странице под названием «Портрет неизвестной» вижу мою очаровательницу. Здесь она еще более привлекательна: смотрит прямо и смело, та же полуулыбка, лебединая шея, ее чистый лоб, ее овал лица — это она! Подпись и дата: К. Брюллов, 1836 год, Москва.

Внизу, на поле рисунка, неизвестная рука начертала драгоценное пояснение: «Особа эта была матерью той натурщицы, которая служила моделью при исполнении статуи Иваном Петровичем Витали, находящейся в Императорском Эрмитаже». Знаменитый скульптор Витали! Вот куда потянулась ниточка. И к радостному открытию — «моя» красавица зажгла творческий огонь у самого «Великого Карла»! — доба-

ПРЕТ

вилось еще одно: она дала жизнь девушке, ставшей прообразом одного из прекраснейших созданий русской скульптуры. Стремление узнать хотя бы ее имя разгорелось с еще большей силой.

Сразу возник вопрос: случайно ли Иван Витали выбрал в натурщицы дочь женщины, которую рисовал Брюллов в 1836 году? Ведь именно в том году живописец с триумфом вернулся в Россию и довольно продолжительное время жил в Москве в доме Витали на Мясницкой. Напрашивалось заключение: Витали знал эту женщину уже тогда.

В поисках подтверждения догадки начал читать о Витали все, что имелось в доступной литературе. Никаких следов, кроме сообщения о том, что Витали лепил эрмитажную «Венеру» с античной статуэтки. Расширяю круг, включая в него близких родственников Брюллова и Витали. Просматриваю в книге «Русское искусство первой половины XIX века», редактированной А. И. Леоновым, очерк, посвященный П. Ф. Соколову, женатому на Юлии Павловне, родной сестре Брюллова.

Есть попадание! На странице 247 воспроизведен изумительный соколовский акварельный портрет «моей» незнакомки с подписью «Жена... скульптора Витали!» На ней платье модного в конце 30-х годов покроя. Именно тогда Витали вылепил бюст Соколова. Цепь будто бы замкнулась в нерасторжимое кольцо фактов, но я чувствовал, что одного важного звена все же еще недостает. В самом деле, в 30-е годы жена, а после 1852 года всего-навсего «особа»? Что-то было не так...

С хорошо упакованным портретом я отправился в Третьяковку на консультацию.

Милая молодая искусствоведша полюбовалась головкой, отметив грациозность основного контура и удачно схваченную художником загадочную полу-

Оставалось «перелопачивать» литературу самому. Семейная жизнь Витали оказалась загадочной. Известно было, что Иван Петрович учился в Петербурге у итальянца Трискорни, а потом перебрался в Москву, где возглавил филиал его скульптурной мастерской. После смерти Трискорни московский филиал неожиданно унаследовал Витали. Я говорю «неожиданно» потому, что Трискорни имел прямых наследников, сыновей-скульпторов, казалось бы, им и карты в руки. Не женился ли Витали на дочери своего петербургского учителя? И как-то стало приходить понимание, что недостающее звено увлекшей меня истории следует искать в Ленинграде.

Но подходящего случая не было, а основная работа держала в Москве.

В начале марта 1984 года служебные дела привели меня все-таки в Ленинград, но время поглощалось поездками за пределы города и неотложными текущими делами. Уже в самом конце месяца связываюсь с заведующей отделом скульптуры Русского музея Шапошниковой.

— У нас нет данных о личной жизни Витали, — разочаровала меня Лидия Петровна, — нас интересует искусство, а не семейные дела скульпторов. Имени натурщицы Брюллова мы тоже не знаем. Поищите в архивах...

После этого разговора невольно подумал о литературоведах: давно ушли они от узковедомственного, что ли, подхода к изучению истории нашей культуры. Если удастся выяснить, кому посвящено то или иное стихотворение или чей профиль начертал поэт на полях манускрипта, какую местность изобразил на своей любительской акварели, или просто обнаруживается личное письмо — это считается событием в культурной жизни, подчас открытием.

Просматриваю карточки; с каждой минутой настроение падает. Фонды, описи, дела, документы, письма. Нужно ли смотреть все эти счета, записки, жалобы, рапорты, пенсионные дела, письма? Вернее, можно ли? Чтобы разобрать хоть страницу выцветшей и обветшалой скорописи прошлого века, нужно время. Тут работы на месяцы, если не на годы. А у меня несколько часов на все про все, благо архив открыт до полдевятого и благо сотрудники, узнав, что я ищущий, советуют ознакомиться с тем или иным делом.

Останавливаюсь на девяти наименованиях. В материализованном виде это оказалось стопкой документов в пуд весом, и еще сверху лежала коробка с роликом микрофильма.

Выхватываю из документов факты, как нужные камешки для мозаики. Получается картина: в 1844 году Витали числился холостяком, затем женился на Аделаиде Рицци, и было в ту пору девице Рицци девятнадцать. Тут вспомнилась мне акварель Соколова, на которой изображена женщина зрелая, во всей силе лет. Это не могла быть Рицци, ведь Соколова в 1848 году уже не было в живых: стало быть, девятнадцать плюс четыре — двадцать три года, и никак не больше могло быть «портретируемой» в том случае, если бы действительно позировала Рицци. Выходило, что Соколов в конце 30-х годов рисовал другую женщину и тоже жену Витали?! А что — все в жизни бывает и бывало...

Предположив, что «незнакомка моя» состояла с Витали в гражданском браке, продолжаю листать дела. Брюллов, Витали, Трискорни — вот три имени, которые уже автоматически выхватывает глаз из общего потока. Взяв в руки дело № 234 из фонда № 515, я по какому-то наитию решил, что в нем есть все, что нужно для однозначного ответа на оба вопроса: кого рисовали Брюллов и Соколов и кто послужил моделью для «Венеры»?

В деле этом были подшиты документы, относящиеся к 1854 году, когда Витали уже был тяжело и неизлечимо болен. Обремененный пятью детьми и долгами, которые успела наделать расточительная молодая жена, скульптор должен был считаться и с крупными материальными претензиями, которые предъявила Авдотья Луговская, мать молодой натурщицы.

Не та ли это женщина, следы которой я давно ищущий?

«РАСЧНЫХ НЕЗНАКОМОК ИМЕНА

**Борис
ЗОТОВ**

улыбку. Относительно авторства она сказала так: — В брюлловских рисунках обычно чувствуется трепет живой природы. А здесь нечто, не совсем соответствующее манере Карла Павловича.

Колесания молодого специалиста были мне понятны: с ходу взять на себя ответственность, когда речь идет о большом имени, сложно. Творческое наследие Брюллова велико, попробуй экспромтом найти верные ключи. И я отважился подсказать:

— Вы очень верно подметили, что обычно есть трепет. Обычно! Но Брюллов работал в разных манерах, в зависимости от задачи. Смотрите: это не бытовой портрет, а этюд или эскиз для монументальной религиозной композиции. Вот следы овального нимба над головой. Чрезвычайно похожий рисунок — и тоже с нимбом — есть в третьем томе «Истории искусств» П. Гнедича на странице 459.

— Да, действительно похоже...

— Брюллов выполнял много церковных заказов, в том числе и для католиков. — Я раскрыл книги, показал брюлловские наброски в монографии Ацаркиной.

— Похоже, похоже. Очень хорошо, что вы сделали предварительный поиск и пришли к нам не с пустыми руками. Но коль скоро работа не подписана, оставим авторство Карла Павловича под вопросом?

— Да меня волнует не атрибуция. Хотелось бы узнать биографию натурщицы, ее имя хотя бы.

— Это сложно. Потребуется исследование, далеко выходящее за рамки консультационной работы...

**ПОРТРЕТ АВДОТЬИ ЛУГОВСКОЙ,
ПРЕДПОЛАГАЕМЫМ АВТОРОМ КОТОРОГО
ЯВЛЯЕТСЯ КАРЛ БРЮЛЛОВ.**

Об Анне Керн знают все или почти все. А между тем усилиями Брюллова в живописи и Витали в скульптуре утверждались русские духовные ценности как самостоятельная и в то же время неотъемлемая часть мировой культуры, иными словами, они делали то же самое, что делал Пушкин в литературе, а Глинка — в музыке. Брюллов принес русскому искусству мировую славу, и его портрет «неизвестной» 1836 года, репродуцированный в альбоме «Женский портрет в русском искусстве», можно считать графическим эквивалентом пушкинскому «Я помню чудное мгновенье». А созданная Витали «Венера» — разве это не чудо, не застывшая поэзия? И не чудо ли, что Глинка был вдохновлен обворожительной Екатериной, дочерью Анны Петровны Керн?

Размышляя так, я пришел к убеждению, что необходимо сделать все возможное и развязать узел накопившихся вопросов и загадок, восстановить незаслуженно затерянное имя.

...Иду мимо Адмиралтейства. Солнце, легкий мороз. Нева забита мелко колотым льдом, только у Петропавловки ярко синее полоса чистой воды и в ней золотой змейкой пляшет опрокинутый шпиль.

Делаю небольшой крюк, чтобы пройти около Исаакиевского собора — только рядом с ним ощущаешь грандиозность этой массы ювелирно обработанного камня и металла. Украшали здание те же Брюллов с Витали. Здесь гордо прозвучало брюлловское: «Мне тесно! Я бы теперь расписал небо!»

Выхожу — равнение на Петра! — на набережную Красного флота. Дом 4. Встречают оскаленные каменные львы. Здание сената, каталог. В огромном зале тысячи, может быть, десятки тысяч ящиков, набитых карточками.

С каждой прочитанной строкой крепнет уверенность: она! Нет никаких сомнений: и Витали, и Луговская пишут о длительной работе именно над моделью «Венеры, снимающей сандалию». Витали называет общее число сеансов «до 50», Луговская же оперирует не числом сеансов, а общей продолжительностью позирования — 5 месяцев.

Не в том дело, что Витали пообещал выплачивать натурщице 15 рублей серебром каждый месяц, и притом пожизненно. Горестная житейская история давно позади, важно лишь то, что лепил Витали свою знаменитую «Венеру» не с античной статуэтки, а с русской шестнадцатилетней девицы Екатерины Луговской!

Теперь объяснима надпись, сделанная на том, брюлловском портрете Луговской 1836 года. Писала, видимо, вдова Витали — Аделаида; в ее глазах Луговская никак не могла быть выше, чем просто «особа», ведь она покусалась ровно на четверть профессорского оклада Витали.

Итак, Брюллов и Соколов «портретировали» Авдотью Луговскую. Впрочем, девицу ее фамилию и обстоятельства жизни в Москве 30-х годов установить не удалось, выяснилось только, что она принадлежала до выхода замуж за мещанина Луговского к купеческому сословию.

История, начавшаяся на Арбате, еще не закрыта, но из крупиц истины составилась вполне определенная картина. Пусть у героев этой истории людские судьбы не стереотипны и не так прямы, как натянутая нить, — в их переплетении родились искры творчества, принесшего стране три выдающихся произведения искусства.

Любуясь мраморным шедевром Витали, вспомним об Екатерине Луговской, не пожалеем доброго слова и Авдотье Луговской — женщине, которая дала ей жизнь и чья красота вдохновляла лучших художников России.

Авдотья и Екатерина Луговские. Толща лет давно поглотила отзыв голосов и самые имена женщин. Но вот обнаружили следы... Не стоит терять их, чтобы не была обезличенной и беспредметной благодарностью за подаренные нам чудные мгновения мечты о прекрасном, о человеческом совершенстве.

Статья П. Смирнова «Детектив по-телевизионному» («Смена» № 21, 1985 г.) привлекла внимание читателей.

Мы продолжаем разговор о детективном жанре и его телевизионном варианте.

ТЕЛЕФИЛЬМ: ОЦЕНКИ И МНЕНИЯ

Резонанс, который вызвала анкета «Телефильм: оценки и мнения», опубликованная в № 3, лишний раз подтвердил, что телевидение занимает важное место в культурной жизни общества; практически любой фильм, предложенный зрителям, становится поводом для самых различных размышлений — грустных, ироничных, полных оптимизма или тревоги.

Мы не подводим итогов. Собственно говоря, это и невозможно: письма продолжают поступать сотнями, а в № 5 «Смены» мы повторно опубликовали анкету — чем больше читательских мнений, тем объективнее будут выводы.

Пока что зрительские симпатии склоняются в пользу двух телепремьер минувшего года: телефильмов «Противостояние» и «Дом, который построил Свифт».

Вот выдержки из некоторых писем. «На нашем телеэкране, несмотря на изобилие фильмов, явно чувствуется вакуум между «развлекательной» и «детективной». Почему, например, нет полноценных, поистине художественных фильмов о любви? Неужели это великое чувство не волнует ни сценаристов, ни режиссеров?! Но я, например, не могу назвать телефильма, убедительно рассказавшего нам, что такое любовь в современной жизни людей. Да, да, любовь! Взаимоотношения мужчины и женщины меняются: иные ценности, иные поступки движут нами в поисках взаимности. Только поймите меня правильно: мне кажется, что в наше время — время атакующей информации, расчета и гладкокровия, «деловых людей» — люди хотят услышать о любви, хотят рассказа о чистоте и силе чувства, которое во многом определяет поступки человека, его настроение, то, во имя чего он живет, как бы громко это ни звучало. Или же любовь измалывала настолько, что перестала волновать? Или любить разучились? Да не может быть! Не так это!.. Больше фильмов о любви, о дружбе, о порядочности! Тут дефицит!..»

В. СТЕПАНЕНКО,
Ленинград

«Почему мы так не любим телефильмы на «производственную тему»? Они, по-моему, отличаются удивительной безличностью и однообразием. В них все предсказуемо. Достоинство увидеть первые кадры, и уже понятно, чем фильм закончится и что покажут в середине. А когда художественное произведение предсказуемо, оно становится неинтересным. И потом, если фильм про завод, там обязательно действуют одни и те же люди: директора, главные инженеры, начальники цехов — все они одинаково грозно возмущаются, одинаково героически радуются, одинаково страстно переживают. Я даже заметил: если такой герой «крупным планом» смотрит с прищуром, значит, в ближайшее время он начнет бороться с издержками производства или отправится прудить реку на край земли и в конце концов обязательно всех победит. Словом, чтобы победить, достаточно один раз прищуриться... Скучно это. И неправда.

Итак, не будем подводить черту. Разговор остается открытым. Мы рады, что «анкетирование» не ограничилось лишь перечислением наименований телефильмов с пометкой «нравится — не нравится», а стало поводом для более серьезных размышлений о художественном уровне телефильмов, их тематике, способности откликаться на проблемы, волнующие наших современников.

Ждем новых откликов!

А чем же все-таки живут не начальники? Чем живут те, для кого и создается искусство? Почему не показывают молодых рабочих, ребят, которых сегодня призывают к самостоятельности, к умению руководить, принимать решения? Кроме того, телефильмы (большинство) отличаются неоправданно длиннотами, нужными разве что их создателям для «многосерийных» гонимых. Минут пять нас упрямо заставляют смотреть, как «пускают конвейер», потом минут пять он движется, потом показывают лицо героя, который на это движение смотрит, а все это означает, что герой как бы «проникся» и понял свое призвание... Не глупо ли так примитивизировать нашу жизнь? В общем, если на вопрос вашей анкеты о лучших фильмах отвечать серьезно, то следует задать и другой вопрос: а с чем сравнивать, где критерии? Лет за пять можно назвать один, два хороших фильма, но не больше. А за год — ув...»

В. КОЛЕСОВ, Воркута

Возможно, читатель все-таки слишком суров в своих оценках, хотя доля истины в его высказываниях присутствует — действительно, хороших, достойных телефильмов о жизни рабочего класса ничтожно мало.

А вот еще один сюжет для разговора. «Больше экранизаций классики! Это непереходящее, это наша история, это сила русского искусства! Нам нужна классика, мы, молодые люди, должны снова и снова открывать для себя такие понятия, как патриотизм, совесть, гражданственность, размышлять о категориях, которые в наше время почему-то сильно подзабыты. Развлечение — да, но ум и душу надо все-таки воспитывать, и телевидение не должно отстраняться от этой благородной задачи... Конечно, трудно экранизировать произведения Чехова, Гоголя, Булгакова... Но это «камень преткновения», на котором проверяется состоятельность художника, его жизнестойкость, его мировоззрение. А на нашем телеэкране в основном — гонки, «подсигкивание», «киночелюдманье». И все это зачастую на грани пошлости...»

Мария ЩУРСКАЯ, Москва

«Пишу вам после того, как прочитал статью Петра Смирнова «Детектив по-телевизионному». Читал и чувствовал, как захватывает во мне злость. Что, вам критиковать больше нечего? Лишь бы подискутировать, да? Хорошие фильмы по ТВ показывают редко, а как только вышел на экраны детектив, сразу давай его высмеивать со всех сторон: актеры плохо играют, режиссер не так снял и вообще все никуда не годится. А зрители-то смотрят и радуются. Возьмем, к примеру, телефильм «Инспектор Лосев». Его так раскритиковали, что дальше некуда. А мне он очень понравился. Да что, наконец, свет клином сошелся на детективе?! Можно привести массу фильмов, которые заслуживают резкой критики не меньше, чем детективные, но почему-то ее нет. Молодежь просто тянется к детективному жанру Вячеслав ТАРАСОВ, Калуга».

Мы не случайно начали обзор читательской почты с этого «сердитого» письма. Но не для того, чтобы просто обострить разговор о детективном жанре. Жаль, конечно, что автор не заметил очевидных недостатков телесериала «Инспектор Лосев». Уверен: если прочитать внимательно литературный первоисточник (который тоже, на наш взгляд, не лишен отдельных недостатков), то нельзя не заметить, что экранизация взяла у романа лишь верхний, чисто приключенческий слой, оставив за кадром социально-нравственную проблематику.

Действительно, социологи подсчитали, что молодежь в возрасте до 24 лет составляет подавляющее большинство кинозрителей. Не секрет также, что приключенческий жанр — один из самых любимых молодыми зрителями. Но как теле- и кинофильмы удовлетворяют эту потребность молодежи в ярком экранном зрелище? С точки зрения количества, вроде детективных лент у нас снимается много, так много, будто только они и должны исчерпывать все тематическое разнообразие приключенческого жанра. Может быть, в этом кроется причина столь ошеломляющего успеха неизвестных «Пиратов XX века»?

О качестве основного потока детективных лент резко, но вполне справедливо высказался Сергей ЗАХАРОВ из Старого Оскола Белгородской области: «Эти фильмы не несут ничего нового: затасканный сюжет, меняются только имена, место действия, состав преступлений. Лабиринт интриги, бегающие погоня, дитрый, но не очень умный преступник, милиционер — эдакий современный супермен... Все понятно в начале, все известно в конце. Преступник пойман, сыщик победил. В голове чисто и ясно... или пусто?»

Любое произведение искусства — даже если оно таковым в высоком смысле этого слова не является — обладает, помимо развлекательно-познавательной функции, еще и воспитательной. А воспитание, как известно, может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. Вспомните, к примеру, откуда пришло к нам недавнее увлечение зубдробительным каратэ. И если во многих письмах прозвучало признание того, что нам, дескать, очень понравился «Полуденный вор», то, наверное, не стоит видеть в этом только опуску — пропуск слова «фильм» перед названием.

Вот мнение специалиста — заслуженного юриста УССР А. КОРЕЦКОГО: «Детектив охотно смотрят все: старые и малые. И понятно, почему. Эти передачи всегда вызывают живые эмоции. Зрители ждут острого, напряженных моментов, и каждый как бы становится участником погони... Вроде бы нормально, но вот

недавно в следственном изоляторе мне, как защитнику, пришлось беседовать с шестнадцатилетним Сергеем М., который обвинялся в грабеже женщины. Он вырывал у них сумочки, срывал шапки и убегал. Больших денег он не похитил, а так, мелочи — зубную пасту, духи, перчатки, которые он потом выбрасывал.

— Зачем ты это делал? — спрашиваю. А он, такой розовощекий, улыбающийся, отвечает:

— А знаете, нравилось мне уходить от погоня! Здорово получается. Как в кино или на стометровке...

И я невольно подумал: а не копирует ли он кого-либо из «героев» детектива? Право же, переборчили авторы «Полуденного вора». Не должен вор, преступник вызывать симпатий у зрителя, особенно молодого. Ведь воспитание гражданина — долгий и трудоемкий процесс. Годами в семье, школе, на производстве ему твердят, что преступление — зло. А по телевизору вдруг оказывается, что преступник — чуть ли не благородный Робин Гуд. Нужны нам детективы? Конечно. Интересные, захватывающие, но обязательно наводящие — тонко и умно — зрителей на размышления о недопустимости правонарушения.

Как же добиться этого? Этот вопрос в той или иной форме часто сводится в читательской почте к категоричному предложению «запретить» все плохие детективы. Но вряд ли этот путь самый продуктивный. И даже не потому, что «запретный плод сладок». Просто «запретить» плохие фильмы, конечно, можно, хотя и трудно — искусство не «умеет» состоять из одних шедевров. «Телефильмы, поставленные по произведениям Ю. Семенова, — пишет тот же Сергей ЗАХАРОВ, — неизменно пользуются огромной популярностью. Они заставляют думать о мире, в котором мы живем...»

Главную заслугу «Противостояния» мы видим в том, что его авторы вслед за писателем пошли по пути, отличному от многих стандартных детективов. Они сиюминутно в неприимном поединке не просто следователя и преступника, но два мировоззрения — гуманистическую мораль нашего общества и человеконенавистническую суть фашизма.

Но нельзя не заметить и другого. Неоправданные длинноты фильма — затянутые и несколько однообразные свидетельские показания, сухие, казенные справки, монотонно зачитываемые с экрана, побочные сюжетные линии, уводящие нас далеко от основной темы, — словом, есть все основания предъявить претензии литературной первооснове фильма.

«Ведь был уже опыт неоправданной многосерийности, например, в телефильме «ТАСС упломочен заявить...», — пишет М. ПУЛЯЕВ из Мытищ Московской области. — То же впечатление и после просмотра «Противостояния»: кажется, что авторы «накручивают» заранее оговоренный метраж пятисерийной ленты. Мне кажется, что сценаристу Ю. Семенову и всему съемочному коллективу необходимо было строже подойти к телепроизведению, представленному на суд миллионов зрителей».

И последнее. Почему критика и критики так пристрастны именно к детективному жанру на телевидении? Наверное, по той простой причине, что «кому многое дано — с того многое и спросится». А теледетективу дано многое: и многомиллионная аудитория (которая порой и не снится его «кинособратьям»), и многосерийность, дающая возможность обстоятельно расследовать самое запутанное дело, а главное — прочная и горячая зрительская любовь к этому жанру.

Артур
КОНАН ДОЙЛ

Долшина Стрелы

РОМАН

Предположим, что была преступная тайна, действительно постыдная тайна в жизни Дугласа. Это привело к его убийству кем-то, кто был, скажем так, мстителем, человеком не из этого дома. Этот мститель по причине, которую я до сих пор не могу объяснить, забирает обручальное кольцо у мертвого. Возможно, вендетта берет начало во времена первой женитьбы мистера Дугласа и где-то там нужно искать причину похищения кольца.

Перед тем, как мститель успевает скрыться, в комнате оказываются Баркер и жена убитого. Убийца убеждает их, что любая попытка его арестовать приведет к огласке чего-то до отвращения позорного. Они проникаются этой мыслью и позволяют ему уйти. Для этой цели, возможно, они опускают мост, который может быть опущен и поднят почти бесшумно. Он удаляется и почему-то решает, что без велосипеда он будет в большей безопасности. Он, однако, прячет свою машину там, где ее не найдут, пока он не успеет благополучно исчезнуть. Пока что мы держимся в границах возможного, так ведь?

— Да, это, без сомнения, возможно, — сдержанно ответил я.

— Мы должны помнить, Уотсон, что в любом случае произошло нечто экстраординарное. Ладно, теперь пофантазируем дальше: эта пара — необязательно преступная пара — обнаруживает после ухода убийцы, что они поставили себя в положение, при котором им будет очень трудно доказать свою невиновность в убийстве или в подстрекательстве к нему. Тогда они действуют энергично и неуклюже. Баркер вымазанной кровью тапочкой оставляет отпечаток на подоконнике, чтобы навести на мысль об этом пути бегства. Понятно, именно они должны были первыми услышать выстрел из ружья, поэтому они поднимают тревогу сразу после того, как все сделано, но через добрых полчаса после события.

— И как вы предполагаете доказать все это?

— Гм, если там был кто-то посторонний, то он может быть выслежен и пойман. Это было бы самым эффективным из всех доказательств. Но если нет — что ж, тогда ресурсы науки далеко не истощены. Я собираюсь сегодня вечером засесть в той комнате и посмотреть, не подает ли на меня вдохновляюще ее атмосфера. Я верю в гения места. Улыбаетесь, дружище Уотсон? Ладно, посмотрим. Да, кстати, ведь ваш большой зонтик при вас?

— Вот он.

— Хорошо, я одолжу его у вас, если можно.

— Пожалуйста, но что за никчемное оружие! Если есть опасность...

— Ничего серьезного, мой дорогой Уотсон, иначе я непременно попросил бы вас помочь. Но я возьму зонтик. Сейчас я дожидаюсь только возвращения наших коллег из Тернбридж Уэллса, где они заняты поисками вероятного владельца велосипеда.

Уже стемнело, когда инспектор Макдональд и Уайт Мэзон вернулись из своей экспедиции — и вернулись ликующими, с сообщением об огромном успехе своих поисков.

— Признаюсь, у меня были сомнения насчет того, существовал ли вообще кто-то посторонний, — сказал Макдональд. — Но теперь все в прошлом. Мы идентифицировали велосипед и получили описание этого человека; вот какой шаг вперед принесло нам наше путешествие.

— Звучит для меня как начало конца, — сказал Холмс. — Будьте уверены, я поздравляю вас без всякой задней мысли.

— Я исходил из факта, что мистер Дуглас был чем-то взволнован накануне, после того, как побывал в Тернбридж Уэллсе. Это там он ощутил какую-то опасность. Было понятно, что если и существовал человек с велосипедом, то двигаться он мог только из Тернбридж Уэллса, раз он именно там был замечен. Мы взяли велосипед с собой и показывали его во всех гостиницах. Он был сразу опознан хозяином «Игл коммерсиал», как принадлежащий человеку по имени Харгрейв, который снял комнату два дня назад. Весь его багаж состоял из велосипеда и саквояжа. Он зарегистрировался как прибывший из Лондона, но адреса не сообщил.

Саквояж лондонского производства и вещи в нем, кстати, английские, но владелец его, вне всяких сомнений, американец.

— Хорошо, хорошо, — весело сказал Холмс. — Вы проделали, конечно, основательную работу, пока я сидел здесь с моим другом и создавал теории! Это урок быть практичным, мистер Мак.

— О, и ничего более, мистер Холмс, — удовлетворенно ответил инспектор.

— Но все это укладывается в ваши теории, — заметил я.

— Может, укладывается, а может, нет. Но расскажите до конца, мистер Мак. Не было там ничего для установления личности?

— Так мало, что он наверняка остерегался этого. Не было ни писем, ни бумаг, ни меток на одежде. Велосипедная карта графства лежала у него на столе. Вчера утром, после завтрака, он на велосипеде покинул гостиницу, и никто больше не слышал о нем вплоть до наших розысков.

— И это меня смущает, мистер Холмс, — сказал Уайт Мэзон. — Если человек не хочет привлечь к себе внимание, то, по идее, он должен бы возвратиться и жить в отеле как безобидный турист. А так — должен же он знать, что владелец гостиницы сообщит о нем полиции и что его исчезновение будет связано с убийством.

— Мог бы сообразить. До сих пор, однако, он — по той или иной причине — не пойман, так что его поведение себя оправдывает. Но насчет описания — каков он?

Макдональд сверился со своей записной книжкой:

— Вот все, что они смогли сообщить. Они в общем-то не особенно приглядывались к нему, но и портю, и конторщик, и горничная в основном сходятся. Это человек около шести футов роста, приблизительно пятидесяти лет, волосы чуть поседевшие, седые усы, кривой нос — его лицо все описывают как неприятное и отталкивающее.

— Что ж, кроме выражения лица, все почти точь-в-точь подходит к самому Дугласу, — сказал Холмс. — Ему было чуть за пятьдесят, седящие волосы и усы, приблизительно того же роста. Есть что-нибудь еще?

— Он был одет в плотный серый костюм с двубортным жакетом, в короткое желтое пальто и мягкую шляпу.

— Что о ружье?

— Оно меньше двух футов, спокойно могло уместиться в саквояже и без всяких трудностей пронесено под пальто.

— И как, вы полагаете, все это связано с главным делом?

— Что ж, мистер Холмс, — сказал Макдо-

нальд, — когда мы его поймем — а я разослал телеграммы с его приметамы через пять минут после того, как их узнал, — мы сможем лучше обо всем судить. Но даже с тем, что есть, мы продвинулись очень далеко. Мы знаем, что американец, назвавший себя Харгрейвом, прибыл в Тернбридж Уэллс два дня назад с велосипедом и саквояжем. В последнем было обремененное ружье, так что прибыл он с явным преступным намерением. Вчера утром он выехал оттуда на велосипеде, с ружьем, спрятанным под пальто. В Бёрлстоуне его никто не видел, насколько мы смогли установить, но не нужно проезжать по деревне, чтобы достичь ворот парка, к тому же на дороге много велосипедистов. Скорей всего, он сперва спрятал велосипед среди кустарников, где тот и был найден, и, возможно, затаился там сам, наблюдая за домом и поджидая мистера Дугласа. Дробовик — странное оружие для употребления в доме, но если он собирался использовать его снаружи, то выгода тут очевидна: во-первых, никак не промахнешься, и, во-вторых, звук выстрела не привлечет бы особенного внимания, поскольку он вполне обычен в этих охотничьих краях.

— Все это весьма логично, — сказал Холмс.

— Но мистер Дуглас не появился. Что же он тогда делает? Он оставляет свой велосипед и в сумерках пробирается к дому. Мост опущен, никого вокруг нет. Он использует свой шанс, приготовив наверняка отговорку на случай встречи с кем-нибудь. Но никто не встречается. Он проникает в первую комнату, которую заметил, и прячется за шторой. Оттуда он мог видеть, как поднимают мост, и понять, что бежать он может только через канал.

Он ждал до четверти двенадцатого, когда мистер Дуглас, совершая свой обычный вечерний обход, вошел в комнату. Он застрелил его и скрылся, как и задумывал. Он решил, что велосипед может быть описан работниками гостиницы и навести на его след, поэтому он бросил его и направился, передумав, в Лондон или в какое-то укромное место, которое он заранее заготовил. Как вы на это смотрите, мистер Холмс?

— Что ж, мистер Мак, все это очень убедительно. Таков ваш последний вывод. Мой последний вывод — преступление было совершено на полчаса раньше, миссис Дуглас и Баркер в споре и что-то скрывают, они способствовали бегству убийцы — или по меньшей мере попали в комнату перед тем, как он бежал, — и они сфабриковали видимость его бегства через окно, в то время как, по всей вероятности, они сами его выпустили, опустив мост. Такова моя трактовка первой части.

Оба детектива покачали головами.

— Но, мистер Холмс, если это правда, мы только сменяем одну тайну на другую, — сказал инспектор.

— И кое в чем на худшую, — добавил Уайт Мэзон. — Леди никогда не была в Америке. Что такого могло связывать ее с американским убийцей, чтобы укрыть его?

— Я отлично осознаю трудности, — сказал Холмс. — Я собираюсь предпринять сегодня собственное небольшое расследование и, весьма вероятно, нащу нечто такое, что позволит установить общую причину.

— Можем мы помочь вам, мистер Холмс?

— Нет, нет! Темнота и зонтик доктора Уотсона — вот что мне нужно. И Амиц, верный Амиц, который наверняка подготовит мне место. Все мои размышления без вариантов возвращают меня к одному главному вопросу: почему явно спортивный

человек совершенствовал свое телосложение, пользуясь таким ненатуральным приспособлением, как одна гантель?

Была уже поздняя ночь, когда Холмс вернулся из своей одинокой экскурсии. Мы разместились в комнате с двумя кроватями, лучшей, которую смогли предоставить нам в деревенской гостинице. Я уже спал, когда был разбужен его приходом.

— Ну что, Холмс? — пробормотал я. — Нашли вы что-нибудь?

Он остановился позади меня в молчании, со свечой в руке. Затем его длинная, худая фигура наклонилась ко мне.

— Скажите, Уотсон, — прошептал он, — вы не боитесь спать в одной комнате с лунатиком, с человеком, страдающим размягчением мозгов, с идиотом, растерявшим все свои умственные способности?

— Ни в малейшей степени, — с изумлением ответил я.

— А, это приятно, — сказал он и больше не проронил ни слова в ту ночь.

Глава седьмая

Отгадка

На следующее утро, после завтрака, мы нашли инспектора Макдональда и Уайта Мэзона в небольшой приемной местного сержанта полиции. Весь стол был завален письмами и телеграммами, которые тщательно разбирались и помечались. Три сообщения были отложены в сторону.

— Все еще в поисках исчезнувшего велосипедиста? — весело спросил Холмс. — Есть новости об этом негодяе?

Макдональд уныло показал на кипу корреспонденции.

— Он уже опознан в Лейстере, Ноттингеме, Саутгемптоне, Дерби, Ист Хеме, Ричмонде и в четырнадцати других местах. В трех из них — Ист Хеме, Лейстере и Ливерпуле — он уже арестован. Кажется, страна переполнена беглецами в желтых пальто.

— Господи! — сочувствующе проговорил Холмс. — Послушайте, мистер Мак, и вы, мистер Уайт Мэзон, я хочу дать вам самый искренний совет. Как вы, конечно, помните, мы условились, начиная расследование, что я не буду предлагать полудоказанных теорий, но воздержусь от всяких сообщений, пока не проработаю свои идеи настолько, чтобы быть уверенным в их правильности. По этой причине я не могу сейчас рассказать вам обо всем, до чего я дошел. С другой стороны, я обещаю играть с вами в честную игру, а было бы нечестно позволить вам впустую растратывать энергию, мучаясь над бесполезной задачей. Поэтому я здесь, чтобы дать вам совет, и заключается он в трех словах: оставьте это занятие.

Макдональд и Уайт Мэзон в изумлении уставились на своего прославленного коллегу.

— Вы считаете все безнадежным? — выдохнул инспектор.

— Я считаю, что ваше занятие безнадежно. Я не считаю, что безнадежно добраться до правды.

— Но этот велосипедист? Он не выдумка. У нас есть его описание, его велосипед, его саквояж. Почему мы не должны искать его?

— Да, да, без сомнения, он существует, и, без сомнения, мы должны искать его. Но я не хочу, чтобы вы растратывали энергию на Ист Хем и Ливерпуль. Я убежден, что успешные поиски должны вестись намного ближе.

— Вы что-то недоговариваете. Вряд ли это хорошо с вашей стороны, мистер Холмс, — с неудовольствием сказал инспектор.

— Вы знаете мои методы работы, мистер Мак. Я надеюсь все открыть вам в самое ближайшее время. Я только хотел бы определенным — и очень несложным — путем уточнить детали. А затем я откланяюсь и вернусь в Лондон, предоставив все результаты полностью к вашим услугам. После этого на вас свалится много работы; я не могу припомнить такого странного и интересного дела за всю мою жизнь.

— Это выше моего понимания, мистер Холмс. Мы виделись с вами, когда вернулись из Тёрнбридж Уэллса вчера вечером, и вы, в общем, были согласны с нашими результатами. Что же произошло с тех пор, заставившее вас пересмотреть взгляды на это дело?

— После этого я провел, как и собирался, несколько часов в Мэнор Хаузе.

— Да, но что произошло?

— Знаете, пока я бы мог ответить вам только в самых общих чертах. Кстати, я прочел короткое, но ясное и интересное описание старого дома, которое я за скромную сумму в один пенс купил в здешней мелочной лавке.

И Холмс достал из кармана жилета небольшую книжечку с грубой гравюрой, изображавшей Мэнор Хауз, на обложке.

— Интерес к историческому прошлому окружающего может в огромной мере сдобрить вкус расследова-

ния, мой дорогой мистер Мак. Не смотрите так раздраженно, должен заверить вас, что даже такая убогая книжечка пробуждает в уме картины прошедшего. Позвольте привести вам пример: «Основанный в пятый год правления короля Якова I, Мэнор Хауз возведен на фундаменте более старого здания и представляет собой один из прекраснейших сохранившихся образцов окруженной рвом якобианской резиденции...»

— Вы держите нас за дураков, мистер Холмс!

— Ай-я-яй! Мистер Мак, впервые пеняю вам за несдержанность. Ладно, не буду читать все дословно, раз вы так уж против этого. Но когда я скажу, что это место избрал парламентский полковник в 1644 году, что здесь несколько дней скрывался Карл во время гражданской войны и, наконец, что здесь побывал Георг II, то, согласитесь, в связи с этим старинным зданием возникают различные интересные ассоциации.

— Несомненно, мистер Холмс, но это не наше дело.

— Разве? Разве? Широта взглядов, мой дорогой мистер Мак, — один из краеугольных камней нашей профессии. Взаимосвязь идей, опора на окольные знания часто приносят огромную пользу. Вы должны простить эту нотацию тому, кто пусть и не раскрыл преступления, но все же старше и, возможно, опытнее вас.

— Я это первым признаю, — охотно отозвался инспектор. — Как и признаю, что вы идете к цели, но что за чертов окольный путь вы выбрали?

— Хорошо, хорошо, опущу все причины и перейду к тем следствиям, которые необходимы нам на данный момент. Я провел эту ночь, как уже сказал вам, в Мэнор Хаузе. Я не видел ни Баркера, ни миссис Дуглас, но я рад был услышать, что леди не настолько подавлена, чтобы не заказать себе превосходный обед. Мой визит был предпринят специально к доброму мистеру Амису: мы обменялись любезностями, и кончили тем, что он, не говоря никому ни слова, позволил мне посидеть одному в кабинете некоторое время.

— Как? С этим трупом! — воскликнул я.

— Нет, нет, все было уже в порядке. Вы ведь разрешили убрать труп, мистер Мак, насколько я знаю. Комната была в нормальном состоянии, и я провел в ней очень поучительные четверть часа.

— Но что вы делали?

— Не буду превращать в загадку такую простую вещь. Я искал исчезнувшую гантель. Я с самого начала считал это пунктом первостепенной важности. В конце концов я ее нашел.

— Где?

— Гм, здесь мы уже подходим к границе неисследованного. Дайте мне пройти чуть-чуть дальше, совсем чуть-чуть, и я обещаю поделиться с вами всем, что знаю сам.

— Ладно, нам ничего не остается, как принять ваши условия, — сказал инспектор. — Но раз уж дошло до совета все бросить, почему, ради всего святого, мы должны бросать дело?

— По той простой причине, мой дорогой мистер Мак, что вы не представляете себе, что же вы расследуете.

— Мы расследуем убийство мистера Джека Дугласа из Бёрлстоун Мэнора.

— Все так, все так. Но не напрягайтесь, ловя таинственного джентльмена на велосипеде. Клянусь, это вам не поможет.

— Но что же вы предлагаете делать?

— Я как раз собирался вам об этом сказать, если вы не против.

— Что ж, должен сказать, всегда выяснялось в итоге, что ваши самые странные пути имеют причину. Я сделаю то, что вы посоветуете.

— А вы, мистер Уайт Мэзон?

Местный детектив беспомощно переводил взгляд с одного на другого. Холмс и его методы были в новинку для него.

— Ну что же, если это достаточно хорошо для инспектора, то достаточно хорошо и для меня, — сказал он наконец.

— Отлично! — сказал Холмс. — Тогда я предложил бы вам пока что приятную бодрящую прогулку по окрестностям. Говорят, что с Бёрлстоунского гребня открываются чудесные виды на Узльдский лес. Мы наверняка сможем перекусить в одной из тамошних гостиниц, хотя из-за незнания местности я не могу рекомендовать ни одной. Вечером усталые, но счастливые...

— Черт! Что за неуместные шутки! — вскричал со стула инспектор Макдональд.

— Ладно, ладно, проводите день, как пожелаете, — дружелюбно похлопал его Холмс по плечу. — Делайте, что хотите, идите, куда хотите, но перед наступлением темноты будьте здесь, и без опоздания. Без опоздания, мистер Мак.

— Это звучит намного разумнее.

— И все остальное было превосходным советом. Но не буду настаивать, только будьте здесь в нужное

время. А теперь, перед тем как мы разоидемся, я хочу, чтобы вы написали записку мистеру Баркеру.

— Да?

— Я продиктую ее, если хотите. Готовы?

— Дорогой сэръ!

Мне пришел в голову, что моя прямая обязанность — осушить канал в надежде, что мы найдем...

— Это невозможно, — сказал инспектор. — Я наводил справки.

— Тише, тише. Дорогой сэръ, пожалуйста, делайте то, что я прошу.

— Ладно, продолжайте.

— ...найдем что-то, что продвинет расследование. Я уже распорядился, и рабочие приступят к отводу воды завтра с раннего утра...

— Невозможно!

— ...с раннего утра. Поэтому я подумал, что лучше предупредить вас заранее.

Теперь распишитесь и отправьте с посыльным около четырех часов вечера. В четыре мы опять встретимся в этой комнате. До того каждый волен делать, что хочет, потому что, могу вас заверить, в расследовании наступила определенная пауза.

Уже спускался вечер, когда мы вновь собрались. Холмс держался очень серьезно, я тоже, но оба детектива были настроены недоверчиво и раздраженно.

— Итак, джентльмены, — решительно начал Холмс, — я прошу вас теперь присоединиться к моему эксперименту, и вы сами сможете судить, совпадут ли наши наблюдения с выводами, к которым я пришел. Вечер холодный, а я не знаю, сколько продлится наша экспедиция. Так что я прошу вас надеть самые теплые пальто. Очень важно, чтобы мы оказались на месте до темноты. Поэтому с вашего разрешения мы сейчас тронемся в путь.

Мы прошли вдоль границ парка, окружавшего Мэнор Хауз, и через дырку в заборе проникли внутрь. Затем вслед за Холмсом в сгущающихся сумерках добрались до кустарника, росшего напротив главного входа и подъемного моста. Мост еще не был поднят. Холмс пригнулся, прячась за густыми ветками, и мы последовали его примеру.

— Так, что ж мы будем делать дальше? — недовольно прохрипел Макдональд.

— Вооружим наши души терпением и будем производить как можно меньше шума, — ответил Холмс.

— Зачем мы вообще здесь? Думается мне, вы могли бы все открыть нам и без этих фокусов.

Холмс рассмеялся:

— Уотсон подтвердит вам, что я люблю драматизировать действительность. Наклонности художника не дают мне покоя, неотвязно требуя постановки хороших спектаклей. Да, наша профессия, мистер Мак, была бы убогой и жалкой, если бы мы порой не возводили подмошек, чтобы приукрасить свои результаты. Тяжеловесные обвинения, грубое хватание за плечо — что можно извлечь из такой развязки? Но быстрые умозаключения, тонкие ловушки, предвидение событий, триумфальные подтверждения смелых теорий — разве не в этом гордость и удовлетворение от нашей работы? Сейчас вы взбудоражены очарованием ситуации и предчувствием охоты. Что бы осталось от этого трепета, если бы я был сух и точен, как расписане? Подождите немножко, мистер Мак, и все станет ясным для вас.

— Ладно, надеюсь, гордость, удовлетворение и все прочее подоспеют раньше, чем смерть от холода, — с комичной покорностью отозвался лондонский детектив.

Мы все могли бы вполне присоединиться к этому пожеланию; наше бдение тянулось бесконечно долго. Медленно сгущались тени над длинным мрачным фасадом старого дома. Холодные и влажные испарения рва проморозили нас до костей, до лязга зубов. Над входом в дом горела одинокая лампочка, да в окне рокового кабинета виднелся светлый шар. Весь остальной дом был темен и тих.

— Долго еще? — спросил наконец инспектор. — И чего мы, собственно, ждем?

— Насколько это затянется, я знаю не лучше вас, — чуть сердито ответил Холмс. — Если бы преступники действовали по графику, как поезда, то для нас это было бы, конечно, намного удобней. Поскольку же мы... Вот, ВОТ чего мы ждали!

Пока он говорил, кто-то заслонил источник света в кабинете своей фигурой. Кусты, в которых мы прятались, находились прямо напротив окна, на расстоянии не более ста футов от него. Окно, скрипнув петлями, распахнулось, и мы различили темный силуэт мужчины, вглядывавшегося в темноту. Несколько минут он опасно осматривался, как будто желая удостовериться, что за ним никто не следит. Затем наклонился вперед, и в полной тишине до нас донесся мягкий всплеск потревоженной воды. Он вроде бы шарил в канале чем-то. Затем потянул вверх, как рыболов рыбу, какой-то большой круглый предмет, полностью закрывший оконный проем.

— Вперед! — вскричал Холмс. — Пора!

Мы поднялись и неуверенно двинулись за ним на заколеченных ногах. А он уже быстро перебежал через мост и яростно зазвонил в колокольчик. Послышалось лязганье затворов, и перед нами предстал изумленный Амис. Холмс отстранил его, не говоря ни слова, и влетел в комнату, где находился увиденный нами снаружи человек.

Свет, который мы видели в окне, испускала стоявшая на столе масляная лампа. Теперь она была в руке мистера Баркера, повернувшегося к нам, когда мы вошли. Она осветила его сильное, волевое лицо и разгневанные глаза.

— Какого дьявола? — заорал он. — Что вам вообще тут надо?

Холмс быстро огляделся и вытащил из-под стола запертый узел, обвязанный веревкой.

— Нам нужно вот это, мистер Баркер. Утяжеленный гантелей узел, который вы только что извлекли со дна.

Баркер с изумлением возрился на Холмса:

— Откуда, черт вас раздери, вы это знаете?

— Потому только, что я сам его туда положил.

— Вы положили? Вы?!

— Вернее сказать: положил обратно. Вы помните, инспектор Макдональд, что я был несколько смущен исчезновением гантели. Я обратил на это ваше внимание, но вы из-за обилия всего другого не нашли времени сделать надлежащих выводов. Когда рядом с водой пропадает тяжелый предмет, то предположить, что он утонув в этой воде, не слишком абсурдно. Идея требовала по меньшей мере проверки; поэтому вчера с помощью Амиса, впустившего меня в комнату, и ручки зонтика доктора Уотсона я выудил и изучил этот узел.

Однако было необыкновенно важно установить, кто же положил его туда. И мы этого добились, сообщив, что канал будут осушать завтра утром. Ведь, конечно, теперь тот, кто спрятал сверток, должен был попытаться извлечь его, как только позволит темнота. Четыре свидетеля не без пользы наблюдали за этим снаружи, и теперь, мистер Баркер, я думаю, слово за вами.

Шерлок Холмс поставил мокрый узел на стол рядом с лампой и разорвал веревку, которой тот был обвязан. Он извлек оттуда гантелю и отшвырнул ее в угол, где лежал ее близнец. Потом он вытащил пару ботинок.

— Американские, замечаете? — сказал он, указывая на пятки. Потом он выложил на стол длинный смертоносный нож в ножнах. Под конец он распутал клубок одежды, содержащий полный комплект нижнего белья, носки, серый твидовый костюм и желтое пальто.

— Одежда ничего не значащая, — заметил он, — кроме пальто, подходящего нам по всем приметам. — Он аккуратно повернул пальто к свету. — Здесь, как вы видите, есть внутренний карман, вытнутый в длину так, чтобы было достаточно места для обрезанного охотничьего ружья. Под воротником — петелька с маркой портного: «Нил, поставщик, Вермисса, США». Днем я побывал в библиотеке приходского священника и пополнил свои знания, выяснив, что Вермисса — цветущий маленький городок в центре Вермисской долины, одного из самых известных угольных и сталелитейных районов Соединенных Штатов. Я храню некое воспоминание, мистер Баркер, что вы связывали угольные районы с первой женой мистера Дугласа, и, конечно, не совсем бесспорным будет вывод, что В. В. на карточке должно означать Вермисса, Вермисская долина, и что эта долина, засылающая агентов-убийц, и есть та самая Долина страха, о которой мы слышали. Тут все вполне понятно. А дальше, мистер Баркер, лучше будет, я думаю, послушать ваши объяснения.

Надо было видеть выразительное лицо Баркера во время объяснений великого детектива! Гнев, изумление, ужас, колебания сменяли друг друга. Наконец, он замкнулся в ядовитой иронии.

— Вы знаете так много, мистер Холмс, может, лучше будет, если вы расскажете остальное, — ухмыльнулся он.

— Я, без сомнения, мог бы рассказать намного больше, мистер Баркер; но, наоборот, было бы любезней с вашей стороны...

— О, вы так думаете? Хорошо, здесь не моя тайна, и я не тот человек, который ее выдаст.

— Но если вы занимаете такую позицию, мистер Баркер, — мягко сказал инспектор, — мы должны не упускать вас из виду, пока не получим ордер на арест и не задержим вас.

— Делайте, что вам будет угодно, — упрямо сказал Баркер.

Казалось, на этом мы зашли в тупик: достаточно было взглянуть на каменное лицо Баркера, чтобы понять — ни страх, ни сила, ни время не сломят его решительности. Но тут раздался женский голос, сдвинувший дело с мертвой точки.

— Вы сделали достаточно Сесиль, — в комнату

вошла миссис Дуглас, до этого слушавшая наш разговор, стоя у приоткрытой двери. — Что бы дальше ни случилось, вы сделали достаточно.

— Достаточно и даже более, — серьезно заметил Холмс. — Я полностью с вами согласен, мадам, и я бы настоятельно советовал вам правильно оценить ваше положение и добровольно поверить полиции все ваши тайны. Может быть, я сам допустил промах, не восприняв намека, который вы передали мне через доктора Уотсона; но в то время у меня были все причины полагать, что вы основательно замешаны в преступлении. Теперь я убежден, что это не так. И теперь, когда еще остается так много необъясненного, я бы убедительно рекомендовал вам попросить самого мистера Дугласа поделиться с нами его собственной историей.

Миссис Дуглас вскрикнула от удивления, услышав слова Холмса. Мы откликнулись эхом, когда осознали, что некий человек будто бы возник из стены и выступил к нам из темного угла, в котором он появился. Миссис Дуглас обернулась и на миг обвила руками его шею. Баркер вцепился в его вытянутую руку.

— Это лучше всего, Джек, — повторила его жена. — Я знаю, так лучше всего.

— Разумеется, мистер Дуглас, — сказал Шерлок Холмс. — Уверен, что и сами вы сочтете это лучшим.

Человек глядел на нас, моргая, как тот, кто вышел из темноты на свет. У него было примечательное лицо: смелые серые глаза, густые коротко стриженные седые усы, квадратный выступающий подбородок и выразительный рот. Он оглядел всех нас и затем, к моему изумлению, протянул мне бумажный сверток.

— Я слышал о вас, — выговор его, весьма приятный, не был ни американским, ни английским. — Вы летописец вашего друга. Что ж, доктор Уотсон, вам еще ни разу не попадалась история, подобная этой, готов поспорить на последний доллар. Расскажите ее сами. Но здесь есть факты, которые вы недолго будете скрывать от публики, познакомившись с ними. Я провел взаперти два дня и в дневные часы, ловя каждую светлую минуту в этой крысиной норе, писал вот эти записки. Они понравятся вам — вам и вашим читателям. Это история Долины страха.

— Все это прошлое, мистер Дуглас, — спокойно сказал Холмс. — А нам бы хотелось услышать нынешнюю историю.

— И вы ее услышите. Только можно я сперва закурю? Спасибо, благодарю вас, мистер Холмс. Вы, если не ошибаюсь, сами курите и можете себе представить, каково это — сидеть два дня с табаком в кармане и со страхом, что запах тебя выдаст. — Дуглас наклонился к горящему камину и жадно раскурил сигару, предложенную ему Холмсом. — Я слышал о вас, мистер Холмс. Никогда не думал, что мне придется с вами встретиться. Но даже перед тем, как вы ознакомились с этим, — он указал на бумаги, — вы подтвердите, что я преподнес вам нечто новенькое.

Инспектор Макдональд глядел на незнакомца с величайшим изумлением. Наконец он обрел дар голоса:

— Нет, это невероятно! Если вы мистер Дуглас из Берлстоун Мэнора, чью смерть мы расследуем два дня, то где ж вы до этого были? Вы выпрыгнули прямо-таки, как чертик из коробки!

— Ах, мистер Мак, — сказал Холмс, укоризненно покачивая указательным пальцем, — вы так и не ознакомились с рассказчиком о том, как здесь прятался Карл I. В те времена люди прятались только в надежных укрытиях, а любое надежное укрытие может быть использовано снова. Я был уверен, что мы найдем мистера Дугласа под этой крышей.

— И долго вы водили нас за нос, мистер Холмс? — сердито спросил инспектор. — Долго вы позволяли нам заниматься поисками, о которых уже знали, что они абсурдны?

— Ни единого момента, инспектор. Только вчера ночью мои взгляды на дело определились. Но воплотить до нынешнего вечера не было окончательных доказательств. Я пригласил вас и вашего коллегу приятно провести день. Помилуйте, что я еще мог сделать? Когда я нашел во рту этот узел, мне стало ясно, что убит вовсе не мистер Дуглас, а этот велосипедист из Тернбридж Уэллса. Иной вывод невозможен. Но мне надо было установить, где же сам мистер Дуглас. Самым вероятным было, конечно, что с помощью жены и друга он прячется в доме, имеющем множество укромных мест, и собирается окончательно исчезнуть, когда уляжется тревога.

— Все точно, — одобрительно сказал Дуглас. — Я задумывал обмануть ваш английский закон и потому, что не знал, как он на меня посмотрит, и потому, что видел хороший шанс навсегда сбить псов с моего следа. Поверьте мне, от начала и до конца я не сделал ничего постыдного и ничего, чего бы я не сделал опять. Но вы сами сможете судить об этом, когда узнаете мою историю. Не надо предупреждать меня, инспектор, — я готов говорить правду и только правду.

Не будем начинать сначала. Все это там, — он указал на бумажный сверток, — и все это будет для вас чрезвычайно любопытным. Итак, есть люди, у которых был веский повод ненавидеть меня и которые отдали бы последний доллар, чтобы меня настигнуть. Пока я жив и они живы, для меня нет безопасного места во всем мире. Они охотились за мной от Чикаго до Калифорнии; охотились вне пределов Америки. Но когда я женился и осел в этом тихом местечке, я думал, что безмятежно доживу свои последние годы.

Я ни о чем не рассказывал жене. Зачем мне нужно было ее втягивать? У нее бы не стало после этого спокойной минуты, ей бы всюду мерещились угрозы. Может, она что-то знала: я иногда упускал словечко тут или там. Но истинных очертаний дела она не представляла даже еще вчера, когда говорила с вами, джентльмены. И она, и Баркер рассказали вам все, что знали; в тот вечер было слишком мало времени для объяснений. Теперь она знает все, и, может, разумней было бы, если бы я поделился с ней раньше. Это трудный вопрос, дорогая, — он на секунду задержал ее руку в своей. — Я-то старался сделать как лучше.

Итак, джентльмены, за день до всех событий я был в Тернбридж Уэллсе и мельком заметил человека на улице. Только мельком, но реакция у меня быстрая, и я ни на миг не сомневался, кто это такой. Это был мой злейший враг из них всех: все эти годы он гонялся за мной, как голодный волк за карibu. Я понял, что пришла беда, и пригостился ее встретить, когда вернулся домой. Я полагал, что преодолю ее собственными силами — моя удача вошла в поговорку в Штатах в 1876 году. Я не сомневался, что и теперь она меня не оставит.

Весь следующий день я был настороже и ни разу не вышел в парк. Иначе бы он подстрелил меня до того, как я успел бы приблизиться к нему. Потом мост подняли — а я всегда чувствовал себя спокойней, когда мост поднимали по вечерам, — и я выкинул все из головы. Мне и не снилось, что он может проникнуть в дом и поджидать меня. Но когда я по привычке обходил в халате дом, то почувствовал опасность, как только вошел в кабинет. Наверное, когда человек перенес за жизнь многое, у него появляется какое-то шестое чувство, отмахивающее его красным флажком. Я увидел этот сигнал совершенно ясно, хотя и не мог бы объяснить, как и почему. В следующее мгновение я заметил торчащий из-за шторы ботинок, и мне все стало понятно.

В самой комнате горела только свеча, которую я держал, но лампа в холле давала через открытую дверь достаточно света. Я поставил свечу на стол и прыгнул за молотком на камине. В ту же секунду он бросился на меня. Сверкнул нож; я ударил молотком. Я попал по нему, и нож звякнул об пол. Быстро, как угорь, он скользнул вокруг стола и выхватил дробовик из-под пальто. Я услышал, как он взводит курки, но я успел ухватить ствол до того, как он выстрелил. Минуту или больше мы боролись. Разжать пальцы означало для любого из нас верную смерть.

Нет, он не ослабил хватки, но он на мгновение дольше, чем нужно, задержал руку на нижней части приклада. Может, это я нажал курки. Может, мы просто в борьбе зацепили их. Но оба ствола выпалили ему в лицо. И вот я смотрел на то, что осталось от Теда Болдуина. Я узнал его еще в городе и снова узнал, когда он прыгнул на меня, но в таком виде его бы даже родная мать не узнала. Я человек не из слабых. Но мне стало дурно от одного взгляда.

Я стоял, держась за край стола, когда вбежал Баркер. Потом я услышал, как спускается жена, и бросился к двери, чтобы остановить ее. Это было зрелище не для женских глаз. Я пообещал ей, что скоро к ней поднимусь. Потом сказал два слова Баркеру — он все понял с единого взгляда, — и мы стали ждать, когда подоспеют остальные. Но никто не появился. Тогда мы поняли, что никто ничего не слышал и только мы знаем обо всем происшедшем.

Тогда-то меня и осенила идея. Я был прямо-таки ослеплен ею. Рукав убитого задрался, и была видна коричневая выжженная метка лжи, треугольник внутри круга, точно такая же, как у меня. — Человек, которого мы знали под именем Дугласа, задрал рукав, и мы увидели на его руке точно такой же знак, как и на руке мертвеца. — Только я взглянул, как ясно представил себе все остальное. Мы были одного роста, телосложения и цвета волос. Лица бы его никто не разобрал. В четверть часа мы с Баркером сорвали с него всю одежду, нарядили в мой халат и положили так, как вы нашли его. Все его вещи мы увязали в узел, утяжеленный единственной тяжестью, которую я смог найти, и вышвырнули в окно. Карточка, которую он собирался положить возле моего тела, была положена возле его собственного.

На его пальцы мы надели мои кольца. Но когда дошло до обручального кольца... — Он вытянул вперед свою мускулистую руку. — Сами видите, снять его нельзя. Я не снимал его со дня свадьбы, и теперь его можно только распилить, иначе оно не слезет. Я,

правда, не думал, что это привлечет внимание, но если б и так, я бы при всем желании не стянул его. Поэтому мы в данном случае положились на волю судьбы. С другой стороны, я налепил убитому кусочек пластыря на то же место, которое и у меня было залеплено в тот день. Вы проглядели это, мистер Холмс, при всем вашем уме: ведь если бы вы сняли пластырь, то не нашли бы под ним никакого пореза.

Так это было. Если бы я смог тихо отсидеться, а потом уехать и встретиться со своей «вдовой», то мы могли бы надеяться провести остаток нашей жизни в покое. Эти дьяволы не оставили бы меня, пока я хожу по земле. Но если бы они прочли в газетах, что Болдуин со мной покончил, это стало бы концом моих тревог. У меня не было времени для доскональных объяснений Баркеру и жене; но они поняли достаточно, чтобы мне помочь. Я знал о потайном укрытии. Знал и Амиос, но ему ни разу не пришлось в голову связать его с происшествием. Я удалился туда, а Баркер доделал остальное.

Вы и сами понимаете, что он сделал. Открыл окно, оставил след на подоконнике, чтобы подсказать путь бегства убийцы. Да, бежать таким образом — задача нелегкая; но раз мост был поднят, то другого пути быть не могло. Затем, когда все было готово, он изо всех сил зазвонил в колокольчик. Что произошло потом, вы знаете. А теперь, джентльмены, поступайте, как вам угодно. Я рассказал вам правду и только правду, так что суди меня бог! Что бы я хотел знать, так это, что со мной теперь будет по английским законам?

Наступило молчание, прерванное Шерлоком Холмсом:

— С вами не поступят хуже, чем вы заслуживаете, мистер Дуглас. Но мне хотелось бы знать, как этот человек узнал, где вы живете, узнал, как проникнуть в ваш дом, где спрятаться, чтобы убить вас?

— Ничего об этом не знаю.

— Тогда боюсь, история еще не кончена, — сказал Холмс с сильно побледневшим и посуровевшим лицом. — Вас ждет опасность пострашнее английского закона или даже ваших врагов в Америке. Я боюсь за вас, мистер Дуглас. Послушайтесь моего совета, будьте всегда начеку.

А теперь, мои долготерпеливые читатели, давайте перенесемся на какое-то время далеко от Суссекса. Мы совершим путешествие на двадцать лет назад и на несколько тысяч миль западнее, чтобы я мог развернуть перед вами единственное в своем роде и страшное повествование — настолько уникальное и страшное, что вам будет трудно в него поверить, даже если я заверю вас, что все это правда.

Не думайте, что я навязываю вам одну историю, не кончив другой. Прочтя, вы поймете, что это не так. А когда я поведаю вам о далеких событиях и раскроется тайна прошлого, мы с вами встретимся в тех самых комнатах на Бейкер стрит, где уже многие удивительные приключения подходили к концу.

Часть вторая

Долина страха

Четвертое февраля 1875 года. Вечерний поезд медленно тащился мимо поселков шахтеров и сталелитейщиков. Ехали в нем в основном рабочие. Двое полицейских в мундирах и с кокардами, несколько женщин, несколько путников, похожих на владельцев небольших магазинчиков, дополняли компанию. И, кроме них, молодой человек, лет около тридцати, одиноко сидевший в углу. На нем мы и остановим наше внимание.

Он был крепкого сложения, среднего роста, с большими, пронзительными искрящимися серыми глазами. Легко заметить, что он дружелюбен и прост, готов с открытым сердцем отнестись к любому человеку. Однако твердый подбородок и крепко сжатые губы могли бы подсказать более внимательному наблюдателю, что в этом человеке есть тайные глубины и что симпатичный темноволосый ирландец может с равным успехом оставить добрый или злой след.

Он глядел на унылую местность в окне со смешанным выражением интереса и неприязни, показывавшим, что все здесь вновь для него. Затем он извлек из-за пояса предмет, наличие которого вряд ли мог кто-нибудь предположить у такого тихого на вид человека, — флотский револьвер самого крупного калибра. Он быстро перепрятал оружие во внутренний карман, но его уже заметил рабочий, сидевший рядом.

— Эй, приятель, — сказал он, — ты, кажется, подкован и ко всему готов.

Молодой человек в замешательстве улыбнулся:

— Да, порой это бывает нужно там, откуда я.

— И откуда же ты?

— Из Чикаго.

— Новичок в этих краях?

— Да.

— Есть у тебя здесь друзья?

— Нет. Но я надеюсь их приобрести.

— Каким образом?

— Я состою в Великом Ордене. Нет города, в котором не было бы ложи, а где есть ложа, там я найду друзей.

Рабочий подсел поближе.

— Темные ночи неприятны, — сказал он.

— Да, для странствующих, — ответил молодой человек.

— Порядок. Я Брат Сканлан, ложа 341, Вермисса. Рад вас видеть.

— Благодарю. Я Брат Джек Макмурдо, ложа 29, Чикаго. Геррмейстер — Дж. Г. Скотт. Рад так быстро встретить брата.

— Куда ты направляешься?

— В Вермиссу.

— Третья остановка на линии. Где ты остановишься?

— Якоб Шафтер, Шеридан стрит. Это пансионат, рекомендованный мне одним из друзей.

— Что ж, может, в ближайшее время увидимся на одном из заседаний ложи. И запомни: если у тебя будут неприятности, обращайся к геррмейстеру Макджинти.

Сканлан сошел, оставив Макмурдо наедине с его мыслями.

— Вы что, новичок в этих краях, молодой человек? — раздался голос рядом с ним.

Макмурдо обернулся и увидел полицейских.

— Да, ну и что? — сердито спросил он.

— Только то, мистер, что я бы советовал вам быть осторожней в выборе друзей. Я бы на вашем месте не стал начинать со знакомства со Сканланом или кем-то из этой банды.

— Какого дьявола вас волнует, кто мои друзья? — взревел Макмурдо так, что весь вагон обернулся. — Я что, спрашиваю вашего совета? Говорите, когда попросят, но от меня вы этого не дожидаетесь!

— Что ж, тогда, наверное, мы с вами в скором времени свидимся.

— Не думайте, что я вас боюсь! — продолжал бушевать Макмурдо. — Меня зовут Джек Макмурдо, я остановлюсь у Якоба Шафтера в Вермиссе, я не собираюсь от вас прятаться, ясно?

Полицейские пожали плечами и вернулись к прерванному между собой разговору.

Через несколько минут поезд остановился на нужной станции, а еще через полчаса Макмурдо разговаривал с хорошенькой девушкой, открывшей ему дверь.

— Я думала, это отец, — сказала она с немецким акцентом. — Вы к нему? Он в городе. Я жду его с минуты на минуту.

— Нет, мисс, — ответил после паузы молодой человек, — я не спешу с ним увидеться. Но ваш дом был мне рекомендован для жилья. Я полагаю, что он мне подойдет, а теперь я знаю это точно.

— Вы быстры в выводах, — с улыбкой сказала девушка.

— Помедлить с выводом мог бы только слепой, — ответил Макмурдо.

И он обосновался в пансионате Шафтеров. С самого начала он показывал неприкрытым восхищением, что дочка владельца покорила его сердце в тот миг, когда он впервые увидел ее очарование и красоту. Поклонником он был не из робких. На второй день он объяснился ей в любви и был отнюдь не обескуражен ее отрицательным ответом.

— Другой! — вскричал он. — Что ж, тем хуже для другого! Дайте ему только заявиться самому! Что, я должен терять счастье всей жизни и всю страсть своего сердца ради другого! Ладно, говорите пока «нет». Этти: наступит день, когда вы скажете «да», а я достаточно молод, чтобы подождать!

Он был опасен со своим бойким ирландским языком и довольно лживой манерой обращения. А также особым налетом жизненного опыта и тайны, пробуждающей в женщине сначала интерес, а потом любовь.

Но тут как раз у него состоялся неприятный разговор с отцом девушки.

Окончание следует.

Перевел с английского
Алексей БИРГЕР.

Рисунки
Елены
УЛЬЯНОВОЙ

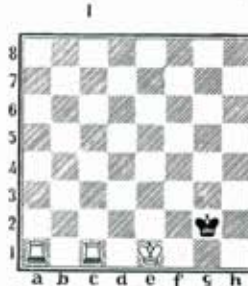
28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

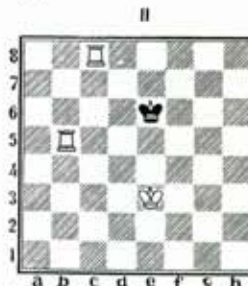
ЛИНЕЙНАЯ ИГРА

Ладьям подолгу приходится стоять в углу и терпеливо ждать, когда можно будет вырваться на оперативный простор, где и проявляется их истинная сила. При первой же возможности ладьи устремляются на открытую линию и, сдвигаясь, захватывают ее. С азвом мы учимся ставить ладьями простейший линейный мат неприятельскому королю, а со временем все глубже проникаем в секреты эффективного взаимодействия двух ладей. Сегодняшние задания — на эту тему.

Седьмой тур

Белые: Кре1, Ла1, Лс1 (3)
Черные: Крг2 (1)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Кре3, Лб5, Лс8 (3)
Черные: Креб (1)
Мат в 4 хода (2 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 7-й тур». Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 15 июля.

Белые: Крф3, Ла3, Лд3 (3)
Черные: Крг6, Лб4, Лс2 (3)
Выигрыш (4 балла)

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного
тренера БССР Виктора КРАМАРЕНКО

КОМБИНАЦИОННАЯ «ЛЕСТНИЦА»

В основе любой комбинации лежит идея. Она определяется ответом на вопрос: с помощью каких средств, каким методом осуществляется комбинация. Отдельные идеи получили образные названия.

Противник игравшего белыми мастера А. Купцова уже предвкушал радость победы. Ведь если увести шашку белых d4 от нападения на поле c5 ходом 1. dc5, то последует 1. ... cd6 2. cb6 dc3 3. b:d4 e:c3, и черные прорываются к дамочным полям. Но А. Купцов использовал предоставленный в его распоряжение свободный темп для подготовки комбинации с идеей, получившей название «лестница».

1. ef4! e:c3 2. ed2! c:e1 3. fe5! f:d4 cb2 a:c1.

Для осуществления комбинации «лестница» белые пропускают в дамки не одну, а две черные простые.

5. gh4 e:g3 6. h:f4 c:g5 7. h:g1 с выигрышем. Шестой и седьмой ходы белых — последовательные удары, осуществляемые двумя бортовыми шашками по параллельным диагоналям: два шага по «лестнице».

Седьмой тур

В. Бирюзов

А. Коврижкин

В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 3 балла).

Ответы на задания седьмого тура присылайте с пометкой: «4-я шашечная олимпиада. 7-й тур. «64». Каждое задание на отдельной открытке. Рассматриваться будут ответы, отправленные до 15 июля (по почтовому штемпелю).

Анатолий ЛЕРНЕР

Конкурс клубов карикатуристов продолжается. В этом номере мы публикуем работы членов клуба «АРХИУМ». Клуб родился 1 апреля 1983 года в Киеве при Союзе архитекторов Украины. В составе клуба 15 молодых карикатуристов. Уже прошло несколько выставок, уже получены награды на международных конкурсах, но почему-то верится, что главные успехи пока впереди. Речь, разумеется, об успехах творческих.

Конкурс клубов карикатуристов продолжается. В этом номере мы публикуем работы членов клуба «АРХИУМ». Клуб родился 1 апреля 1983 года в Киеве при Союзе архитекторов Украины. В составе клуба 15 молодых карикатуристов. Уже прошло несколько выставок, уже получены награды на международных конкурсах, но почему-то верится, что главные успехи пока впереди. Речь, разумеется, об успехах творческих.

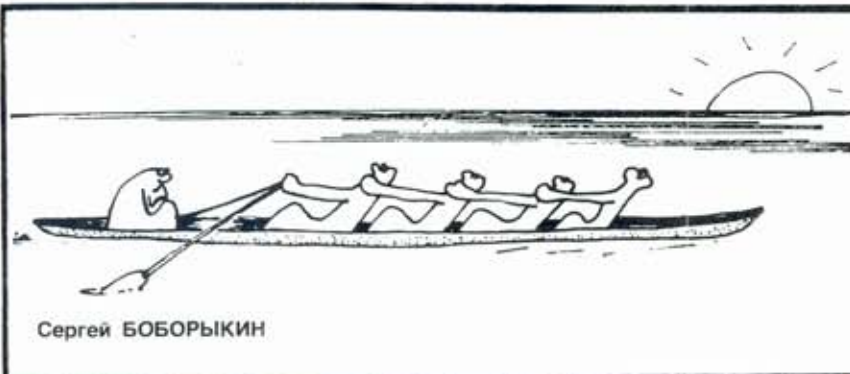
Юрий КОСОБУКИН

Владимир КАЗАНЕВСКИЙ

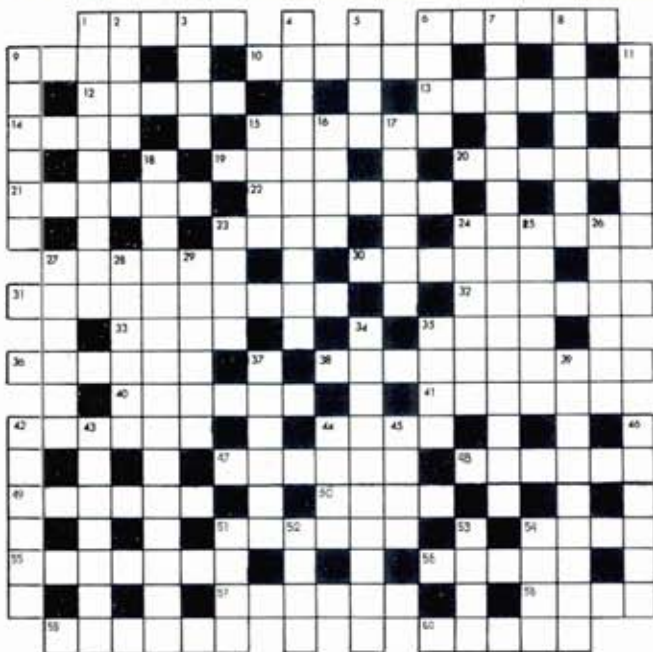
Анатолий КАЗАНСКИЙ

Сергей БОБОРЫКИН

К Р О С С В О Р Д

Составил
М. РЕШЕТИЛОВ,
Москва

По горизонтали:

1. Фамилия испанских химиков, братьев, первыми получивших металлический вольфрам. 6. Один из самых крупных якутских алмазов. 9. Название крутого берега реки в Сибири. 10. Один из шести известных с глубокой древности металлов. 12. Европейская родственница папируса. 13. Сцилла и... — чудовища в греческой мифологии, гроза мореходов. 14. Движитель на судах, сменивший гребное колесо. 15. Протянута нитка — на клубок не смотать (загадка). 19. Беда, напасть. 20. Часть оболочки глазного яблока. 21. Продольная цветная нашивка на форменных брюках. 22. Передовой отряд в старой русской армии. 23. Газ, виновник кессонной болезни. 24. Рыба, обычно живущая в нижнем течении рек. 27. Троянец в «Илиаде», убитый Диомедом. 30. Часть пчел, покинувшая летом улей. 31. Наука, без которой, по мнению средневекового врача Парацельса, немислима медицина. 32. «Опять...» — картина Ф. Решетникова. 33. Река в Минской области. 35. Упрек. 36. Столица Мали. 38. Черный подделочный ка-

мень с сине-зелеными переливами. 40. Полая деталь машины. 41. Движение мяча после удара о землю. 42. Днепр — Борисфен, Дон —... 44. Русское название острого красного перца. 47. Большая беломорская лодка. 48. Французское владение в Америке. 49. Красящее вещество, известное еще древним египтянам. 50. Любимый музыкальный жанр Б. Шоу. 51. Зимняя рабочая одежда. 54. Вулкан в Европе. 55. Понятность, четкость. 56. Итальянский физик, один из основоположников квантовой электродинамики. 57. Жительница теплых краев. 58. Сушеный виноград. 59. Речная рыба, обычная пища форели. 60. Морская буря.

По вертикали:

1. Специалист-хозяйственник. 2. Принадлежность для плавания. 3. «Известно, ... родятся коммерсантами» (Ж. Верн. «С Земли на Луну»). 4. Ювелирный камень, поэтическое название которого «роза инков». 5. Имя эстрадного певца, которого в Италии называют «сеньор Песня». 6. Черкеска со

стоячим воротником. 7. Отрасль сельского хозяйства в Средней Азии. 8. Индивидуум, личность. 9. Трава с кислыми съедобными листьями. 11. Единица электроемкости. 15. Нотный знак. 16. Приток Инна в ФРГ. 17. «Пала...» — тоска тяжелая на кручинную головушку» (А. Кольцов. «Измена»). 18. Физическое явление, название которому дала М. Кюри-Склодовская. 23. Средневековое государство на территории Судана. 24. Прием в футбольной игре. 25. Мясной продукт. 26. Возглас, восклицание. 27. Гора в Киргизии. 28. Город в Чехословакии. 29. Рыба, которую на Азовском и Черном морях называют хамсой. 34. Европейский цветок. 35. Ущерб, потеря. 37. Восьмистроичная стихотворная строфа. 39. Д. Байрон, Э. Делакруа, Ф. Тютчев (направление). 42. Пряность. 43. Борец за независимость Колумбии от Испании. 44. Кувшин с ручкой. 45. Орган осязания у насекомых. 46. Боевая горячая смесь. 51. Юркий человек, непоседа. 52. Профессия, которую родители прочили Колумбу. 53. Мелкая монета США. 54. Обычный персонаж восточных сказок.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 04.04.86. Подписано к печати 16.04.86. А 13134. Формат 70x108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1129. Заказ № 2740. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Спортивный автограф

*Друзья - наша любовь
Смеемся своим голами
Знаем все верности
во жизни.*

Протасов

Потом его приглашали в юношеские и юниорские сборные. Он и там оправдывал свое амплу форварда. Но болельщики и специалисты хранят в памяти десятки имен, громко звучавших «в юношах» и скромно — во взрослых коллективах.

В высшей лиге Олег рос вместе с командой, находившейся ко времени его дебюта на пути от аутсайдеров к середнякам. Моменты становления этого игрока и самобытного коллектива совпали. И теперь мы, зрители, встаем со стадионных скамеечек и придвигаемся поближе к телеэкранам, когда мяч у

Протасова. Пусть даже в самой негелевой позиции. Но мы все равно ждем в надежде, что Олег уйдет сейчас от защитников на своем длинном стелющемся шаге. Ждем всегда неожиданного чуда — гола. И Протасов очень часто нас не разочаровывает.

Ну что, к примеру, предвещало взятие ворот в прошлогоднем матче с датчанами в Копенгагене? Мяч нашел Протасова, когда тот перемещался по фронту атаки спиной к воротам соперника, а рядом был рослый бдительный защитник. Не только мы, зрители, не уловили момент начала взрыва, прозевал его даже опытный датский голкипер Квист. Мощный удар с разворота не оставил вратарю шансов...

Протасов, которому не исполнилось еще и 22 лет, последнее время не просто приучил нас к своим голам — избаловал. И к нашей радости, даже гордости за него нет-нет да и примешивается опасение: а выдержит ли он, только начав познавать огонь и воду, коварство уже грянувших медных труб?!

— На своем недолгом веку я уже многократно видел, как осмистывают зрители своих недавних кумиров, и, поверьте, сделал необходимые выводы, — говорит Олег. — Слава вообще проходящая, спортивная, с ее скоротечностью, — тем более. Стоит разрешить себе один раз расслабиться, не отдать всех сил, не выложиться до конца даже в рядовом матче — худо дело. И в первую очередь тебе самому... Я никогда не забываю, что все мои достижения

(их, кстати, не так уж пока и много) — результат командных усилий.

Удачи молодого форварда сразу поставили его в ряд с известными бомбардирами прошлых лет. Называется уже довольно внушительный перечень имен тех, на кого якобы похож Протасов своей манерой игры.

— Каждый большой мастер по своему индивидуален, — считает Никита Павлович Симонян, чей голевой рекорд — за сезон 34 мяча — держался вплоть до появления на футбольном горизонте Протасова. — Это заметно по своеобразным интонациям его игры. Но не надо искать в случае с Олегом каких-то аналогий, как мы иногда делаем. Просто появилась новая «звезда», и пусть она пойдет дальше предшественников, оставит свой след.

Футбол футболом, а жизнь жизнью. Что же у Олега за кромкой игрового поля?

Первое, он серьезный студент. Ему везло в жизни на тренеров, и потому, наверное, он выбрал физкультурный институт. Хочет со временем видеть в футболе своих учеников. Если выдасть хоть крошечное окошко между матчами — ищите Олега в институте.

Дотошный, любознательный турист. Уж чем-чем, а разездами футбол одаривает щедро.

— От многих спортсменов слышишь дежурную фразу: «Да, были в таком-то городе, но видели его лишь из окна автобуса». Конечно, мы за рубеж не для экскурсий ездим, — рассказывает Олег. — Но я лично (друзья не дадут соврать) использую любую возможность познакомиться с выдающимися памятниками культуры городов, где бываю. С удовольствием потом рассказываю маме об увиденном. Как-то, прилетев из Рима, где удалось посмотреть достопримечательности Ватикана, первым делом взялся читать «Муки и радости» Ирвинга Стоуна — хотелось побольше узнать о Микеланджело.

Еще он человек долга. В минувшем сезоне в конце августа получил травму. А впереди была напряженная серия игр — решалась судьба путевки на первенство мира, стартовали европейские кубковые матчи, финишировал чемпионат страны. «Днепру» и сборной нужны были его голы. И он, привыкший жить и действовать в интересах команды, отложил лечение до конца сезона — надо, значит, надо. И с травмой, причинявшей постоянное беспокойство, эти необходимые голы, самые важные в своей жизни, забил. Так что футбол для него — и радости, и муки одновременно.

«Отдыхать» после такого трудного и счастливого сезона пришлось в ЦИТО. Болельщики быстро прознали, где лежит лучший футбольный снайпер страны, и палата стала самой оживленной в клинике. После вопроса о здоровье неизменно задавался другой, о Мексике, как будто Олег мог знать, как там сложатся дела.

Он, правда, играл уже в Мексике, и тоже на чемпионате мира, только на молодежном. Лавров тогда наша сборная не снискала. Но ведь опыт приобретается и в проигранных матчах, и поражение, из которого сделаны верные выводы, часто оказывается предвестником победы. Победа же, в свою очередь, никогда не приходит без борьбы.

Сергей МИКУЛИК

Появление нового бомбардира в большом футболе — всегда событие. Форвард, удачливый на голы, моментально привлекает к себе внимание болельщиков, прессы, специалистов. Естественно, он настораживает и своих опекунов на поле. Но если он действительно большой мастер, то, несмотря ни на что, продолжает забивать. Наверное, можно назвать мастером футболиста, забившего в наше скупое в общем-то на голы время 35 мячей в чемпионате страны, 8 — в составе сборной СССР, еще 4 — в играх Кубка УЕФА. 47 голов — это, несомненно, рекорд одного сезона!

Детство Олега Протасова совпало с футбольным бумом в Днепропетровске: местный «Днепр» впервые вошел в высшую лигу. Восемилетний Олег чувствовал тогда себя едва ли не лично к этому причастным: Протасовы жили в ста метрах от стадиона, и Валерий Николаевич, страстный болельщик, частенько брал сына с собой на «Метеор». Атмосфера праздничности, приподнятого настроения на трибунах увлекала мальчугана. Особенно нравились голы — именно они вызвали подлинную бурю страстей на трибунах.

К тому же в их дворе по улице Титова была баскетбольная площадка, но мяч на ней чаще всего гоняли ногами, а воротами считалось расстояние между стойками щитов. Забивать, естественно, рвался каждый, но ворота-то маленькие, попробуй протолкни в них мяч.

Так вот, неизвестно, знали бы мы сегодня бомбардира Протасова, если б тринадцать лет назад посланные им мячи не начали все чаще вкатываться точнехонько под баскетбольный щит много чаще, чем у других.

Однажды этих ребят решили посмотреть специалисты. Дали каждому продемонстрировать свои возможности. «Улов» был не густ. Но, увидев Протасова, тренер прямо сказал, что ждет его на следующей тренировке. Уже тогда виделся в парне талант.

Тренеры ДЮСШ Игорь Леонидович Ветрогонов и Анатолий Александрович Белолобский без колебаний поставили Протасова сразу на самое острое атаки: у Олега были порыв, упорство, скорость, удар. Так что перед партнерами он с детских лет привык отчитываться забитыми мячами. И пусть для зрителей гол выглядит порой делом несложным, зато сами игроки знают, каким трудом оплачено счастливое мгновение. Протасову труд этот был в радость.

Фото
Мстислава
БОТАШЕВА

В преддверии стартового в Мексике чемпионата мира по футболу читатели «Смены» просят поближе познакомиться их с игроками нашей сборной. Часто в читательских письмах называется именинник прошлого года первенства страны, лучший бомбардир сезона Олег Протасов. Встретиться с ним в рубрике «Спортивный автограф» хотят С. Демиденко (г. Кропоткин), Е. Миклина (Свердловск), коллектив 54-го отделения связи г. Сочи, О. Иващенко (г. Нижняя Пойма), Г. Бабенко (Иловайск), И. Мацела и Т. Силина (г. Красилон) и многие другие.

Напоминаем, что материалы рубрики «Спортивный автограф» готовятся по вашим, уважаемые друзья, рекомендациям. Итак, ждем писем!

ОЛЕГ ПРОТАСОВ